

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 4. История

Санкт-Петербург
2015

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1 (Том 4) 2015
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

В. А. Верременко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент;
А. Дудек, доктор исторических наук, профессор (Польша);
К. Еконен, доктор философии, доцент (Финляндия);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан);
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор;
К. Мацузато, доктор юридических наук, профессор (Япония);
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент (Республика Молдова);
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор;
Л. Цзюань, доктор филологических наук, профессор (КНР)

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-36
[http:// www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
им. А. С. Пушкина, 2015
© Авторы, 2015

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С.А. Разумов

Эволюция формуляра метрических книг в XVIII – начале XX в. 7

В.В. Волков

Ранняя советская историография о проблеме аграрного перенаселения в России в конце XIX – начале XX в. 12

Л.Ю. Куприн

Освещение истории британского роялизма в англоязычной историографии 19

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

С.Н. Емельянов

«Военная епархия» Русской армии..... 29

Д.А. Бажанов

Тенденции и стереотипы во взаимоотношениях матросов и офицеров весной 1917 г. на кораблях Гельсингфорсской военно-морской базы 38

Е.М. Петровичева, И.С. Тряхов

Цензура в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Владимирского края) 49

ИСТОРИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Д.В. Надсадный

Городская исполнительная комиссия по благотворительности в Санкт-Петербурге в 1860–1890-е гг.: организация, деятельность, личный состав..... 60

О.А. Иванова

Оказание помощи раненым воинам в период Первой мировой войны (на примере Петроградского и Московского Вдовьих домов)..... 72

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Е.А. Вересова

Оскорбления должностных лиц как одна из форм сопротивления крестьянства власти в конце XIX – начале XX в. (по материалам Тверской губернии)..... 82

Е.М. Лаврова

Проблема этики революционера в политической борьбе 1917 г. 90

А.А. Конкин

Агитационно-пропагандистская деятельность советского руководства и белогвардейских сил на северо-западе России в годы Гражданской войны..... 101

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

В.А. Бобков

Просветительская деятельность научно-культурных организаций и общественных деятелей в отношении арсенальцев в России (XIX – начало XX в.)..... 108

С.А. Заельская

Выставочная деятельность художников и ее роль в формировании профессионального художественного искусства Урала в 1960–1980-е гг. 117

СТРАНИЦЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

А.С. Конохова

«Об укреплении связи высшей школы с жизнью» (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.)..... 126

Е.Д. Твердюкова

Советские рекламные технологии периода позднего социализма (1965–1990) 135

В.В. Монин

Итоги реформы местного самоуправления 2003–2008 гг. в Воронежской области..... 146

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

М.В. Циглер

Проблемы посткризисного развития государств Северного Причерноморья в конце III – начале IV в. 154

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Л.Ю. Гусман

Чтения по истории российского парламентаризма 165

Сведения об авторах 171

Contents

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

S.A. Razumov

The evolution of forms of registers of births in the XVIII – beginning of XX centuries 7

V.V. Volkov

The early Soviet historiography on the problem of agrarian overpopulation in Russia in the late XIX – early XX century..... 12

L. Kuprin

The History of British royalism in the English-language historiography 19

MILITARY HISTORY

S.N. Emelyanov

«The military eparchy» of the Russian army 29

D.A.I. Bazhanov

Trends and patterns in the relationships of sailors and officers in the spring of 1917 (on the materials of Helsingfors naval base)..... 38

E.M. Petrovicheva, I.S. Tryahov

Censorship during the Great Patriotic War of 1941–1945 (on the materials of Vladimir region)..... 49

CHARITY HISTORY

D.V. Nadsadny

St. Petersburg's City Executive Commission of the Charity in 1860–1890 years: organization, activity, personnel 60

O.A. Ivanova

Assistance to wounded soldiers during the First World War (on the example of Petrograd and Moscow Widows' houses)..... 72

SOCIO-POLITICAL MOVEMENT HISTORY

E.A. Veresova

The insults of officials as the form of opposition of the peasantry to the power in the end of the XIX – beginning of the XX centuries (based on materials of Tver province)..... 82

E.M. Lavrova

The problem of the revolutionary's ethics and the political struggle in 1917 90

A.A. Konkin

Agitprop activity of the Soviet leadership and the White Guard forces in the northwest of Russia during the Civil War 101

CULTURE HISTORY

V.A. Bobkov

Educational activities of scientific and cultural organizations and public figures in respect of arsenals' workers in Russia (XIX – early XX centuries) 108

S.A.I. Zael'skaya

Exhibition activities of artists and its role in the formation of a professional fine art of the Urals in 1960–1980-ies 117

CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORY PAGES

An. Konokhova

Strengthening the connection between higher school and life: reform of higher education in 1958..... 126

E.D. Tverdyukova

Soviet advertising technologies of the period of late socialism (1965–1990) 135

V.V. Monin

The results of local government reform in Voronezh region 2003–2008 146

WORLD HISTORY PROBLEMS

M.V. Tsigler

Problems of the post-crisis development of the states in the Northern Black Sea Coast at the end of III – beginning of IV century..... 154

SUMMARY AND REVIEW

L.Yu. Gusman

Reading the history of Russian parliamentarism 165

About authors 171

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 929.53(47)«1801/1917»:2

С.А. Разумов

Эволюция формуляра метрических книг в XVIII – начале XX в.

В работе представлены результаты исследования законодательной базы в отношении формуляра метрических книг. Изучена внутренняя форма и стилистические особенности текста источника. Установлен период становления метрикации и начала повсеместного ведения метрик.

The work presents the results of studying the legislative framework in respect of the form of registers of births. Studied the internal form and stylistic features of the source text. Set the period during which metrical and the beginning of widespread practices metrics.

Ключевые слова: метрические книги, формуляр, графические формы, структура метрических записей, метрикация, метрики.

Key words: metric book, the form of graphic form, the structure of the parish records, matricaria, metrics.

Метрические книги – погодные документы хронологической регистрации трех важнейших биографо-демографических событий в жизни жителей России – рождения, брака и смерти [11, с. 7]. По форме это последовательная хронологическая запись, имеющая четкую установленную законодательную структуру. Метрические книги погодно фиксировали все население прихода, независимо от сословной принадлежности. Их можно квалифицировать как общие (несословные) акты состояний. Они являются не только первичным генеалогическим источником, но и наиболее достоверным по отношению ко всей массе родословных материалов.

Метрические книги представляют существенный исследовательский интерес не только для генеалогии, но и для широкого круга наук: исторической демографии, исторической антропологии, ономастики, этнографии, социальной истории, истории медицины, генетики, истории церкви и краеведения. В теоретическом отношении данный источник позволяет изучать личность и ее включенность в малую социальную группу, а изучение микроистории является в со-

временной мировой науке одной из наиболее перспективных и активно изучаемых проблем [10, с. 23].

Метрические книги велись в каждом церковном приходе, который имел свою территорию с населенными местами. Границы церковных приходов не были постоянными: они то расширялись, то вновь уменьшались. В 1740–1783 гг. средний приход включал 60–100 дворов и 310–410 чел., в 1824 г. – 1250 чел., а в последующем, ввиду неизменности границ прихода, число его прихожан возрастало [3, с. 150].

Регистрация в метрических книгах велась священником со слов, поэтому в записях отразилось значительное количество бытовых (просторечных) наименований населенных мест. Правильность заполнения записей контролировалась благочинным. Во избежание подлогов, ошибок и упущений ответственность за каждое сведение возлагалась на весь церковный причт. Восстановление или исправление метрической записи находилось в ведении церковного суда. За невыполнение обязанностей или ошибки в подаваемых сведениях и отчетах духовенство привлекалось к суду, подвергалось штрафу и наказанию, священник мог быть лишен прихода или отправлен на покаяние в монастырь [9, с. 11].

Для каждого источника, в том числе и для метрических книг характерен свой формуляр – внутренняя форма и стилистические особенности текста источника. В России впервые метрические книги упоминаются на церковном соборе 1666–1667 гг. После петровских указов 1702 и 1724 г. метрические книги обретают государственный характер, начинается процесс постепенного внедрения их в повседневный обиход. Повсеместное применение этого вида документов началось с конца XVIII в., а к началу XX в. метрикация охватила практически все население Российской империи [2, с. 19].

В именном указе 1702 г. не было прописано, какую форму записи должны иметь метрические книги, для государства главным было получение статистических сведений. 20 февраля 1724 г. издан синодский указ «О содержании священникам метрических книг для записи рождающихся, браком сочетавшихся и умирающих, о присылке ежегодно из оных экстрактов к архиереям», в котором было прописано о недозволении вести метрические книги самовольно. С этого года записи становятся более упорядоченными, но встречались случаи нарушения данного указа.

Метрические книги велись с заданным формуляром, имеющим графические формы, которые не позволяли приходским священникам допускать даже незначительные отступления. Внутренняя структура метрических записей была изначально формализована, в результате чего в данном источнике, включая начальный период, отсутствует индивидуальный формуляр, в чем заключается особен-

ность развития формуляра российских метрических книг. В других странах метрические книги велись в свободной форме, данный факт подробно изучен в работе Х.Э. Палли [8, с. 34–45].

Первая часть метрических книг – о рождающихся – содержала следующие графы: кто, когда и у кого родился, дата крещения и кто воспитатели. Вторая часть – о бракосочетавшихся – предусматривала заполнение следующих граф: кто венчан, дата венчания и кто были поручители или поезжаные. В третьей части – об умерших – требовалось указывать дату смерти, кто именно умер, во сколько лет и от какой болезни, кем был исповедан и где погребен [4, с. 65–66]. В первом графическом формуляре отсутствовала отдельная графа, в которой записывалось имя родившегося. Имя записывалось в графу, в которой указывались родители. На этом этапе исторического развития возраст детства не имеет прав и самооценности, и личность «персоны» – ребенка неотделима от отца, поскольку процесс освобождения личности и приобретения ею свойств историчности в тот период только начинался [3, с. 153]. Также в ранних метрических книгах не записывалось имя и отчество матери новорожденного.

В качестве примера первого графического формуляра можно привести запись из метрической книги 1789 г. Волоколамска, церкви Покрова Пресвятой Богородицы: «В иуле 3 числа той церкви у диакона Ивана Никитина родилась дочь Елена, крещения святого сподоблена того месяца 26 числа. Восприемницей была того города мещанина Никифора Шашина жена Дарья Агафонова» [13. Д. 778. Л. 36].

7 января 1806 г. Синод рассмотрел возможность платного типографского тиражирования формуляра метрической книги. Признавая, что печатание листов послужит к облегчению в линовании и прописывании заглавных листов, тем не менее, члены Синода обеспокоились своевременной доставкой их в отдаленные приходы. Было принято решение вводить печатные формы книг только по желанию самих священников [4, с. 66].

6 февраля 1831 г. появляется «Высочайшее повеление об изготовлении и представлении Его Императорскому Величеству образцовой метрической книги», а по указу Синода от 28 февраля того же года были введены новые формы, теперь метрические книги также состояли из трех частей: о рождении, бракосочетании, смерти. В первой (о рождениях) фиксировались основополагающие биографические сведения, указывались дата рождения и крещения, имя родившегося, законность и незаконность рождения, имя, отчество и, если имелась, фамилия, место жительства, социальное положение и вероисповедание родителей. Теперь в обязательном порядке требовалось указание имени и отчества матери новорожденного.

22 ноября 1837 г. и 7 февраля 1838 г. последовали указы о добавлении еще нескольких граф, в которых при крещении указывались крестные родители, а при бракосочетании указывались поручители [7, с. 413]. Для восприемников и поручителей фиксировались их имя и фамилия, место жительства, социальное положение. Восприемники, как правило, были из числа родственников и часто играли довольно заметную роль в судьбе крестника [1, с. 29].

Метрические книги позволяют установить точные даты рождения и смерти священно-церковнослужителей. Другие источники (в частности, клировые и исповедные ведомости) лишь приблизительно фиксировали возраст представителей духовенства [6, с. 133–134].

Использование метрических книг при изучении семейно-родственных связей духовенства несколько затруднено тем, что далеко не всегда известно, в каком именно церковном приходе то или иное лицо вступило в брак. Например, кандидаты на рукоположение в сан священника или диакона нередко венчались в церкви, где служил кто-либо из родственников, а не в том храме, при котором они должны были занять место.

Формуляр метрических книг четко фиксировал личность в системе пространственных, временных и социальных координат, что делает их максимально информативными и наиболее ценными документальными генеалогическими источниками [12, с. 9].

Ведение метрических книг находилось в юрисдикции духовного ведомства и осуществлялось в церковных приходах, что предопределило место их современного нахождения в фондах соответствующих учреждений. Метрические книги велись в двух экземплярах – первый (оригинал), приходской, оставался в церкви, второй (копия) отсылался в духовную консисторию. В духовной консистории присланные экземпляры подбирали по благочиниям и уездам и переплетали в дело, содержащее метрики нескольких приходов за один год. В самом же приходе метрические книги переплетались в дело за несколько лет. Поэтому в архивах очень часто можно встретить и тот и другой виды дел данной документации.

Иногда в приходе велось два приходских экземпляра: «черновой» и «беловой». Священнослужители также пользовались не предусмотренными законом записными книжками, куда вносилась текущая информация, переносимая потом в приходской экземпляр. Таким образом, консисторский экземпляр, лучше всего сохранившийся до нашего времени, является не просто копией, а иногда второй и даже третьей копией оригинала [5, с. 65]. Формуляр метрик, установленный в 1724 г., был достаточно стабилен и не претерпел существенных изменений вплоть до начала XX в.

Список литературы

1. Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. – М., 1993.
2. Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги: время собирать камни // Отеч. архивы. – 1996. – № 4.
3. Антонов Д. Н. Восстановление истории семей: метод, источники, анализ: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000.
4. Гундакова Л., Хрушкая Л. Массовые источники в государственном архиве Архангельской области. Краткий обзор их отдельных разновидностей // Массовые источники отеч. истории. – Архангельск, 1999.
5. Елпатьевский А. В. К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время) // Актовое источниковедение. – М., 1979.
6. Матисон А. В. Источники изучения генеалогии православного приходского духовенства России XVIII – начала XX в. // 2000-летию Рождества Христова посвящается. – М., 2001.
7. Нечаев П. И. Практическое руководство для священнослужителей. – 10-е изд. – СПб., 1910.
8. Палли Х. Э. Церковно-приходское делопроизводство в Эстонии в XVII–XVIII вв. // Актовое источниковедение. – М., 1977.
9. Разумов С. А. Духовенство Волоколамского уезда в XIX – начале XX века: генеалогический и культурологический аспект. – Волоколамск, 2012.
10. Разумов С. А. Писцовые и метрические книги: основные источники по генеалогии православного духовенства в XVIII – начале XX в. // Вестн. МГОУ. Сер. История и политические науки. – 2013. – № 3.
11. Свищев П. А. Документальные источники как доказательная база родословного исследования // Генеалогический вестн. – 2002. – № 11.
12. Свищев П. А. Документальные генеалогические источники как доказательная база родословного исследования // Зауральская генеалогия. – 2006. – Вып. 2.
13. Центр хранения данных (ЦХД) до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745.

Ранняя советская историография о проблеме аграрного перенаселения в России в конце XIX – начале XX в.

В статье рассматриваются взгляды советских историков 1920-х гг. на проблему аграрного перенаселения дореволюционной России. Показывается развитие полемики между приверженцами различных концепций: абсолютного, относительного и социально-детерминированного малоземелья.

The article discusses the views of Soviet historians of the 1920s on the problem of agrarian overpopulation in the prerevolutionary Russia. The author shows the development of the polemics between the adherents of different concepts: absolute land shortage, relative and socially determined ones.

Ключевые слова: аграрное перенаселение, малоземелье, норма, избыток труда, рабочая сила.

Key words: agrarian overpopulation, land shortage, land quota, labour surplus, labour power.

Историография такого важнейшего фактора формирования предложения на рынке труда, как аграрное перенаселение представлена различными взглядами на его количественную и качественную стороны. Проблему аграрного перенаселения без внимания не оставили и советские историки, которые поначалу вели исследования в русле дореволюционной полемики между сторонниками абсолютного и относительного малоземелья.

В 1925 г. вышла работа Н.П. Огановского, который считал, что степень утилизации рабочей силы в разных слоях крестьянства различна. На одного малоземельного работника пашни, сенокоса и посевов приходилось в 2,5 раза меньше, чем у середняков, почти в четыре раза меньше, чем в группе зажиточных и в шесть раз меньше, чем в группе многоземельных. Наличие избыточного труда только у малоземельных при уровне производительности выше среднего составляло 9,6 млн работников, а у середняков – 10,3, а всего для СССР – 19,9 млн или 43 % от общего количества работников [14, с. XXX].

Такое малоземелье развивалось, на его взгляд, вследствие естественного прироста, которому из-за небольшой емкости промышленности некуда было податься [15, с. 19–21]. Подобной трактовки изучаемого феномена, как абсолютного перенаселения,

придерживались В.П. Вошинин, М.А. Большаков, Н. Осинский [4, с. 217–218; 1, с. 124; 2; 16, с. 13].

Помимо этих разработок, существовали работы, в которых авторы пытались ввести величину аграрного перенаселения только в пределах какого-либо региона. К числу таких исчислений следует отнести попытку А.Н. Татарчукова, который в вводной статье к первому тому «Трудов Плановой комиссии Центрально-черноземной области», пользуясь приемами Н.П. Огановского и считая в пределах четырех губерний ЦЧО в малоземельной группе 582 тыс. работников, а в среднеземельной – 2 613 тыс. и беря за норму полной использованности 4,17 га на одного работника, получил для всех губерний ЦЧО 988 166 чел. «условно-свободных работников» [11, с. 29].

А.Н. Татарчуков сообщил, что в пределах той же области сходные исчисления производились и Н.А. Меркуловым, подсчитавшим на основе материалов Облплана избыточный труд, применив метод распространения на всю территорию области норм трудовых затрат, выведенных из бюджетных материалов по отношению к «среднему» хозяйству. Таким путем Н.А. Меркулов получил для 1924 г. от 2 до 3,5 млн условно незанятых работников.

В 1926 г. секция труда Госплана УССР выпустила обширный доклад «К вопросу об избыточной рабочей силе в сельском хозяйстве Украины», в котором, разбирая различные нормы землепользования, применявшиеся для определения малоземелья России, попыталась на их основании определить трудоемкость полеводства Украины. Данные брались на 1905 г.: сельское население в рабочем возрасте – 10,4 млн чел., посевная площадь – 21,4 млн га. По нормам С. Южакова избыток для лесостепи составил 5,2 млн чел., для степи – 1,9 млн чел. По норме «Комиссии Центра» избыток был равен 6,7 млн чел. По норме В.П. Воронцова избыток рабочих мужского пола определялся в 36 %. Далее авторы, оперируя данными за 1923 г., взяли трудовую норму, выведенную из бюджетных исследований крестьянских хозяйств. В итоге все затраты сельскохозяйственного труда по этим нормам по Украине должны были составлять 1 343 млн человеко-дней. Наличные запасы рабочего времени определялись в 4 016 млн человеко-дней. Вычитая из них все затраты на сельское хозяйство, на промыслы, домашнюю работу, получился «избыток труда» в 997 млн человеко-дней или 3 600 тыс. чел. [5, с. 24].

Примерно в таком же ключе проводились и внутригубернские исследования во Владимирской (избыток – 51 % всего трудоспособного фонда сельского населения), Курской (избыток – 175,7 тыс. чел.), Орловской (избыток – 320 тыс. чел.) и Тамбовской (избыток – 458,6 тыс. чел.) губерниях [18, с. 5; 11, с. 29; 10, с. 31].

В 1923 г. по заданию Наркомзема СССР в Государственном НИИ землеустройства и переселения под руководством профессора Л.И. Лубны-Герцыка разрабатывался вопрос об «избыточном» труде в СССР. При этом, как и прежде, учитывалось наличное сельское население, не отрывающееся совсем от земли, потребное количество рабочих рук при существующих системах хозяйства, земельная норма, на которой мог прилагаться труд одного работника, общая площадь удобной земли. В результате расчетов на основе всех этих показателей устанавливалась численность «излишнего» населения. Согласно такому подходу в четырех районах СССР (Северо-Западном, Западном, Центрально-промышленном, Центрально-земледельческом) из 37 703 тыс. чел., занятых в сельском хозяйстве, при трудовой норме на одного полного работника от 4,32 до 5,94 га исследовательская группа под руководством профессора Л.И. Лубны-Герцыка установила численность избыточного трудового населения в переводе на взрослого работника в интервале от 14 227 до 18 934 тыс. чел. или от 37,8 до 50,2 % от сельского трудоспособного населения [8, с. 13–16; 9, с. 529–570].

Противником нормативного натуралистического метода в это время был профессор А.А. Рыбников. Он считал, что данный подход плодит большие недоразумения, когда смешиваются результаты продуктивности различных типов хозяйств. На самом деле, по его мнению, перенаселение деревни выражалось не в физических единицах, в неупотребляемых днях и часах, а в снижении доходности крестьянских хозяйств. Такой взгляд возможен, однако, только в сравнительном анализе и приводит поэтому к еще большим абсурдам, чем нормативный метод, так как в конечном итоге оказывается, что перенаселенными являются все страны, кроме США [17, с. 69–99].

В это же время возник еще один возможный метод исчисления «избыточного» труда – путь учета фактических затрат труда и сопоставления их с запасом рабочих сил и рабочего времени. В этом случае исследование не может основываться на массовом материале и вынуждено прибегать к монографическому методу. Так, Л.Е. Минц, признав невозможность установления избыточного труда нормативным путем, выяснил фактические затраты труда в деревне по 2 754 бюджетам в 11 районах СССР и сопоставил их с наличными запасами рабочего времени. В итоге неиспользуемая рабочая сила в рабочем возрасте была равна 9 053 000 чел. или 15,6 % от всех работников. Слабость этого метода состояла не только в использовании разнородного материала, но и в игнорировании симптомов реального перенаселения в том или ином районе. В итоге оказалось, что в Центрально-земледельческом районе, имевшем все признаки огромного перенаселения, избыточный труд составил лишь 23 % [12, с. 321–338; 13].

Вслед за появлением исследования Л.Е. Минца была опубликована статья И.Д. Верменичева, который указал на то, что избыточная рабочая сила концентрируется в наименее обеспеченных средствами производства хозяйствах и что ее бесплодно искать у экономически обеспеченных хозяев [3].

В 1930 г. вышел незаслуженно забытый труд П.П. Маслова, обобщающий проблему аграрного перенаселения. В нем он прежде всего дал развернутый историографический анализ концепций абсолютного и относительного малоземелья, различных методов определения масштабов аграрного перенаселения: нормативного метода (трудового, потребительного, потребительно-трудового), метода исчисления избытка труда по рабочему времени, метода определения по доходности производителей.

П.П. Маслов раскрыл свой вариант рассмотрения проблемы в целом и расчета аграрного перенаселения с помощью метода социального отбора. Он предложил, во-первых, не отождествлять аграрное перенаселение в России с процессом образования капиталистической резервной армии труда в силу отсутствия рынка труда или незначительности входа на него; во-вторых, анализировать аграрное перенаселение больше не как демографический, а социальный феномен, вытекающий из разложения и расслоения крестьянского хозяйства; в-третьих, использовать любую методику расчета избытка рабочей силы только с учетом явных социальных признаков перенаселения в том или ином районе.

Этот методологический подход закономерно привел П.П. Маслова к следующему определению: «Аграрное перенаселение есть... перенаселение в капиталистически недоразвитой среде, главным образом в условиях общинного землевладения и пережитков крепостнических отношений, в условиях невозможности оторваться от земли и войти в состав городской резервной армии» [10, с. 11].

По мнению П.П. Маслова, ни один массовый источник дореволюционного и советского периодов не мог удовлетворить такому подходу. Поэтому он обратился к локальным, но более емким материалам, собранным Комиссией по изучению аграрной революции, а также материалам, разработанным по инициативе М. Кубатина в НИИ землеустройства и переселения по Воронежской губернии и включавшим данные о 731 хозяйстве в пределах 9 волостей.

П.П. Маслов признал неудовлетворительной первоначальную группировку хозяйств по посеву или обеспеченности средствами производства, так как в первом случае учитывалось только полеводство, а во втором не принималась во внимание торгово-промышленная деятельность крестьян. Поэтому П.П. Маслов предложил более адекватную, на его взгляд, группировку – по социальным типам: 1) хозяйства, нанимающие рабочих, и хозяйства с

торгово-промышленными заведениями; 2) хозяйства кустарей и ремесленников; 3) хозяйства индустриальных рабочих; 4) хозяйства сельскохозяйственных рабочих; 5) хозяйства, занятые только в сельском хозяйстве и без отпуска рабочей силы. Все эти типы изучались П.П. Масловым в исторической динамике: за 1917, 1920, 1922, 1924, 1925, 1926 гг. И в результате он отсек, как не перенаселенные первые три социальные типы хозяйств.

Понимая, далее, что не все хозяйства из пятого типа могли быть перенаселенными, он классифицировал его уже по другому признаку – обеспечению средствами производства каждой единицы рабочей силы. И таким образом, пришел к выводу о том, что безынвентарные хозяйства пятого социального типа «являются несомненно искомыми хозяйствами-очагами» перенаселения, и что «отсутствие орудий и средств производства при условии невозможности выйти за пределы своего хозяйства, есть подлинное аграрное перенаселение, создающее кадр рабочей силы без всяких связей с землей, кроме вынужденной задержки около земельного надела, эксплуатация которого за отсутствием своих средств производства, конечно, не может дать сколько-нибудь значительного дохода» [10, с. 75].

Таких хозяйств на 1917 г. по четырнадцати волостям П.П. Маслов насчитал от 16 до 37 % и на основании этих цифр получил процент избыточной рабочей силы.

Исследователь заявил, что используемая им методология позволяет сформировать примерное представление о размерах аграрного перенаселения. Для этого, считал он, необходимо учитывать общие симптомы перенаселения (экстенсивный характер ведения хозяйства, низкую заработную плату, массовые выселения, низкую емкость индустриального рынка труда) и использовать такой сравнительный показатель, как обеспеченность единицы рабочей силы района орудиями и средствами производства.

Безусловно незаурядный труд П.П. Маслова содержал в себе, однако, много противоречий. Во-первых, П.П. Маслов уже априори считал расслоение крестьянских хозяйств причиной их обеднения. Во-вторых, всю четвертую группу он огульно отнес к не перенаселенным, что вызывает большое удивление, ибо не все трудоспособные члены этих семей работали по найму. В-третьих, источники, с которыми работал П.П. Маслов, характеризовали районы с отсутствием помещичьего землевладения.

Параллельно с П.П. Масловым проблему аграрного перенаселения рассматривали М.И. Лацис и А. Либкинд. Первый, трактуя проблему в духе теории абсолютного перенаселения, связывал данный феномен с быстрым ростом населения, который обгоняет

расширение земельных площадей, пригодных для ведения сельского хозяйства [6, с. 12, 64–65]. Второй же автор считал аграрное перенаселение явлением, характерным для «прусского» пути развития капитализма в деревне и отрицал его наличие в странах, развивавшихся по «американскому» пути, а также тех, где феодально-крепостнические пережитки были преодолены в ходе буржуазных революций и дальнейшего развития капитализма. Либкинд, как и Маслов, считал остатки докапиталистической формации главной причиной возникновения относительного аграрного перенаселения и поэтому не допускал его существования вне периода становления капитализма [7, с. 20, 23–24, 166, 172].

Таким образом, советская историческая наука во взглядах на аграрное перенаселение дореволюционной России к началу 1930-х гг. сумела выйти из парадигмы противостояния сторонников абсолютного и относительного малоземелья и выдвинула концепцию социально-детерминированного малоземелья.

Список литературы

1. Большаков М.А. Задачи и перспективы колонизации // Земельное дело: сб. ст. по вопр. земельной и сельскохозяй. политики, экономики, техники и организации земельного дела, колонизации и переселения и земельного дела за границей. – М., 1923.
2. Большаков М.А. Современное переселение. – М., 1924.
3. Верменичев И.Д. Об исчислении так называемого «аграрного перенаселения» // На аграрном фронте. – 1928. – № 1.
4. Вощинин В.П. Исторические и современные предпосылки русской народной миграции // О земле: сб. ст. – М., 1922. – Вып. 3.
5. К вопросу об избыточной рабочей силе в сельском хозяйстве Украины (Доклад Секции труда Президиуму Госплана УССР). – Харьков, 1926.
6. Лацис М.И. Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним (в свете перспективного плана хозяйственного развития). – М.-Л., 1929.
7. Либкинд А. Аграрное перенаселение и коллективизация деревни. – М., 1931.
8. Лубны-Герцык Л.И. О методе исследования вопроса об избыточном труде // Труды Гос. колонизационного науч.-исслед. ин-та (Госземколонит): материалы по вопр. об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР. – 1926. – Т. 3.
9. Лубны-Герцык Л.И. Об избыточном труде в сельском хозяйстве изучаемых районов // Там же.
10. Маслов П. Перенаселение русской деревни. Опыт морфографии. – М.-Л., 1930.
11. Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства в Центрально-черноземной области / под ред. А. Татарчукова. – Воронеж, 1926.
12. Минц Л.Е. К проблеме использования рабочей силы в крестьянском хозяйстве // Плановое хоз-во. – 1927. – № 8.
13. Минц Л.Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. – М., 1925.

14. Огановский Н.П. Сельское хозяйство Союза ССР в 1924/25 г. – М., 1925.
15. Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. – 1914. – Т. 3. – В. I.
16. Осинский Н. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. – М., 1928.
17. Рыбников А.А. Перенаселение и борьба с ним // Осн. вопр. плана сельского хозяйства: сб. ст. / под ред. И.А. Теодоровича. Труды Земплана. – М., 1928. – Вып. XII.
18. Чернобровцев С. Вопросы организации народного труда во Владимирской губернии в связи с общей проблемой перенаселения // Труды II конференции по изучению производительных сил Владимирской губернии 1–6 ноября 1925 г. – Владимир, 1925. – № 9.

Освещение истории британского роялизма в англоязычной историографии

В статье раскрывается вопрос освещения истории феномена британского роялизма периода Английской буржуазной революции XVII в. в англоязычной историографии, сложившейся к настоящему моменту. Рассматриваются этапы историографии по отдельным аспектам темы и вопрос общей изученности явления в целом.

This article deals with the question about history of the phenomenon of British royalism during the English Revolution of the XVII century in the English historiography developed to date. The stages of the evolution of researchers' interest in specific aspects of the topic and general questions of phenomenon are considered also.

Ключевые слова: историография, роялизм, Английская революция, Англия, Британия, XVII век, раннее Новое время.

Key words: historiography, royalism, English Revolution, England, Britain, XVII century, early modern times.

Период революции и гражданской войны в Англии на протяжении столетий остается одним из центральных событий западноевропейской истории, и, безусловно, важнейшим событием в английской истории XVII в., оказавшим огромное влияние на складывание современного мирового порядка и неизменно привлекающим внимание исследователей.

Многие вопросы, связанные с бурными событиями революционной эпохи, нашли своих исследователей, были подробно освещены и детально проработаны. Экономические, социальные, религиозные, культурные и идеологические предпосылки возникновения кризиса, этапы его развития, биографии наиболее значимых фигур, военная сторона конфликта и его развязка более трех столетий рассматривались различными историографическими школами с применением весьма разнообразных исследовательских методологий. Однако следует отметить, что среди всего множества аспектов, доступных для исследовательского осмысления в общем комплексе революционных событий, существует явление, долгое время оставшееся в стороне от интереса ведущих специалистов по истории данного периода, что представляется некоторым историографическим парадоксом. Речь идет о феномене британского роялизма в гражданской войне, о партии сторонников короля Карла I.

Английским роялистам и роялизму как феномену британской политической и идейной истории не повезло дважды – и в историческом смысле, и в смысле историографическом. Потерпев фактическое военно-политическое поражение от своих оппонентов в 1649 г., партия сторонников Стюартов не удостоивалась более-менее значительного интереса не только со стороны современных им историков, но и, что весьма парадоксально, подобное положение сохранилось в период Реставрации и последующих почти трех веков.

Даже сэр Эдвард Хайд, граф Кларендон – один из первых, кто превратил события «Великого мятежа» в объект исторического исследования (он был очевидцем и непосредственным участником многих событий, являясь далеко не последней фигурой в роялистском лагере и на политической арене периода Реставрации), посвятил в своем фундаментальном труде «История мятежа и гражданских войн в Англии» немало слов обличению «мятежников», подробнейшим образом описав политические чаяния, стремления и аргументацию сторонников парламента, не уделил должного внимания идеологической и институциональной истории того лагеря, в котором ему выпало находиться. Полемизируя с идеологами круглоголовых постфактум и формулируя аргументы партии короля, Кларендон создал первоисточник для последующего изучения британского роялизма, но сам не был историком, его изучавшим.

После Кларендона, начиная с эпохи «Славной революции», в историографии начался длительный период практически безраздельного господства историков вигской политической ориентации, относившихся к деятелям парламентского лагеря со значительной долей симпатии и также не уделивших внимания изучению феномена роялизма.

С конца XIX в. наметился некоторый позитивный сдвиг в сторону повышения интереса исследователей к лагерю королевских сторонников. Однако в тот момент основной упор был сделан на изучение государственно-политического развития Англии, противостояния парламентаристских и абсолютистских тенденций этого развития, и в частности, роли в этом противостоянии королевского двора как воплощения и вдохновителя предполагаемых абсолютистских устремлений. Также возник определенный интерес к феномену «придворной культуры» [8, с. 79–111]. Тем не менее, общий вектор исторических исследований «королевской партии», фактически подытоженный трудами С. Гардинера, продолжал оставаться в русле либеральной вигской методологии – гражданская война виделась как итог абсолютистских устремлений Карла Стюарта и его окружения, вступивших в противоречие с конституционалистскими стремлениями национального большинства [13; 14; 15].

Именно исследованиями, касающимися института королевского двора в конце Средних веков и в раннее Новое время, исчерпывался в течение большей части XX в. интерес, проявляемый историками к лагерю сторонников Стюартов. И хотя данное оживление интереса сделало возможным приближение исторической проблематики непосредственно к раннестюартовскому роялизму как целостному явлению, тем не менее, изучение двора продолжало оставаться в контексте общего уклона в исследования истории, развития и взаимодействия институтов власти. В частности, следует указать на исследования эволюции структурных подразделений двора (причем, не только в раннестюартовскую, но и в тюдоровскую эпоху), предпринятые Т. Таутом [40] и А. Ньютоном [25], и функций придворных служб С. Краймса [9] и У. Ричардсона [27].

В середине XX в. стал также возрастать интерес к такому аспекту исследований раннестюартовского периода, как репрезентация королевской власти вообще и придворный церемониал в частности, а также вопросы восприятия обществом этих традиционных механизмов самоутверждения королевских институтов. Этот историографический этап тем более значим, что в нем можно наблюдать рост заинтересованности исследователей вопросом теоретического обоснования природы королевской власти и её повседневных практик современниками – юристами, правоведами, антиквариями, теологами и другими интеллектуалами. В связи с таковой теоретизацией рассматривался двор в трудах американского исследователя Эрнеста Канторовича, опубликовавшего в 1957 г. в Принстоне работу «Два тела короля: исследование средневековой политической теологии» [19].

С появлением «ревизионистской» исторической школы в лице Х. Тревор-Ропера, Д. Старки и их последователей, сосредоточившихся на пересмотре либеральной трактовки причин и движущих сил революции и гражданской войны, наметилась, наконец, тенденция к расширению пространства исследований, связанных с двором и его культурой, что стало шагом к последующему признанию роялизма как исторического явления, имеющего самостоятельную исследовательскую значимость. В частности, в ходе дискуссии сэра Д. Элтона и Д. Старки¹, обе школы – и традиционно-либеральная и ревизионистская, пришли к пониманию необходимости наполнения

¹ Основными работами, в рамках этой дискуссии, являются: Elton G.R. *The Tudor Revolution in Government: Administrative Changes in the Reign of Henry VIII*. Cambridge, 1953; Elton G.R. *England Under The Tudors*. London, 1955; Elton G.R. *Reform and Renewal: Thomas Cromwell and the Common Weal*. Cambridge, 1973; *Revolution Reassessed: revisions in the history of Tudor government and administration*. / Ed. by C. Coleman and D. Starkey. Oxford, 1986; *The English court: from the Wars Roses to the Civil War* / Ed. by D. Starkey. London, 1987.

понятия «двор» не только административным, но и социальным смыслом – как социальной совокупности не только находящихся при дворе, но и потенциально имеющих право при нем находиться, и так или иначе разделявших его (двора) интересы. С этого момента в исследованиях стало все чаще и шире использоваться менее институционально ограниченное определение «придворное общество». Но, тем не менее, каролинский и раннестюартовский роялизм как целостное историческое явление, отнюдь не всегда связанное напрямую с личностью короля или придворным обществом, все ещё не находил своих исследователей.

Среди исследователей двора как властного института нельзя также не упомянуть работы П. Загорина, придерживавшегося концепции противопоставления и максимального обособления стюартовского придворного класса от остального английского общества, что позволяло представить всю теоретическую базу королевской власти в Англии (и последующую идеологию сторонников короля в гражданской войне) как достояние узкого круга лиц, границы коего очерчиваются и приблизительно соответствуют вышеупомянутому придворному пространству [43; 44].

Во второй половине XX в. продолжало развиваться направление исследований придворного церемониала и его сакрального значения как одного из наиболее впечатляющих способов публичной манифестации создававшихся интеллектуалами теоретических концепций властной природы государей [5; 6].

Локальный вопрос тайной «подпольной» деятельности сторонников короля в период Республики нашел свое отражение в исследовании «Роялистская конспирация в Англии 1649–1660» американский исследователь Д. Андэрдаун [41].

Заметный рост интереса к проблематике конкретного и самостоятельного явления британского роялизма революционного периода наметился со второй половины 80-х гг. XX в. и связан, в основном, с так называемой постревизионистской школой. В 1981 г. профессор Бристольского университета Рональд Хаттон стал первым специалистом, обратившим внимание историков на нехватку исследований по роялизму. Опубликовав в том же году работу «Усилия роялистов в войне 1642–1646 гг.» [18], он стал своеобразным первопроходцем в области системного изучения этого феномена.

Важное значение для развития современного представления о роялизме в его идеологической ипостаси – как системы теоретических концепций, обосновывающих и объясняющих природу и справедливый объем власти короля и его взаимоотношений с подданными – имели и имеют труды одного из авторитетнейших специалистов по политическим идеям раннестюартовской Англии Дж. П. Соммервилла: «Политика и идеология в Англии 1603–1640» и

«Иаков I и Божественное право королей: английские политики и континентальные теории» [36; 37], в которых рассматриваются собственные теоретические и полемические сочинения одного из главных идеологов английского «абсолютизма» – короля Якова I Стюарта.

Работа Майкла Мендела «Опасные должности: Смешанное управление, Сословия королевства и Ответ на 19 предложений» касается одной из последних попыток конституционных роялистов (в лице сэра Джона Коулпепера и Люциуса Кэри, виконта Фолклэнда) урегулировать конфликт с парламентской оппозицией в ходе обсуждения так называемых «19 предложений» и установить нечто вроде «смешанного управления» летом 1642 г. Новаторским шагом стало рассмотрение не только самого документа «19 предложений», достаточно известного и подробно изученного историками-вигами, но и «ответа на 19 предложений», принятого королем 18 июня 1642 г., практически преданного забвению и часто даже не публиковавшегося в авторитетнейших сборниках документов, касающихся конституционных проблем предреволюционной и революционной эпохи. Притом, что данный документ, равно как и процесс его принятия, являются важнейшими вехами в процессе генезиса идеологических фундаментов обеих сторон конфликта в период военной его стадии [23].

С середины 1980-х гг. и практически до настоящего момента, наиболее значимым специалистом по истории института королевского двора выступает Малькольм Сматс, подошедший к слиянию проблематики исследований двора и роялизма, и высказавший предположение о происхождении роялистской идеологии напрямую из придворной культуры [35; 39].

Однако и 10 лет спустя после публикации работы Хаттона, Конрад Рассел в работе «Падение Британской монархии» отмечал: «... английские роялисты, не английские парламентаристы – вот те, чьи особенности мы должны пытаться объяснить... Интеллектуальные и социальные предтечи роялизма ещё не изучены с той тщательностью, которая на протяжении поколений рачительно расточалась на парламентариев» [31, с. 526, 532]. Эти слова во многом справедливы, так как именно с 90-х гг. началось серьезное изучение роялизма во всем многообразии аспектов и граней этого исторического явления. Отрадно отметить, что возникший в этот период исследовательский интерес не ослабевает, а скорее даже продолжает усиливаться вплоть до настоящего времени.

Девяностым годам прошлого столетия мы обязаны появлению значимых работ по изучению ряда локальных аспектов роялистского движения. Одним из крупнейших современных исследователей политической, конституционной, правовой и религиозной истории стюартовского периода является Дэвид Л. Смит. Он выпустил труд,

исследующий попытки сторонников короля найти компромисс со своими парламентскими оппонентами, по возможности не изменяя своим убеждениям и не подвергая эрозии теоретические постулаты королевской идеи [32].

Исследователь Николас Хэншелл в работе «Миф абсолютизма» в очередной раз позволил себе усомниться в привычном для вигской историографии постулате о реальном существовании в Англии эпохи первых Стюартов абсолютной монархии как политической данности, равно как и существования неких планов установления в Англии абсолютизма. Сам по себе вопрос «А был ли абсолютизм в Англии?» не является новым и был не раз поднят историками-ревизионистами. Работа Хэншелла, подвергая сравнительному анализу монархические практики Англии и Франции, приходит к выводу о мифичности английского абсолютизма и абсолютистских популяризованных Стюартов и их окружения. Для историографии роялизма данное исследование важно в связи с весьма интересным и подробным разбором «теории абсолютизма» и королевской прерогативы [3].

Работа Джеймса Локсли «Роялизм и поэзия в Английской Гражданской войне: занесенный меч» (1997) открыла по сей день популярное в английской и американской историографии направление исследований, лежащее на стыке истории, культурологии и филологии, и касающиеся отражения идеологических доктрин (и в том числе роялистской), противоборствующих партий в современном литературном творчестве [21]. Ныне этот вектор исследований вызывает большой интерес, в частности среди американских специалистов.

Направление изучения церемоний королевского двора и других «зрелищных» методов репрезентации королевской власти дало в 90-е гг. посвященную ритуалу королевского погребения поздних Тюдоров и ранних Стюартов работу Дж. Вудворта [42].

Наконец, характеризуя современный этап изучения английского роялизма революционного периода, начавшийся в XXI в., следует прежде всего отметить постоянный рост числа граней и точек зрения, под которыми рассматривается этот исторический феномен. Важными достижениями стали касающаяся роялистской эмиграции работа Джеффри Смита [33] и исследующий феномен «роялистской идентичности» труд Джерома де Грота [16]. Интереснейшему и важнейшему для идентификации стюартовской партии феномену культа Карла I как короля-мученика, возникшему после его смерти на плахе, посвятил свое исследование Э. Лэсси [20].

Наиболее значимыми фигурами среди современных нам исследователей, помимо уже упоминавшихся выше М. Сматса и Дж. П. Соммервилла, следует признать, фактически, главных «двигате-

лей» и систематизаторов направления, британских исследователей Дэвида Л. Смита и Джейсона МакЭллиота. Организованная ими в июле 2004 г. в Кембридже конференция «Royalists and Royalism: Politics, Religion, and Culture, 1640–1660» стала, в сущности, первым мероприятием подобного масштаба, призванным заявить о рождении нового самостоятельного направления исследований английской истории революционного периода. Результатом конференции стала публикация двух сборников научных трудов, первый из которых был выпущен в 2007 г. [29] и касался сторонников короля в период Гражданской войны 1642–1648 гг., второй (2010) охватывает период Междоусарствия от казни короля в 1649 г. до Реставрации 1660 г. [30]. Представленные в сборниках материалы демонстрируют наметившуюся тенденцию к попыткам реабилитации если не королевского окружения, то по крайней мере лично Карла I от ставших привычными со времен господства вигской историографии обвинений в деспотичных методах, отсутствии политической гибкости и такта.

В 2007 г. Джейсон МакЭллиот опубликовал важную работу о лояльной королю публицистике периода 1647–1650 гг., так называемых «книгах ежедневных новостей» («newsbooks»), – традиционному и даже банальному явлению в годы гражданской войны, но ставшему значимым средством пропаганды в первые годы после казни короля, особенно с учетом того, что их подготовка и публикация осуществлялась в Лондоне в обстановке глубокой тайны. Кроме собственно содержания newsbooks, внимательного изучения были удостоены парламентаристская цензура и прочие ограничения свободы печати.

Последующие годы ознаменовались рядом работ, исследующих разнообразные локальные вопросы истории роялизма. Так, Энтони Мильтон в 2007 г. опубликовал труд, касающийся Питера Хейлина – известного английского писателя, публициста и полемиста из числа священнослужителей – и той части его наследия, которая связана с активной полемикой сторонников короля и архиепископа Уильяма Лоуда с их парламентскими противниками [24].

Первым со времен работы Андердауна (1960) исследованием роялистской конспирации стала в 2011 г. книга Джеффри Смита «Роялистские агенты, заговорщики и шпионы» [33]. От предшествующего труда Андердауна она отличается расширением хронологических и территориальных рамок охвата проблемы, начиная разбор тайных действий королевской партии не с 1649 г., а с 1641 г., включив тем самым в пространство исследования не только период междоусарствия, но даже краткий момент совместной работы Карла I и Долгого парламента. В поле зрения историка также попали не

только те из тайных королевских агентов, которые работали непосредственно в Англии, но и их коллеги на континенте.

Одним из немногих современных неанглоязычных историков, проявивших интерес к английскому роялизму, стал Элмер Элмерс, опубликовавший в 2011 г. исследование, касающееся отклика на казнь Карла Стюарта и др. революционных событий в голландской публицистике, в частности, трактату Петера дю Молина «The Cry of King's Blood to Heaven against English Parricides», более известному благодаря полемическому ответу на него Джона Мильтона («The Second Defence of the English People be John Milton, Englishman, in reply to an infamous Book») от 1654 г., чем самому по себе [17].

Тесно связано с роялистской проблематикой и исследование Бернарда Каппа, изучающего аспект культурного противостояния периода междоусобицы в контексте планов переустройства общества, имевшихся в наличии у пуритан и их оппонентов [7].

Завершить обзор следует упоминанием двух публикаций этого года – книги Фионы МакКолл [22], первой взявшей за серьезное изучение роялистски настроенного духовенства и обрушившихся на него гонений, и фундаментальное исследование Барри Робертсона, рассматривающее деятельность партии роялистов в регионах Шотландии и Ирландии [28].

Подводя итог, хотелось бы, во-первых, отметить, что, несмотря на немалое количество исследований, касающихся локальных вопросов проблематики партии сторонников короля Карла I, появившихся в последние 25 лет, все ещё отсутствуют работы, исследующие феномен английского роялизма в революционный период в целом, и во-вторых, высказать надежду на появление таковых в будущем.

Список литературы

1. Буров С.В. Королевский двор и политическая борьба в Англии во второй половине двадцатых–тридцатых годах XVII века. – СПб., 2009.
2. Ковалев В.А. Королевский церемониал ранних Стюартов. – СПб., 2006.
3. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. – СПб., 2003.
4. Эцина Е.И. Идеино-политические основы раннестюартовской монархии. – СПб., 2006.
5. Anglo S. Spectacles Pageantry and Early Tudor Policy. – Oxford, 1969.
6. Bergeron D. English Civic Pageantry 1558–1641. – London, 1971.
7. Capp B. England's Culture Wars: Puritan Reformation and its Enemies in the Interregnum, 1649–1660. – Oxford, 2012.
8. Chambers E. The court // Shakespeare's England: an account of the life and manners of his age. – Oxford, 1962. – V. 1.
9. Chrimes S.B. An introduction to the administrative history of medieval England. – Oxford, 1952.
10. Elton G.R. England Under The Tudors. – London, 1955.

11. Elton G.R. *Reform and Renewal: Thomas Cromwell and the Common Weal*. – Cambridge, 1973.
12. Elton G.R. *The Tudor Revolution in Government: Administrative Changes in the Reign of Henry VIII*. – Cambridge, 1953.
13. Gardiner S. *History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War. 1603–1642*. – London, 1883–1884.
14. Gardiner S. *The Fall of the Monarchy of Charles I, 1637–1649*. – London, 1882.
15. Gardiner S. *The personal government of Charles I, 1628–1637*. – London, 1877.
16. de Groot, J. *Royalist Identities*. – Palgrave Macmillan, 2004.
17. Helmers H. 'The cry of the royal blood': revenge tragedy and the Stuart cause in the Dutch Republic // *Literary cultures and public opinion in the Low Countries, 1450–1650* / Ed. by J. Bloemendal, A. van Dixhoorn, E. Strietman. – Leiden, 2011.
18. Hutton R. *The Royalist War Effort, 1642–1646*. – London, 1981.
19. Kantorowicz E. *The King's Two Bodies: a Study in Medieval Political Theology*. – Princeton, 1957.
20. Lacey A. *The cult of King Charles the Martyr: the rise and fall of a political theology, ca. 1640–1859*. – Woodbridge, 2003.
21. Loxley J. *Royalism and Poetry in the English Civil Wars: The Drawn Sword*. – Basingstoke and New York, 1997.
22. McCall F. *Baal's Priests: The Loyalist Clergy and the English Revolution*. – Farnham, 2014.
23. Mendle M. *Dangerous Positions; Mixed Government, the Estates of the Realm, and the Making of the "Answer to the XIX propositions"*. – Tuscaloosa, 1985.
24. Milton A. *Laudian and Royalist Polemic in Seventeenth-Century England: the Career and Writings of Peter Heylyn*. – Manchester, 2007.
25. Newton A.P. *Reforms in the royal household // Tudor studies* / Ed. By R.W. Setton-Watson. – New-York, 1969.
26. *Revolution Reassessed: revisions in the history of Tudor government and administration* / Ed. by C. Coleman and D. Starkey. – Oxford, 1986.
27. Richardson W.C. *Tudor chamber administration, 1485–1547*. – New-York, 1969.
28. Robertson B. *Royalists at War in Scotland and Ireland, 1638–1650*. – Aberdeen, 2014.
29. *Royalists and Royalism during the English Civil Wars* / Ed. by Smith D.L. and MacElligoth J. – Cambridge, 2007.
30. *Royalists and Royalism during the Interregnum* / Ed. by Smith D.L. and MacElligoth J. – Manchester, 2010.
31. Russell C. *The Fall of the British Monarchies, 1637–1642*. – Oxford, 1991.
32. Smith D.L. *Constitutional royalism and the search for settlement, c. 1640–1649*. – Cambridge, 1994.
33. Smith G. *Royalist Agents, Conspirators and Spies: Their Role in the British Civil Wars, 1640–1660*. – Farnham, 2011.
34. Smith G. *The Cavaliers in Exile, 1640–1660*. – Palgrave Macmillan, 2003.
35. Smuts M. *Court culture and the origins of a royalist tradition in early Stuart England*. – Philadelphia, 1987.
36. Sommerville J.P. *James I and the Divine Right of Kings: English Politics and Continental Theory // The Mental World of the Jacobean Court* / Ed. by L.L. Peck. – Cambridge, 1991.

37. Sommerville J.P. *Politics and Ideology in England 1603–1640*. – London, 1986.
38. *The English court: from the Wars of the Roses to the Civil War* / Ed. by D. Starkey. – London, 1987.
39. *The Stuart court and Europe. Essays in politics and political culture* / Ed. by M. Smuts. – Cambridge, 1996.
40. Tout T.F. *The Chapters in the administrative history of medieval England*. – Manchester, 1920.
41. Underdown D. *Royalist Conspiracy in England, 1649–1660*. – New Haven, 1960.
42. Woodwarth J. *The theatre of Death: the Ritual Management of Royal Funeral in Renaissance England 1570–1625*. – Woodbridge, 1997.
43. Zagorin P. *Rebels and rulers 1550–1660*. – Cambridge, 1982.
44. Zagorin P. *The Court and the Country. The Beginning of English Revolution*. – London, 1969.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 355.233.232(47)«1800/1917»

С.Н. Емельянов

«Военная епархия» Русской армии

В статье анализируются проблемы формирования института управления военным духовенством Русской Императорской армии. Рассматриваются вопросы выделения ведомства военного духовенства в отдельную структуру Русской православной церкви. Пройдя сложный путь административного реформирования, институт военного духовенства в начале XX в. становится самостоятельной структурой в рамках параллельного подчинения руководству военного ведомства и высшему церковному руководству. Де-факто возник институт, по своему положению сравнимый с той или иной отдельной епархией православной церкви.

This statement analyzes the problems in formation of the military clergy control institute in Russian Imperial Army. It also deals with some points of the military clergy institute excretion from other structures of The Russian Orthodox Church into the separate one. In the beginning of XX century, leaving behind the complicated way of the administrative structure reforms, the institute of the military clergy comes to a substantive department under the headship of both Military and Church departments. De facto this organization might be compared with any of separate eparchies of The Orthodox Church.

Ключевые слова: военное духовенство, русская армия, полковые священники, обер-священник, главный священник армии и флотов, протопресвитер армии и флота, военное ведомство, духовное правление при протопресвитере армии и флота, каноническая территория.

Key words: military clergy, The Russian Army, regiment priests, the chief priest, the principal priest of the Army and Fleet, the protopresbyter of the Army and Fleet, military department, clergy administration by the protopresbyter of the Army and Fleet, canonic territory.

С момента создания в России регулярной армии в рамках военного ведомства стал формироваться институт военного духовенства. В отдельную структуру ведомства военного духовенства выделилось при императоре Павле I в 1800 г., когда полковые священники были выведены из прямого подчинения епархиальных архиереев. Во главе военного духовенства был поставлен обер-священник армии и флота. С тех пор заметную роль в становлении

и развитии института военного духовенства стали играть руководители военно-духовного ведомства.

Однако свой завершённый вид институт военного духовенства приобрел только в последней четверти XIX – начале XX в. По сути, в военном ведомстве была сформирована отдельная специфическая епархия православной церкви. Путь к этому был долгим и нелегким.

К 1844 г., в результате постепенного отделения некоторых полковых церквей от ведомства обер-священника армии и флота и образования особых, отдельных от армии гвардейского и гренадерского корпусов, сформировалось ведомство обер-священника Главного штаба гвардейского и гренадерского корпусов. В 1858 г. оба обер-священника были переименованы в главные священники – один стал называться главным священником Главного штаба его императорского величества и отдельных гвардейского и гренадерских корпусов, а другой – главным священником армии и флотов [5, с. 22].

На Кавказе по причине удаленности района в 60-е гг. XIX в. была введена должность обер-священника (затем главного священника) Кавказской армии с довольно широкими правами. В его подчинении оказались и церкви кавказских казачьих войск.

Между тем в военной и военно-духовной среде стало расти осознание ненормальности раздвоения военно-духовного управления. Изменения стали происходить после смерти главного священника В.Б. Бажанова (ум. 31 июля 1883 г.).

По инициативе военных кругов и нового главного священника армии и флотов А.А. Желобовского начались работы по созданию единого ведомства военного духовенства. Прежде чем соединение полномочий главных священников нашло свое воплощение, этому предшествовала работа двух особых комиссий, созданных в феврале 1884 г. и в феврале 1890 г. В состав первой комиссии, кроме военных, входили видные представители военного духовенства.

Обсуждались два основных вопроса: о соединении обязанностей главного священника гвардии, гренадер и армии и флота в одном лице, с наименованием его главным священником военно-сухопутных и морских сил империи; и об отделении степени и порядка зависимости духовенства военного ведомства, состоящего при городских церквях, которые заключают в своих приходах местное население, от епархиальной власти, и взаимоотношениях главного священника с епархиальным управлением [9. Д. 7272. Л. 1]. В ходе обсуждения членами комиссий были высказаны самые различные предложения, вплоть до переподчинения военно-морского духовенства епархиальным властям на местах, что, впрочем, не было поддержано большинством.

Основным итогом работы комиссии 1884 г. стало составление проекта положения об управлении полковыми церквами и их духовенством.

Итогом работы второй комиссий стало то, что 11 июля 1890 г. А.А. Желобовский, уже совмещавший в своих руках две должности главного священника армии и флотов и главного священника гвардии и гренадер, получил сразу три высочайших указа из Святейшего синода. Первым указом он был уведомлен о своем назначении на новую должность протопресвитера военного и морского духовенства [9. Д. 246. Л. 1]. Вторым указом сообщалось об упразднении с 12 июня того же года должности главного священника Кавказской армии [9. Д. 246. Л. 2].

Третий указ доводил до сведения протопресвитера военного и морского ведомства о переходе под его начало всех подвижных и неподвижных церквей, ранее состоявших в ведении главных священников гвардии и гренадер, армии и флота.

Всего в России было четыре должностных лица, имевших высшее духовное звание белого духовенства – протопресвитер. Это были протопресвитер Большого придворного собора в Санкт-Петербурге, который, заведывая придворным духовенством, числился также протопресвитером московского Благовещенского собора; протопресвитер военного и морского духовенства и настоятели Успенского и Архангельского соборов в Москве.

Теперь административное положение протопресвитера военного и морского духовенства приближало его по статусу к епархиальным архиереям.

Потребовался и особый порядок назначения протопресвитера военного ведомства. Согласно новому положению процедура назначения нового протопресвитера была почти аналогичной назначению епархиальных преосвященных и их викариев. По рангу протопресвитер приравнивался к архиепископу в духовном мире и генерал-лейтенанту в военной иерархии, а также имел право на личные доклады императору.

Все военное духовенство оказалось в подчинении одного человека, включая гвардейских священников. Правда, стоит отметить, что формально военные священники должны были быть в параллельной зависимости от архиерея, на канонической территории которого они находились, однако реально подобная зависимость сводилась практически к нулю.

При протопресвитере армии и флота, для решения текущих дел было создано духовное правление. Первым председателем правления со времени учреждения должности (1892–1902) был протоиерей Г.С. Словцов. Затем должность занимали протоиереи Голубев

(1902–1904 г.), протоиерей Морев (1904–1912), в 1912 г. – В.Н. Грифцов [6, с. 244].

В связи с постоянно возрастающим количеством дел в 1909 г. была введена новая должность помощника протопресвитера военного и морского духовенства [12. Д. 75. Л. 108], в обязанности которого входило исполнение обязанностей протопресвитера в случае болезни или отсутствия последнего [12. Д. 76. Л. 52].

9 апреля 1910 г. на эту должность был назначен протоиерей Е. Аквилонов [12. Д. 76. Л. 31]. После того, как Аквилонов занял должность протопресвитера, помощником стал И. Морев [12. Д. 115. Л. 17], оставшийся на этом посту до конца существования ведомства.

Следующую ступень в иерархии военного духовенства традиционно составляли дивизионные благочинные. В армии один из священников дивизии являлся благочинным для духовенства данной военной единицы. В гвардии благочинных было меньше. Долгое время в среде гвардейского духовенства был всего один благочинный. Эту должность утвердил в 1849 г. о. В.Б. Бажанов. В начале XX в. появилась еще одна должность благочинного гвардейского духовенства.

В 1913 г. была введена должность гарнизонного благочинного. По своим функциям новая должность во многом соответствовала должности благочинного в дивизии. Ему подчинялись все священники гарнизона [7].

В армейских и гвардейских полках, а также на судах, уходящих в дальнее плавание, служили рядовые священники. Военное духовенство по своему положению было уравнено с офицерскими должностями.

Количественно корпус военного духовенства в силу объективных причин постоянно увеличивался. Так, в 1869 г. военно-духовному ведомству были подчинены 24 военных собора, сотни церквей (437 полковых, 13 крепостных, 32 госпитальные, 17 тюремных, 33 судовые и т. д.), а также целый ряд лечебных, учебных и прочих богоугодных заведений [5, с. 200]. По состоянию на 1880 г. в ведении главного священника находилось 400 священно-церковнослужителей. В 1910 г. в военном ведомстве уже находилось 651 церковь и 975 чел. военного духовенства [1, с. 254]. Во время Первой мировой войны в армии служило свыше 5 тыс. священнослужителей [15, с. 93].

В годы ведения крупномасштабных войн структура управления военным духовенством усложнялась. Создавались временные управленческие структуры военным духовенством, находящимся на театре военных действий. Вводились должности полевых главных священников действующих армий и полевые управления при них. В мирное время названные структуры расформировывались [11. Д. 755. Л. 13].

Кроме прочего, на время Первой мировой войны была учреждена новая должность – секретаря при протопресвитере военного и морского духовенства.

За период с последней четверти XIX в. в ведомстве военного духовенства была проделана огромная работа. Особо стоит отметить, что, кроме внешней реорганизации, усилиями протопресвитеров был полностью изменен облик полковых священников.

Образовательный, а нередко и моральный уровень армейских священнослужителей первой половины XIX в. часто оставлял желать лучшего. С одной стороны, это негативно сказывалось на авторитете духовенства, с другой – на выполнении задач религиозного служения в армии.

Руководству армейского духовенства необходимо было решить целый комплекс задач для привлечения достойных кадров в ряды подведомственной ему структуры. Главным в данном направлении стало улучшение материально-бытовых условий жизни священнослужителей военного ведомства и привлечение в армию лучших представителей белого духовенства Русской православной церкви.

Сами представители ведомства главного священника армии и флота, руководителя военного духовенства того времени отмечали, что до 60-х гг. из-за специфики службы в армии в полки часто поступали «недостаточно подготовленные к пастырскому служению, как по образованию, так и по своим нравственным качествам» священнослужители. Причины этого были в тяготах военной службы. Например, жизнь приходского священника даже в бедном селе, хотя и была трудна, но отличалась стабильностью. Городское духовенство, как правило, обладало большими материальными доходами.

«Кроме того, даже при желании поступить в полковые священники, личные хлопоты по этому делу, по отдаленности Санкт-Петербурга, возможны были только для просителей ближайших местностей к столице или детей полковых священников». В полк из-за низкого жалования стремились идти те, кому в епархии не досталось никакого прихода. «Были и такие, которые вынуждались к поступлению в полк – штрафами за погрешения со стороны епархиальной власти». Еще одной из причин для поступления в корпус военного духовенства было мнение о том, что «где будто бы можно было жить свободно, и что популярность в среде офицеров можно заслужить развязанностью, светскостью и участием в развлечениях и увеселениях полкового общества». По последней причине недостатка в кандидаты в полковое духовенства не было.

«... Епархиальные архиереи всегда были заинтересованы в том, чтобы удержать лучшие силы у себя, дома ... что же касается послужных списков, то характеристика личностей в ней слишком

общая...; естественно, что не последняя решающая роль в этом выпадала на долю сторонних влияний часто не бескорыстных и ходатайств не всегда основательных, особенно когда главные священники многосложностью своих обязанностей, преклонных летах, отвлекались от внимательного рассмотрения качеств и нужд искателей священства в полках» [3, с. 9].

«Все сказанное нами способствовало распространению в обществе не совсем светлого и лестного взгляда на военное духовенство...» [3, с. 12].

Необходимость реформ военно-духовного ведомства всецело поддерживалась высшим церковным руководством, военным командованием и императором.

В области повышения уровня образования военного духовенства, большую роль сыграла реформа всей системы духовного образования в целом. Повысился уровень подготовки священников [3, с. 13].

Следующим шагом стало утверждение императором в 1890 г. нового положения об окладах и штатах военного духовенства, которое значительно повысило материальный и социальный статус священно- и церковнослужителей армии и флота. Военное духовенство было уравнено по своему положению с офицерским корпусом. Дьяконские должности стали соответствовать обер-офицерским, священнические – штаб-офицерским чинам и должностям.

Непрестижная должность военного священноцерковнослужителя стала пользоваться большим уважением в обществе. Удалось значительным образом улучшить образовательный и моральный уровень военного духовенства. Весь рассматриваемый период протопресвитеры посвятили для усовершенствования своего ведомства и улучшения социального уровня подведомственного им духовенства.

Для стимулирования вступления в ряды военного духовенства наиболее достойных священников существовали и неденежные способы поощрения. Духовенство, получившее образование высокого статуса, получало определенные льготы: бесплатное лечение, билеты по льготным ценам в поездах и т. п.

С 1890 г. для выходцев из духовенства, вытесняемых из епархий за нарушение церковной дисциплины, переход на службу в военное ведомство, «сделался совершенно невозможным» [4, с. 205].

Как уже отмечалось выше, первым протопресвитером военного и морского духовенства стал А.А. Желобовский. На своем посту он пробыл до самой смерти – до 29 апреля 1910 г.

На его место 7 мая 1910 г. указом Св. Синода был назначен протоиерей Е.П. Аквилонов [12. Д. 76. Л. 62]. Однако его правление оказалось недолгим. Аквилонов умер от саркомы 30 марта 1911 г.

22 апреля 1911 г. последним протопресвитером Русской Императорской армии стал, выдающийся священник военного ведомства Г.И. Шавельский [12. Д. 77. Л. 60; 10. Д. 7666. Л. 19].

В отличие от предыдущих протопресвитеров Шавельский был первым, кто имел богатый опыт службы на театре военных действий. Учитывая этот опыт, Шавельский начал строить принципы своей работы. После вступления в должность главы военнодуховного ведомства в интервью газете «Новое время» он заявил, что до него духовенство относилось к своему делу формально, пользовалось шаблонными проповедями и т. п. [2, с. 29]. Новый протопресвитер был настроен бороться с такими настроениями. Последнее ему явно удалось. Статус протопресвитера при Г.И. Шавельском стал еще более значимым.

В 1912 г. Св. Синод назначил протопресвитера членом особого совещания при Св. Синоде по миссионерским делам с правом в случае отлучек из Санкт-Петербурга назначать своим заместителем кого-либо из членов духовного правления [14, с. 137].

С 1915 г. протопресвитер был введен в состав Св. Синода, членом которого он оставался вплоть до революционных событий февраля-марта 1917 г. Ежемесячно Г.И. Шавельский выезжал из Ставки в Петроград на заседания Св. Синода. Кроме того, пользуясь, как его предшественники, правом личного доклада у императора, Г.И. Шавельский добился права «лично присутствовать в Военном совете и защищать свои проекты», что позволяло ему быть в курсе всех военных планов, разрабатываемых Россией, и соотносить задачи своего ведомства напрямую с теми вопросами, которые должны были решать Военное и Морское министерства.

После Февральской революции в глазах новой власти протопресвитер Г.И. Шавельский оказался сторонником свергнутого режима, и положение оказалось очень шатким – была вероятность его смещения с занимаемой должности. О недоверии Временного правительства говорит тот факт, что когда из состава Св. Синода 17 апреля были выведены лица, наиболее тесно связанные с императорской фамилией или с Распутиным, в их числе оказался и Г.И. Шавельский [12. Д. 80. Л. 26].

Революция застала Шавельского в Петрограде. Из Государственной думы поступил приказ – до особого распоряжения оставаться в городе. Вскоре он был арестован. Поводом для ареста послужила его докладная записка, составленная в декабре 1916 г., в которой он доказывал необходимость принятия экстренных мер для духовного воспитания и укрепления армии, особенно ее запасных частей, находящихся в тылу и подвергавшихся активной пропаганде [4, с. 269].

С 13 ч 9 марта до 22 ч 10 марта 1917 г. протопресвитер армии и флота Г.И. Шавельский просидел под арестом в Таврическом дворце. 10 марта 1917 г. Шавельский подал обер-прокурору Св. Синода прошение об отставке «ввиду того, что приведенным в исполнение приказом об аресте меня обнаружилось недоверие ко мне власти» [13. Д. 96. Л. 1]. Однако дело о его отставке Синодом было прекращено в связи с получением Шавельским предписания от военного министра Керенского немедленно отправляться в Ставку. Но выпады против него продолжались. В Совет рабочих и солдатских депутатов в этом же году было послано письмо от группы военного духовенства, которые называли себя «представителями народа», они требовали устранения Г.И. Шавельского от работы в войсках [8. Д. 22. 3 отд. 4 стол. Л. 5–6].

Несмотря ни на что, о. Шавельский оставался на своей должности вплоть до ее ликвидации большевиками.

Как видим, благодаря руководителям военно-духовного ведомства институт военного духовенства приобрел четкую и отлаженную структуру, удачно совершенствующуюся и развивающуюся.

В силу канонических положений, принятых в православной церкви, де-юре военное духовенство, организованное административно в одном ведомстве, продолжало числиться служащим на территории того или иного епархиального архиерея. Изменить что-либо законодательно в данном вопросе не было возможности. Две церковные епархии не могут располагаться на одной и той же канонической территории. Однако, по сути, де-факто мы можем смело утверждать, что в русской армии и флоте была создана отдельная церковная структура, с признаками, присущими отдельной церковной епархии. Довод о том, что в отличие от традиционных епархий, военно-церковное ведомство находилось в параллельном подчинении высших военных чинов, обладая тем самым меньшими правами во внутренней жизни, будет не совсем уместным. В рассматриваемый нами исторический период Русская православная церковь в целом находилась под контролем светской власти и полностью от нее зависела.

Корпус военного духовенства в конце 1917 – начале 1918 г. разделил участь русской армии, прекратив свое существование вместе с ней. В современной Российской армии не утихают споры о воссоздании должностей штатных военных священников. При этом военное духовенство реально уже существует во многих воинских частях благодаря договоренностям Министерства обороны и Русской православной церкви. В этой связи сегодня как никогда актуальным становится изучение опыта построения и функционирования военно-духовного ведомства Русской императорской армии.

Список литературы

1. Богуславский И., протоиерей. К назначению помощника Протопресвитера военного и морского духовенства // Вестн. воен. духовенства. – 1910. – № 8. – С. 253–257.
2. Из периодической печати за минувший год // Вестн. воен. и морск. духовенства. – 1912. – № 1. – С. 29–32.
3. К вопросу о прошлом и современном состоянии военного духовенства (начало) // Вестн. воен. духовенства. – 1890. – № 1 – С. 8–15.
4. Катков В.М. Военное духовенство русской армии. Страницы истории. Кн. 1. – СПб., 2003.
5. Ласкеев Ф.М. Историческая записка об управлении Военным и Морским Духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.). – СПб., 1900.
6. Новый о. Председатель Духовного Правления при Протопресвитере // Вестн. воен. и морск. духовенства. – 1912. – № 6. – С. 244–250.
7. Приказ по Военному Ведомству № 664. – СПб., 1903.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 86.
9. РГИА. Ф. 806. Оп. 4.
10. РГИА. Ф. 806. Оп. 5.
11. РГИА. Ф. 806. Оп. 18.
12. РГИА. Ф. 806. Оп. 19.
13. РГИА. Ф. 1579. Оп. 1.
14. Хроника // Вестник военного и морского духовенства. – 1912. – № 3.
15. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – М., 1996. – Т. 2.

Тенденции и стереотипы во взаимоотношениях матросов и офицеров весной 1917 г. на кораблях Гельсингфорсской военно-морской базы

В статье на основании обширных архивных и мемуарных материалов, данных периодической печати предпринимается попытка проанализировать основные направления взаимоотношений командного и рядового состава в первые революционные месяцы 1917 г. Автор старался продемонстрировать отсутствие четких алгоритмов в межличностном взаимодействии, делая акцент на стратегиях поведения в период восстания, а также на роли ситуативного фактора.

In the article there is an attempt to analyze the relationships of the officers and sailors in the first revolutionary months of 1917 on the base of a wide range of archive and diary sources. The author tried to show interpersonal relationships without clear algorithms focusing on the behavior strategies during the revolt as well as the role of situational factors.

Ключевые слова: Революция 1917 г., Балтийский флот, матросы, Гельсингфорс.

Key words: revolution 1917, the Baltic Fleet, sailors, Helsingfors.

Одним из краеугольных понятий, характеризующих повседневную практику военного, определяющих стабильность в его системе мировоззрения, с нашей точки зрения, является «дисциплина». Под дисциплиной мы понимаем подчинение сложившейся в военной среде иерархии, соблюдение правил, закреплённых в соответствующих документах, имеющих обязательный для исполнения характер. Таким образом, в предреволюционный период Российский императорский флот сохранял тенденцию к разобщенности и дистанцированию офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов. А это, в свою очередь, влекло формирование соответствующих стереотипов восприятия и поведения.

Нужно отметить, что уже в первые революционные месяцы обнаружено несколько свидетельств, характеризующих отношение нижних чинов к самому понятию «дисциплина». Хронологически они датируются апрелем, т. е. не самыми первыми днями. Так, в статье унтер-офицера линкора «Республика» (бывший «Император Павел I») Г. Корнева о различных социалистических течениях, оформлявшихся в Гельсингфорсе, дисциплина обозначалась как «николаевская»,

т. е. связанная исключительно с дореволюционной порой [16]. Показательно, что в статье того же номера матрос с миноносца «Достойный» П.И. Шишко использовал практически аналогичное сочетание «николаевская палочная дисциплина» [40]. Таким образом, одной из использованных характеристик дисциплины до революции является её жестокость по отношению к нижним чинам. Наконец, С.П. Лукашевич, радиотелеграфный унтер-офицер с миноносца «Всадник», бывший в 1917 г. членом судового комитета, а затем и Центрального исполнительного комитета военного флота, выступая на вечере воспоминаний старых моряков 29 марта 1934 г., изложил подробности заседания комиссии по созданию нового Свода военно-морских положений под председательством главного военно-морского прокурора генерал-майора Н.М. Юрковского. Он рассказал, что, «когда выступал Юрковский и когда сказал, к слову, "дисциплинарный", то делегаты зашумели, засвистели. Одно слово "дисциплина" для матросов того времени было неприемлемо» [35. Л. 416; 39. Л. 89 об.]. Таким образом, представляется, что дисциплина в глазах многих моряков выглядела категорией дореволюционной, основанной на принуждении, неравенстве. Это противоречило новому «свободному» человеку, обладающему всей полнотой прав, понимаемых как возможности. Понятие же «свобода» в те первые революционные дни было, без сомнения, самым популярным.

В этом контексте взаимодействие между рядовым и командным составом стало быстро меняться. Серьёзный удар по сложившейся системе взаимоотношений на флоте был нанесён событиями 1–5 марта. В Гельсингфорсе своеобразной «точкой отсчёта» служит роковое решение командующего флотом вице-адмирала А.И. Непенина задержать объявление манифеста об отречении императора Николая II. Один из офицеров так охарактеризовал положение: «Всего лишь в течение нескольких часов на корабле образовались два лагеря: один – офицеры с подорванной моралью..., другой – матросы, утратившие дисциплину, едва лишь стало известно об отречении государя» [12, с. 4]. Таким образом, принятая, по-видимому, по политическим мотивам линия поведения командования оборачивалась негативной стороной по отношению ко всему офицерству, формируя к нему недоверие.

Однако острота противостояния в ночь с 3 на 4 марта не была одинаковой. Важную роль играли те взаимоотношения, которые формировались в предыдущий период. Причём, в основу отношений могли лечь события как давние, так и недавние. Так, например, мотивом убийства лейтенанта В.К. Ланге на линейном корабле «Император Павел I» служили, согласно многочисленным свидетельствам, подозрения экипажа в сборе сведений для «охранки» [19. Л. 19 об.;

38, с. 58]. С другой стороны, арест старшего офицера крейсера «Диана» капитана II ранга Б.Н. Рыбкина был вызван именно недавними происшествиями, связанными со смотром 22 февраля [13, с. 201; 37, с. 56–57]. Кроме того, градус противостояния зависел и от предыдущей служебной практики и строгости соблюдения дисциплины. Более новые линкоры 2-й бригады «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» не имели опыта боевых походов с 1914 г. В то же время, служебный порядок на них соблюдался весьма строго, о чём говорит большее количество взысканий и судебных дел. Возможно, такая традиция связана с тем значением, которое эти корабли имели ещё в предвоенный период, являясь своеобразной «визитной карточкой» русского флота не только во внутренних плаваниях, но и представляя Россию за границей. По мнению В.П. Булдакова, «матросы... мстили совершенно определённого типа командирам – тем, которые всем своим поведением воплощали в себе неизменность существующего порядка вещей» [9, с. 124]. М.А. Елизаров считал, что убийства затронули офицеров-носителей «другой правды» [14, с. 150–151]. Так отчуждение, закладывавшееся в предыдущие годы, оборачивалось против командного состава.

Однако мы полагаем, что нельзя недооценивать и ситуативный фактор. Определённую роль сыграли и те модели поведения, которые избирали представители командного состава в период восстания, а именно: попытки противодействия, пассивное соучастие, активное взаимодействие. Примеров противодействия взбунтовавшимся нижним чинам можно привести не так уж и много. Не допустить мятежа в первые его минуты пытались на «Императоре Павле I» старший офицер старший лейтенант В.А. Яновский, вахтенный офицер лейтенант А.Г. Булич. Отказался открыть карцер караульный офицер лейтенант Н.Н. Савинский. Пытались организовать самооборону в кают-компании офицеры «Андрея Первозванного» во главе с командиром. Ещё два случая связаны с попытками помешать зажечь красный огонь: на «Андрее» так действовал вахтенный начальник лейтенант А.Г. Бубнов, на миноносце «Ретивый» – командир, лейтенант А.Н. Репнинский [11, с. 279–280; 19. Л. 2 об., 18 об.; 38, с. 59]. Во всех случаях сопротивление быстро и беспощадно подавлялось, а представители командного состава погибали на месте. Исключением служит пример относительно массовой перестрелки на «Андрее Первозванном», но и там был тяжело ранен мичман Т.Т. Воробьёв, погиб вестовой З.Х. Хусаинов, а офицерам пришлось пойти на переговоры.

Под активным взаимодействием мы понимаем признание представителями офицерства происходящих изменений, попытку вмешаться в ход событий, итогом которой являлись конструктивные последствия. Вероятно, под эту модель подпадают прежде всего те

случаи, когда при сохранении взаимного доверия весь личный состав корабля оборонял его от вторжения посторонних, как это было, например, на крейсере «Россия», миноносцах «Гайдамак» или «Азард». Более конкретное представление об этом варианте можно составить на примере взаимодействия с командой командира «Гангута» капитана I ранга П.П. Палецкого, не только объявившего о падении монархии, но и предложившего нижним чинам избрать свой представительный орган самоуправления. В конечном счёте это привело к сохранению дисциплины и порядка на корабле и отсутствию арестов. Частным случаем, по нашему мнению, является поведение лейтенанта С.П. Ставицкого с «Севастополя», «активное взаимодействие» которого выразилось в его участии в разоружении и аресте других представителей командного состава этого линкора [10. Л. 21; 15, с. 78; 30, Л. 38 об.; 39. Л. 124]. Впоследствии он пользовался определённым доверием экипажа и даже входил в судовой комитет. Отметим также, что подобная модель поведения более характерна для кораблей, оказавшихся в стороне от первоначального эпицентра бунта, где накал противостояния, а значит и конфликтный фон, были гораздо ниже.

Большинство офицеров эти события встретило пассивно. Если корабль, на котором они служили, оказывался близко к очагам противостояния, то их ждали быстрые разоружение и арест. Именно такой вариант оказался типичен для большей части офицеров «Павла» и «Славы». Там, где командный состав сохранял свободу, он просто оставался в стороне от процессов. На ремонтировавшемся «Новике» это происходило так. После чтения манифеста об отречении Г.К. Граф, будучи старшим офицером, остался в жилой палубе «побеседовать с командой». В это время туда пришёл командир капитан I ранга А.К. Пилкин, сообщивший о мятеже на линкорах и предложивший сохранять спокойствие. С этим он и ушёл. Примерно через полчаса команду покинул и Г.К. Граф. Больше ни один из офицеров в контакт с нижними чинами не вступал [11, с. 255–256].

В силу выбора большинством офицеров последнего варианта, у нижних чинов уже в первые революционные месяцы стал крепнуть весьма устойчивый стереотип офицера-сторонника «старого строя», а значит, врага. Тем самым, появлялось отличное оправдание кровопролитию 3–5 марта в Гельсингфорсе. О том, что погибли лишь те, кто этого действительно заслуживал, в начале марта писали различные газеты. Так, «Речь» оценивала события следующим образом: «Переворот в Гельсингфорсе... произошёл с минимальным количеством жертв. Погибли люди, игравшие двойную роль, или те, чья беспощадная и бессмысленная жестокость вызвала к себе гнев восставшего народа». Похожие мысли озвучил в своей статье в

«Известиях Гельсингфорсского Совета ...» 16 марта некий «А.Б.»: «Характер расправы низших с высшими... всегда соответствует привычкам и обычаям данной среды..., а человек, которого учили только стрельбе по человеку... – как, вы думаете, он проявит свой мятежный дух? Уж не стихами ли?» И далее, развивая свою мысль, указывал, что «если бы в наших войсках обучали хоть немножко человечности и мягкости – то не было бы и той злосчастной крови, которая уже пролита» [3; 7]. Этот штамп затем нашел отражение и в более поздних воспоминаниях. Наиболее ярко-негативное отношение к себе заслужил А.И. Непенин. Борьба с командованием позиционировалась чуть ли не как тираноборство, о чём свидетельствует и получившая широкую известность радиogramма экипажа линкора «Андрей Первозванный» в отношении действий командующего, отправленная открытым текстом в 5 ч. 30 мин. утра 4 марта: «Товарищи матросы, не верьте тирану...» [32. Л. 121]. П.Д. Мальков, например, объяснял аресты офицеров на крейсере «Диана» в ночь с 3 на 4 марта тем, что «они были сущие изверги». Н.М. Пичугин, бывший матросом на линкоре 1-й бригады «Петропавловск», описал инцидент с ранением лейтенанта С.П. Славинского: «Часов в 10 на палубу вышел другой офицер, лейтенант Славинский, которого особо команда ненавидела за его придирчивость к команде...» [17, с. 14; 36. Л. 67].

Тревожность положения офицерства понимало и командование, о чём свидетельствует доклад от 15 марта исполнявшего обязанности верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М.В. Алексеева военному министру А.И. Гучкову: «События последних дней резко изменили картину и стратегическую обстановку. Балтийский флот в данное время является небоеспособным, и трудно рассчитывать, чтобы полная боеспособность была восстановлена к началу плавания в Балтийском море... Положение затрудняется тем, что из Петрограда... по всем направлениям распускаются агитаторы, призывающие к неповиновению начальству, взывающие к солдатам об установлении выборного начала на офицерских и командных должностях... Производятся аресты офицеров и начальствующих лиц, чем подрывается их авторитет...» [18, с. 36]. Делались неоднократные попытки этот авторитет поднять, т. е. изменить тенденцию отчуждения, сократив дистанцию. Ещё вечером 3 марта при разговоре с машинистом «Полтавы» А.Ф. Сакманом министр юстиции А.Ф. Керенский особо подчеркнул, что работать в борьбе с внешним и внутренним врагом матросам необходимо вместе с офицерами. Приказом № 3 от 6 марта военный и морской министр А.И. Гучков потребовал «прекратить бесчинства» над офицерами и освободить арестованных. Наконец, Ф.И. Родичев и М.И. Скобелев, выступая 4–5 марта перед командами кораблей

Гельсингфорсской военно-морской базы, обращали на это внимание нижних чинов [32. Л. 165].

Определённых результатов добиться удалось. По кораблям прокатилась волна примирительных церемоний. Об одной из них, проходившей на «Андрее Первозванном», сообщал в своём рапорте в следственный отдел ЦКБФ арестованный позднее командой подпоручик по Адмиралтейству К.М. Шамаль: «5 марта я, как и все офицеры, извинялся перед лицом всей команды [за – Д.Б.] нанесённые обиды, может быть вызванные служебным долгом. После этой церемонии был составлен командой протокол: вычеркнуть время с 3 по 5 марта из жизни корабля, а старое время предать забвению» [34. Л. 48 об.]. В тот же день вышло постановление экипажа «Императора Павла I» о «приведении в порядок жизни и работы на корабле», для чего провозглашалось «полное примирение» с командным составом. Полагаем, не случайно «комиссия выборных» минного заградителя «Нарова» тогда же приняла решение о ложности слухов, «распространяемых провокаторами» про арестованных накануне офицеров и потребовала от исполнительного комитета совета «распорядиться о[б] их освобождении и доставлении на корабль к 10 ч утра 6 марта, к каковому времени к арестному дому прибудет депутация заградителя». 19 марта судовой комитет крейсера «Диана» опубликовал в «Известиях Гельсингфорсского Совета...» своё воззвание «В единении – сила!», выпущенное шестью днями раньше. В нём, в частности, сообщалось: «Команда крейсера "Диана", вполне организовавшись и основываясь на взаимном доверии, объединившись между собой и офицерами, честно несёт свой долг перед Родиной» [1; 2; 33. Л. 19]. Команда миноносца «Боевой» уведомила, что «внутренняя жизнь миноносца продолжается в полном порядке и единении офицеров и команды, вполне выяснив все мелочи совместной жизни и службы на новых принципах» [6]. Таким образом, как видно из перечисления кораблей, своеобразные ритуальные «примирения» коснулись тех крупных кораблей, где смена власти произошла наиболее драматично.

Там, где события кровавой ночи себя практически никак не проявили, личный состав поначалу демонстрировал единение с офицерами другими способами. На миноносце «Гайдамак» личный состав сплотило смертельное ранение в ночь с 3 на 4 марта мичмана Г.В. Биттенбиндера. 7 марта, по данным вахтенного журнала, 32 чел. и 2 офицера, т. е. почти треть команды, отправились в госпиталь, чтобы перевезти его тело на городское православное кладбище. На следующий день на его похороны отправилось второе отделение (т. е. не участвовавшие накануне), в количестве ещё 27 чел. [11, с. 283; 30. Л. 41]. Для тех дней, когда погребение брали на себя родственники, или командование за казённый счёт хорони-

ло погибших в братской могиле, этот поступок выглядит уникальным! На миноносец «Инженер-механик Зверев» 7 марта жены лейтенанта Н. Наддачина и инженер-механика мичмана В. Сафронова прислали всем членам экипажа сшитые ими красные эмблемы с письмом: «Посылаем Вам, всем дорогим Зверевцам, наш небольшой подарок в знак великих событий и того доверия и любви, которые были проявлены вами к нашим мужьям. От всей души желаем всем вам счастья в новой жизни нашей дорогой освобождённой родины» [5].

Однако отменить в одночасье дистанцию, складывавшуюся веками, было невозможно. Но проявляться она стала иначе. Прежняя иерархия «офицер – унтер-офицер – нижний чин» стала дополняться новыми органами власти на корабле, взявшими часть командных функций на себя. С первых послереволюционных дней рядовой состав получил возможность напрямую выражать своё мнение по некоторым вопросам с помощью такого института, как общее собрание экипажа. Весной, в отличие от судовых комитетов, деятельность общих собраний на кораблях, стоявших в Гельсингфорсе, не получила освещения. Вероятно, впервые они стали собираться для оглашения списков представителей в комитет. В дальнейшем на общих собраниях проводились выборы всех уровней, как это было, например, на дредноутах 17–19 апреля. В этот период совпала смена делегатов в судовых, бригадных и береговых представительствах. Аналогичной была и причина организации подобных собраний на крейсерах «Россия» 25 марта и «Диана» 10 мая – оглашались списки избранных в судовые комитеты депутатов и кандидатов [23. Л. 39; 24. Л. 40; 26. Л. 20 об.; 27. Л. 15–16; 28. Л. 22 об.; 29. Л. 20 об.].

Но главным вопросом, окончательное решение которого стало относиться к компетенции общего собрания, было увольнение с корабля. И в первую очередь это коснулось офицеров. На линейном корабле «Полтава» команда через представителя судового комитета требовала списания тех офицеров, которые в кровавую ночь с 3 на 4 марта отказались подчиниться экипажу и сдать оружие, за что и были заперты в своих каютах. Командир «Полтавы» капитан I ранга С.В. Зарубаев 13 марта вынужден был обратиться в штаб флота со следующей просьбой: «Ходатайствую о скорейшем списании старшего офицера вверенного мне корабля капитана II ранга В.В. Котовского, лейтенанта К.И. Юдина, мичманов В.М. Карякина и Г.А. Тевяшева с зачислением их в резерв флота, как арестованных по желанию команды в ночь с 3 на 4 марта» [21. Л. 174]. 9 марта в Гельсингфорсский совет поступило заявление командира миноносца 9-го дивизиона «Сильный» старшего лейтенанта С. Билибина о сложении с себя полномочий из-за «обострений отношений с ко-

мандой» [4]. На «Гангуте» (после провозглашения 14 марта политической амнистии арестованным по политическим делам и возвращения ряда участников выступления 19 октября 1915 г.) общее собрание потребовало провести расследование в отношении шести офицеров, принимавших, по мнению экипажа, активное участие в подавлении беспорядков. В апреле депутаты комитета потребовали от командира списать старшего лейтенанта А.И. Королёва, лейтенантов Н.Ф. Прохорова, А.Г. Хрептовича, А.А. Сурандера, В.Е. Бурачка и мичмана И.В. Дитерихса. С подобным решением капитан I ранга П.П. Палецкий не мог согласиться, и дело отправилось в штаб бригады, оттуда – в штаб флота, затем ходатайство о пересмотре дела было передано в исполком Гельсингфорсского совета, где его 24 апреля отклонили, мотивируя «могущими произойти эксцессами между командой и названными офицерами» [34. Л. 12]. В то же время 3 мая следственная комиссия юридического отдела Гельсингфорсского совета, отправляя материалы для ознакомления в Петроградский совет, отметила, что «полагает, что никаких данных для предания суду лиц, указанных в заявлении судового комитета депутатов "Гангут" не имеется...» [34. Л. 17]. Однако 5 мая Совет передал дело в Центральный комитет Балтийского флота, который поручил подготовить анкеты. На основе заданности в содержании вопросов ЦКБФ получил и результат: ответы в «досье» оказались соответствующими, А.И. Королёва рекомендовалось посадить в тюрьму, остальных – отправить в действующую армию. В результате 6 мая следственная комиссия Центробалта «обсудив настоящее дело совместно с судовым комитетом и общим собранием команды» постановила: Н.Ф. Прохорова, А.Г. Хрептовича, В.Е. Бурачка и И.В. Дитерихса отправить на фронт, А.И. Королёва – также, но «при условии контроля там за ним и обязательства явиться к следствию». А.А. Сурандера по подозрению в соучастии с «охранкой» задержать в Петрограде [34. Л. 15–16].

На «Андрее Первозванном» 15 апреля общее собрание постановило арестовать подпоручика по Адмиралтейству К.М. Шамалю по подозрению в хищении продовольствия в период исполнения им обязанностей старшего баталера. Судовой комитет выбрал ревизионную комиссию для проверки, которая указала на нарушения, с её точки зрения, отчётности на сумму примерно в 45 тыс. р. и постановила содержать его под арестом. После полумесяца заключения его из-за ухудшения здоровья перевели в госпиталь, но и там он находился на положении арестованного [34. Л. 48–49]. Таким образом, рядовой состав использовал те стереотипные меры, что применялись до революции к самим матросам командованием.

Не будет, пожалуй, большим преувеличением считать, что именно такая практика, символизировавшая для нижних чинов, по

выражению А.К. Дрезена, «установление на флоте фактически выборного порядка» [8, с. III], вызывала у офицеров наибольшее неприятие, так как демонстрировала утрату ими контроля над жизнью корабля. Они, в свою очередь, пытались реагировать так же стереотипно в отношении себя – переводясь на другие корабли и части.

Обе меры обусловили значительную ротацию офицеров на кораблях, базировавшихся в Гельсингфорсе. Так, если до марта с линкоров 1-й бригады переводилось один–два офицера в месяц, то в марте было списано и переведено 20 офицеров [20. Л. 58 об.]. Во 2-й бригаде к середине апреля это число равнялось 13. К ним нужно прибавить ещё двух старших врачей. Из них пять отправились служить на миноносцы, один – в отдельные гардемаринские классы, четыре – в распоряжение Главного морского штаба (позднее были переведены в резерв), один – на батареи Або-Оландской укрепленной позиции, назначение одного осталось неизвестным. Лишь одно назначение можно считать повышением. Лейтенант П.И. Степанов с линейного корабля «Слава» продолжил службу в штабе дивизии сторожевых судов. При этом в бригаде сменились все командиры кораблей [31. Л. 54–57, 61–62, 65]. На три крейсера 2-й бригады, стоявших в Гельсингфорсе, за весенние месяцы пришлось 19 случаев смены офицеров и 2 – врачей. Из них установлено 12 мест переводов. Пятеро отправились служить на миноносцы, двое – в службу связи, по одному – на подводные лодки, на корабли охраны водного района Свеаборгской крепости. Два офицера были назначены в Главное управление кораблестроения и ГМШ, что было прямой дорогой в отставку. Наконец, один офицер, старший лейтенант Н.Н. Струйский, перешёл из штаба бригады на линейный корабль «Гангут». Однако нужно отметить, что он уже служил на этом дредноуте, поэтому его переход на линкор был возможен [25. Л. 30–31, 39–41, 45–46, 48, 50, 52]. Что касается небольших кораблей, то мы располагаем данными о перемещениях на кораблях дивизии сторожевых судов на уровне командиров кораблей. За первые месяцы таких случаев отмечено 20. Однако здесь более явно выражено своеобразное «расслоение». Если на предыдущих соединениях количество представителей командного состава, шедших на повышение или сохранивших служебный статус, было невелико, то в этой среде довольно много случаев, когда командиры кораблей отправлялись на более высокие должности. Так, капитан I ранга А.А. Ружек, занимавший должность начальника 9-го дивизиона миноносцев, стал командовать заградителями, командиром «Меткого» стал флаг-офицер начальника 8-го дивизиона лейтенант П. Бойль, «Искусного» – флаг-офицер штаба отряда заградителей лейтенант П.И. Демчинский, «Внимательного» – старший лейтенант Н. Павли-

нов из штаба дивизии траления. В то же время несколько человек были отправлены в резерв чинов МГШ: поручик по Адмиралтейству барон Ф. Раден, командовавший сторожевым судном «Копчик», капитаны II ранга П. Погожев и В. Потёмкин с «Внимательного» и «Искусного» соответственно, старший лейтенант И.П. Гедримович – с «Бурного» [22. Л. 13–15, 21 об.].

Таким образом, несмотря на резкие политические изменения, отношения между представителями различных групп личного состава выстраивались на прежних стереотипах. В их основе лежало взаимное недоверие между офицерством, с одной стороны, и нижними чинами (унтер-офицерами и рядовыми матросами), с другой. Слишком большую роль играли воспоминания о правах и статусе в прежние годы и тенденции к сохранению дистанции, которая закреплялась юридически и этически. В этом контексте воспринималась командами и отстраненность большей части офицерства от событий в революционные дни. Командный состав негативно воспринимал переход части функций по управлению корабельной жизнью в руки революционных органов самоуправления, представлявших фактически взгляды нижних чинов как большинства. В результате это приводило к взаимному недовольству. Обе стороны пытались решать возникшие трения в рамках традиционных стереотипов: нижние чины использовали право списания, а офицеры пытались перевестись на другие места службы.

Список литературы

1. [Б/а] В единении – сила! // Изв. Гельсингфорского Совета армии, флота и рабочих (далее – Изв. Гельсингфорского Совета...). – 1917. – 19 марта.
2. [Б/а] От команды линейного корабля «Император Павел I» // Изв. Гельсингфорского Совета... – 1917. – 9 марта.
3. [Б/а] Переворот в Гельсингфорсе // Речь. – 1917. – 8 марта.
4. [Б/а] Протокол № 4 общего собрания Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 9 марта // Изв. Гельсингфорского Совета... – 1917. – 11 марта.
5. [Б/а]. [Б/н] / Письма в редакцию // Изв. Гельсингфорского Совета... – 1917. – 16 марта.
6. [Б/а]. [Б/н] / Хроника // Изв. Гельсингфорского Совета... – 1917. – 9 марта.
7. А.Б. Вопросы дня // Изв. Гельсингфорского Совета... – 1917. – 16 марта.
8. Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне / ред. и вступ. ст. А.К. Дрезена. – М.; Л., 1932.
9. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2010.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6666. Оп. 1. Д. 18.
11. Граф Г.К. На «Новике». – СПб., 1996.
12. Д.А. День 4 марта 1917 г. на крейсере // Воен. быль. – 1958. – № 32. – С. 2–7.

13. Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. – СПб., 1993.
14. Елизаров М.А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 г. и гражданской войны (февраль 1917 – март 1921 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2007.
15. Иванов Д.И. Я – матрос «Гангута»! – М., 1987.
16. Корнев Г. Опомнитесь! // Изв. Гельсингфорского Совета... – 1917. – 22 апр.
17. Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. – М., 1987.
18. Революционное движение в русской армии в 1917 г. / под ред. Л.С. Гапоненко. – М., 1968.
19. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 431. Оп. 1. Д. 771.
20. РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158.
21. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1018.
22. РГАВМФ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 12.
23. РГАВМФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 273.
24. РГАВМФ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 65.
25. РГАВМФ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 29.
26. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 2.
27. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 11.
28. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 14.
29. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 16.
30. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 52.
31. РГАВМФ. Ф. 902. Оп. 1. Д. 166.
32. РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 3.
33. РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 43.
34. РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245.
35. РГАВМФ. Ф. р-402. Оп. 2. Д. 94.
36. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 4. Д. 198.
37. Солодков Н.П. Морские рассказы. – Париж, 1968.
38. Ховрин Н.[А.] В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса) // Красная летопись. – 1926. – № 5(20). – С. 55–75.
39. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГАСПб). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108.
40. Шишко П.[И.] Новые консерваторы и обломовцы // Изв. Гельсингфорского Совета... – 1917. – 22 апр.

Е.М. Петровичева, И.С. Тряхов

Цензура в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Владимирского края)*

В статье анализируется роль органов цензуры в годы Великой Отечественной войны. Исследуется значение цензоров в работе периодической печати Владимирского края. Обращается внимание на образовательный и возрастной состав работников местной цензуры. В заключение делается вывод о том, что существование цензорских органов в годы войны во многом способствовало решению стоящих перед страной задач.

The article analyzes the role of censorship during the Great Patriotic War. The importance of censors in the work of periodicals of Vladimir region is explored. The authors draw attention to the educational and age structure of employees of local censorship. The researchers conclude that the existence of the censorship authorities during the war largely contributed to the solution of the country's problems.

Ключевые слова: цензура, охрана государственной тайны, Великая Отечественная войны, средства массовой информации, периодическая печать, главлит, контроль, сводки цензуры.

Key words: censorship, protection of state secrets, the Great Patriotic War, media, periodicals, Glavlit, control, reports of censorship.

Значительная роль цензуры в истории отечественных средств массовой информации сложилась достаточно давно. В годы советской власти, особенно в период сталинизма, произошло ужесточение цензуры. Данный период в развитии советской цензуры А. Блюм называет «эпохой тотального террора» [2], а Г. Жирков – временем «тотальной партийной цензуры» [7], что, на наш взгляд, более близко к истине.

С 1933 по 1946 г. цензурой в Советском Союзе занималось Управление уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по охране военных и государственных тайн в печати. Усиление цензуры произошло незадолго до войны, что может служить косвенным доказательством того, что руководство страны предполагало её скорое начало. Процесс усиления цензуры и её воздействие на современников в годы Великой Отечественной войны, особенно на региональном уровне, остаётся недостаточно изученным. Следует отметить, что исследование этой проблемы нередко осложняется высокой степенью её политизации и эмоциональностью оценок.

© Петровичева Е.М., Тряхов И.С., 2015

* Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

Историографию проблем цензуры в годы Великой Отечественной войны можно разделить на два периода: советский и постсоветский. Однако сразу же стоит оговориться, что работ, касающихся собственно цензуры в годы Великой Отечественной войны, в советской историографии нет. Тем не менее, существует ряд заслуживающих внимание монографий, рассматривающих роль партии в формировании пропаганды и идеологии в нашей стране, где затрагиваются и эти вопросы. Среди них – монографии Н.М. Кононыхина [12], сборник «Средства массовой информации и пропаганда» [21], труды Г.Д. Комкова по идеологической работе КПСС [10; 11]. Представляет интерес монография М.И. Скуленко, рассматривающая влияние пропаганды на журналистику [20].

Во время перестройки и в 1990-е гг. стали появляться работы, касающиеся цензуры [23]. Л.М. Савушкин в своей монографии поставил цель изучить идеологию советского тыла [19]. После распада СССР и законодательной отмены цензуры, а также рассекречивания значительного массива архивных документов, исследователи получили возможность изучать вопросы, связанные с историей цензуры в нашей стране в рассматриваемый нами период. Положительное влияние на изучение данного вопроса оказала не только растущая доступность источников, но и применение новых методологических подходов. Вопросы цензуры в нашей стране стали рассматриваться на конференциях [24; 25; 26; 27] и в специальных исследованиях [4]. Следует выделить ряд кандидатских диссертаций, касающихся периодической печати и средств массовой информации в различных регионах СССР в годы Великой Отечественной войны [15; 16; 17]. Большим шагом вперёд в изучении проблемы стали основанные на широкой источниковой базе работы А.В. Блюма, Г.В. Жиркова и Г.В. Костырченко [14], Т.М. Горяевой [8], в которых содержится критическое осмысление истории советской цензуры, в том числе и в военное время. На наш взгляд, эти исследователи, преувеличивая отрицательные стороны советской цензуры, недооценивали и некоторые положительные её стороны, которые проявились как раз в годы Великой Отечественной войны. В монографии Т.М. Горяевой [6], несмотря на общее негативное отношение к цензуре, усматриваются и ее положительные стороны, причём не только технического характера – наличие цензоров также способствовало уменьшению грамматических ошибок в СМИ, но и предотвращало появление грубых и пошлых материалов. А.И. Константинов и Д.В. Иванов в своей статье пишут о цензуре в годы другой войны – русско-японской [13] и приходят к выводу, что в условиях войны цензура является одним из условий победы. В современной историографии усиливается регионализация исследований цензуры [28].

Цель данной статьи – изучение роли органов цензуры в периодической печати Владимирского края в годы Великой Отечественной войны. Задачами являются определение причин усиления цензуры в годы войны и выявление трудностей, с которыми столкнулись обллиты Владимирской и Ивановской области в то время.

Для решения поставленных в статье задач был использован достаточно широкий круг источников нормативно-правового и делопроизводственного характера, а также статистические материалы. Важнейшее значение имеет фонд 9425 (Главное управление по охране государственных тайн при Совете Министров СССР (Главлит)) Государственного архива Российской Федерации, который хранит отчёты обллитов и переписку их с центральным аппаратом Главлита, общие отчёты Главлита о работе цензуры, а также сводки цензуры, поступавшие в центральный аппарат Главлита. Кроме того, в фонде собраны приказы уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и другие важные документы. Часть документов данного фонда была опубликована в соответствующих сборниках, часть впервые вводится в научный оборот.

Анализ источников различного происхождения позволяет убедиться в том, что неправильно было бы считать, что цензура – абсолютное зло, характерное лишь для тоталитарных режимов и несвойственное режимам демократическим. В годы войны цензура играла скорее положительную роль, способствовала консолидации населения и идеологической победе советского народа. Тем не менее, следует избегать и другой крайности, утверждающей исключительно положительную роль цензуры и, главное, безошибочность действий цензоров.

Было бы ошибкой думать, что такие страны западной демократии, как например, США или Великобритания, не имели органов, занимавшихся цензурой средств массовой информации, особенно в период войны. Начальник Главлита Н. Садчиков прямо писал о таких структурах в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) за двадцать дней до войны: «Во всех воюющих странах осуществляется в настоящее время самая строгая почтово-телеграфная цензура. Достаточно сказать, что англичане в 1940 году отправили на Бермудские острова 700 цензоров, контролирующую всю поступающую в Англию из других стран корреспонденцию. В лондонском почтамте работает 1500 цензоров. В Германии письма не могут быть отправлены без указания адреса отправителя. Он должен лично явиться на почту и предъявить паспорт. Отправитель не имеет права наклеивать на письмо марку, это делается почтовым чиновником.

Все эти мероприятия в Англии и Германии введены в целях борьбы с разведкой противника и исключения передачи всякого ро-

да сведений, которые правительство считает нежелательными» [9, с. 85–86]. Иными словами, цензура в военное время была нормой и, если пример с гитлеровской Германией не слишком убедителен в связи с господствовавшим там нацистским режимом, то пример «демократической» Англии доказывает не только сходство мер обеспечения государственной безопасности во время войны в странах с различными политическими режимами, но и подтверждает, что это был единственно правильный путь.

В годы Великой Отечественной войны перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну, занимал не одну страницу. Логичным был запрет на публикацию выдержек и цитат из материалов и изданий, имеющих ограничительные грифы – «Совершенно секретно», «Секретно», «Для служебного пользования» – и ссылки на них (хотя, как известно, далеко не все документы, подвергавшиеся засекречиванию в те годы, заслуживали этого). Секретными являлись сведения о правилах ведения секретной переписки, хранении секретных материалов, документов, о потере и хищении секретных бумаг, всех сведений о шифрах, шифровальной и дешифровальной работе. Также запрещалось где-либо публиковать номера телефонов воинских частей, соединений, штабов, учреждений и пр. Исключением были лишь военно-учебные заведения, комендатуры и коммутаторы штабов военных округов.

Как для центральных, так и для местных газет основным поставщиком информации выступал в годы войны ТАСС. Телеграфное агентство Советского Союза поставляло информацию и пропагандистские статьи, а также снабжало печать фотоиллюстративным материалом. Кроме того, оно издавало ежедневные закрытые служебные выпуски секретного характера и бюллетень, не предназначенные для печати. Помимо этого, издавались так называемые «окна ТАСС» [22, с. 134]. Всё это, с одной стороны, давало простор для деятельности корреспондентов местных газет только в рамках их района, города или максимум административно-территориальной единицы, с другой стороны, позволяло максимально контролировать ту информацию, которая затем печаталась в газетах на самом низовом уровне.

Роль, которую играл ТАСС для районных газет, особенно ярко характеризует отчёт о работе ТАСС за первое полугодие войны: «Районным газетам ТАСС рассылает готовые клише. Вскоре после начала войны металлические клише (из гартового сплава) были заменены клише из пластических масс, что позволило улучшить качество клише, упростить их экспедирование и сэкономить сотни тонн металла. К сожалению, в связи с эвакуацией производственной базы Фотохроники из Москвы в Куйбышев снабжение районных газет клише было на 2 месяца прекращено. Теперь оно снова идёт беспре-

ребойно» [22, с. 140]. Чисто технически эта рассылка, безусловно, облегчала работу местных редакций, поскольку состав редакций с началом войны резко сократился, а общий уровень работников снизился. С другой стороны, рассылка готовых клише ещё раз подтверждает едва ли не всесторонний и всеобъемлющий контроль над прессой.

В том же полугодием отчёте ТАСС отмечал следующие недостатки, характерные для местных материалов. «1. Легковесный, подчас "шапкозакидательский", тон многих корреспонденций, неверно ориентировавший советского читателя относительно трудностей войны, силы, опытности и коварства противника, с которым нашим войскам приходится сражаться. В своё время руководство ТАСС дало корреспондентам ряд категорических на этот счёт указаний и решительно потребовало покончить с "шапкозакидательским" тоном информации. 2. Многие корреспонденты сбивались (и в значительной мере сбиваются до сих пор) на дешёвый очеркизм, забывая, что ТАСС призван обслуживать печать в основном оперативной информацией...» [22, с. 136]. Для начального периода войны «бахвальство» и «шапкозакидательство» были большой проблемой, которая не без труда устранялась длительное время.

Управление пропаганды тщательно следило за материалами, поступающими в центральную и местную печать. Цензорский контроль над печатью был многоуровневым как до выхода в свет какого-либо издания, так и после его выхода в печать. По республиканским, краевым и областным газетам ежедневно проводился контрольный просмотр всех поступающих номеров газет и выборочное чтение наиболее важных материалов, изучалась работа газет по отдельным вопросам и составлялись обзоры газет [22, с. 512–513].

Известно, что на 1 января 1945 г. в системе Главлита работало 4.024 цензора (без центрального аппарата Москвы). Из этого числа лишь 892 цензора являлись штатными работниками, остальные 3.132 были совместителями [22, с. 254].

Состав работников существенно изменился в годы войны за счёт новых людей, принятых на работу. Так, из 4 024 работников цензуры до войны в этой системе работали лишь 456 чел., т. е. чуть больше 11 %. Как отмечалось в отчете о работе цензуры за 1944 г., подавляющее большинство цензоров не имело опыта такой работы. Кроме того, в целом по стране лишь 77,6 % цензоров имели среднее и высшее образование [22, с. 256]. Об этой же проблеме писал А.С. Щербакову Г.Ф. Александров, который отмечал, что цензорские кадры в стране просто не готовятся, а «отделы пропаганды не организуют самостоятельной работы редакционных кадров над изучением марксизма-ленинизма, не оказывают им помощи

квалифицированными лекциями, докладами, проверкой их самостоятельной работы» [22, с. 517]. Цензорами обязывали работать учителей, о чём вспоминает, например, жительница Владимира В.А. Гаврилова, мать которой оказалась в числе таких работников народного образования [18, с. 140].

Аналогичная ситуация сложилась во Владимирском крае, входившем вплоть до августа 1944 г. в Ивановскую область. В 1942 г. в Ивановской области насчитывалось 45 цензоров, из них штатных было лишь 11, совместителей – 23, а общественников, которые трудились безвозмездно, было столько же, сколько и штатных. При этом в отчёте Ивановского обллита отмечалось отсутствие текучести кадров и достаточно опытный состав цензоров. Так, 4 чел. работали в цензуре свыше 5 лет, стаж от 3-х до 5-ти лет имели 8 чел., от года до трёх – 29, и лишь четверо работали меньше года [5. Оп. 1. Д. 162. Л. 20]. К концу года добавился ещё один штатный цензор. Образовательный уровень цензоров для того времени был относительно неплохим: 9 чел. имели высшее образование, 34 – среднее, и трое имели лишь начальное образование (или как говорится в отчёте – низшее) [5. Оп. 1. Д. 162. Л. 35].

До августа 1944 г. ситуация с кадрами цензоров в Ивановской области была в целом нормальной. Текучести практически не было, цензорский аппарат насчитывал то же число цензоров, что и в 1942 г. Соответственно и стаж работы сотрудников несколько увеличился [5. Оп. 1. Д. 255. Л. 4, 27].

С октября 1944 г. начал свою работу обллит Владимирской области. Поначалу он испытывал большие материальные затруднения. Начальник обллита В. Виноградов жаловался на маленькое и плохо отапливаемое помещение и на отсутствие печатных машинок, вследствие чего все документы приходилось размножать от руки [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 18]. В отличие от Ивановского обллита Владимирский испытывал большие трудности с количеством и качеством имевшихся в его распоряжении цензоров. На 18 цензоров приходился большой объём работы: так, им нужно было цензурировать 45 газет, выходивших в области и 23 радиоузла. Кроме того, в области существовало 37 типографий, выпускающих различную продукцию, которую также необходимо было проверять. Существовали и иные мероприятия, на которых были заняты работники обллита [5. Оп. 1. Д. 251. Л. 8]. Для сравнения загруженности нового обллита с Ивановским достаточно сказать, что в 1944 г. в Ивановской области издавалось 33 районных и 47 многотиражных газет, т. е. всего 80 наименований, которые обслуживались, как уже было сказано 46 цензорами [5. Оп. 1. Д. 255. Л. 42]. К тому же, сотрудники Владимирского обллита были менее опытными: два человека имели опыт работы свыше 3-х лет, остальные не имели даже годового стажа

работы, что объяснялось во многом большой текучестью кадров. Как правило, причиной этого был призыв в армию [5. Оп. 1. Д. 251. Л. 8].

Трудности, наблюдавшиеся в аппарате Владимирского обллита в 1944 г., сохранились и в следующем, победном 1945 г. Всего по области тогда насчитывалось 29 цензоров – несколько больше, чем в сорок четвёртом. Стаж их работы был невелик, но по сравнению с предыдущим годом увеличился. Во многом это было обусловлено сменой части сотрудников [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 63]. Одновременно вырос объём работы: количество газет увеличилось до 55, радиоточек – до 26, а ведь ещё печатались брошюры в количестве 15–20 печатных листов в месяц и мелкопечатная продукция в объёме 210–220 печатных листов. Цензоры осуществляли также контроль за лекциями и выставками [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 14]. Неудивительно, что были случаи (пусть и единичные) выходов газет и передач по радио вне контроля. В 1945 г. во Владимирском крае было два таких случая, и карали за это сурово: один директор предприятия был отдан под суд по 185 ст. Уголовного кодекса, а другому объявили выговор [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 15]¹.

Несмотря на, казалось бы, важность для власти цензорского аппарата, заработная плата в нем была низкой, поэтому в ряде районов области штатных работников не было вовсе [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 12]. Цензорам нередко выделялись дополнительные карточки на питание, но они полагались, как правило, только начальникам и заместителю. Проблема кадрового дефицита решалась за счёт привлечения общественников или же путём совместительства [5. Оп. 1. Д. 161. Л. 36].

Согласно отчётам Ивановского обллита, в 1942 г. было предотвращено 1.102 случая разглашения в печати военных и государственных тайн [5. Оп. 1. Д. 162. Л. 1]. С течением войны количество различного рода так называемых цензорских «вычерков» сокращалось. По данным Ивановского обллита, в течение 1944 г. было сделано 736 вычерков. Существовало даже распределение по направлениям секретных сведений. Так, из 736 вычерков 232 касались сведений о дислокации Красной армии и Военно-морского флота, и других военных вопросов, 115 – военной промышленности, 21 – транспорта, 25 – экономических сведений, 204 носили политико-идеологический характер [5. Оп. 1. Д. 255. Л. 6]. За январь–апрель 1945 г., согласно сведениям Владимирского обллита было произведено лишь 34 вычерка [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 15]. Это было связано во многом с ожиданием окончания войны, а следовательно, с

¹ Уголовная ответственность директоров предприятий за выпуск газеты только с разрешения цензора или его заместителя была введена почти с самого начала войны [5. Оп. 1. Д. 78. Л. 4].

уменьшением боязни того, что немецкая разведка сможет использовать сообщения СМИ в своих целях.

Обллиты регулярно были обязаны составлять и отправлять в Главлит сводки результатов проведенной цензуры. В этих текстовых сводках как раз и печатались важнейшие вычерки предварительной цензуры [5. Оп. 1. Д. 255. Л. 39]. Эти сводки позволяли установить контроль центра над местными цензорами, определяя с их помощью, насколько успешно работает цензор, не пропускает ли он какие-либо материалы, запрещённые к публикации в средствах массовой информации. С другой стороны, нередким было и такое явление, как чрезмерное рвение цензоров по контролю над публикацией, что приводило к вычёркиванию из сообщений и статей предложений, не представлявших никакой угрозы ни для государственной безопасности, ни для идеологии партии.

Вычёркиванию подлежали сведения о характере производства предприятий и цифрах производства [5. Оп. 1. Д. 162. Л. 3], местонахождении госпиталей [5. Оп. 1. Д. 251. Л. 4], численности населения городов и площадям посевов. Цензуре могли подвергнуться даже данные о величине грузов, перевозимых по крупнейшим рекам края во время навигации и сведения о перевыполнении планов предприятий.

Например, в сводке цензуры по данным, поступившим в центральный аппарат Главлита с 25 августа по 5 сентября 1941 г., по материалам, не пропущенным в печать предварительной цензурой, можно обнаружить, как цензор вычеркнула в газете «Пролетарий» военное звание начальника гарнизона г. Вязников – майора Перовского, посчитав это информацией, не подлежащей публикации; в патриотической заметке «Пять пионеров» в газете «Инструментальщик» цензор сняла название крейсера «Ворошилов»; а в газете «Рабочий край» цензор вычеркнул упоминание Ивановского госпиталя и цифровые данные о народном ополчении и донорах. Все вышеизложенные факты были отнесены центральным аппаратом Главлита к перегибам, хотя, по нашему мнению, публикация о народном ополчении, даже несмотря на приближающийся конец войны, была преждевременной и цензор, на наш взгляд, поступил справедливо [22, с. 598].

В газете «Инструментальщик» был допущен другой перегиб, когда цензором Кузнецовой было снято следующее предложение: «В грозные дни Отечественной войны от каждого советского гражданина, работающего для нужд Красной армии, как никогда требуется соблюдение железной воинской дисциплины» [22, с. 602]. Отнесение этого безобидного и даже скорее мобилизующего предложения к числу запрещённых к публикации, можно объяснить либо чрезмерной внимательностью цензора, либо же его недостаточной политической грамотностью.

Осенью 1944 г. начальника Главлита Н. Садчикова Агитпроп ЦК ВКП(б) обязал установить строгую ответственность цензоров за контролируемый материал. На запрещаемые материалы цензор должен был давать обстоятельное заключение. Заключение цензора с подтверждением начальника отдела предварительного контроля предоставлялось начальнику Главлита на утверждение. Отныне следовало указывать точные мотивы запрещения изданий к печати [9, с. 89]. Такие требования имели под собой вполне реалистичную основу. Так, в записке Управления пропаганды ЦК ВКП(б) секретарю ЦК Г.М. Маленкову указывалось следующее абсурдное явление, когда из-за одного перебежчика по имени Иванов Алексей Иванович работы всех авторов с фамилией Иванов начали изыматься. За такие изъятия начальник Главлита Н. Садчиков даже был предупреждён о партийной ответственности, а его подчинённым было указано на несерьёзное отношение к изъятию литературы [9, с. 89–90].

Для исправления недостатков начальникам главкрайобллитов приказывалось разработать планы мероприятий и прислать их в Главлит. Для этого в приказе № 270 Садчиков требовал «в основу работы по кадрам положить: изучение цензоров и районных уполномоченных по их делам, для чего систематически бывать на местах, оказывать конкретную помощь слабым и неопытным работникам», создать постоянный резерв, способный в любое время заменить того или иного райуполномоченного и цензора, а также вести своевременный инструктаж и систематические семинары с работниками, вновь назначенными в органы цензуры [9, с. 333].

Было бы наивно и неправильно полагать, что органы цензуры занимались лишь вычёркиванием, по их мнению, не подлежащих публикации строк. Газеты не только подвергались критике, но и нередко заслуживали похвалы. Так, в 1942 г. похвалу заслужили Владимирский «Призыв», вязниковский «Пролетарий» и многотиражная ковровская газета «Абельмановка», которая отличалась «литературным, грамотным языком без опечаток и ошибок» [5. Оп. 1. Д. 162. Л. 31–32], хотя в большинстве своём районные и многотиражные газеты отличались большим количеством грамматических ошибок, за что и подвергались органами обллитов справедливой критике [5. Оп. 1. Д. 255. Л. 32–33; Оп. 1. Д. 351. Л. 17].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны цензура играла чрезвычайно важную роль, способствуя мобилизации и консолидации населения. Однако нередким было явление, когда цензоры проявляли неоправданную строгость и чрезмерную «бдительность», что становилось одной из причин недовольства населения относительно газетных материалов, часто не сообщавших сведений, которые стремились получить люди, что приводило, в свою очередь, к распространению различного рода слухов.

С другой стороны, в условиях войны цензоры предотвращали утечку секретной информации, имеющей стратегическое или военное значение. Это было оправданно и необходимо, поскольку страна жила в экстремальных условиях и вынуждена была всесторонне охранять свою безопасность. Разумеется, нередко наблюдались «перегибы», но в таком деле без них, пожалуй, было очень трудно обойтись. В то же время следует отметить, что на сотрудников облитита выпадала порой слишком большая нагрузка, из-за чего их работа не всегда была эффективной и вызывала нарекания со стороны центрального аппарата. Эта нагрузка объяснялась вполне естественной для военных лет причиной – дефицитом кадров.

У цензуры существуют как объективные, так и субъективные истоки. Объективным является то, что пока существует государство, заинтересованное в сохранении определённых тайн, т. е. сокрытии от широкой общественности части информации, до тех пор будет существовать в том или другом виде цензура. Вопрос стоит не столько в самом феномене цензуры, сколько в её размерах и формах применения в жизни общества и государства. Очевидно, что в годы Великой Отечественной войны цензура стала важным инструментом консолидации всех сил советского общества на борьбу с общим врагом, напавшим на нашу Родину.

Список литературы

1. Белков А.К., Веревкин Б.П., Кононыхин Н.М. История партийной и советской печати. – М., 1975.
2. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. – СПб., 2000.
3. Бормотова А.Р. Цензура печатных органов Курской области в начале Великой Отечественной войны // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 107.
4. Валитов О.К. Печать и цензура. – Уфа, 1995.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9425.
6. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. – 2-е изд., испр. – М., 2009.
7. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие. – М., 2001.
8. Исключить всякие упоминания: Очерки истории советской цензуры / сост. Т.М. Горяева. – М., 1995.
9. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М., 1997.
10. Комков Г.Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941–45 гг. – М., 1965.
11. Комков Г.Д. Истоки победы советского народа в Великой Отечественной войне. – М., 1961.
12. Кононыхин Н.М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. – М., 1960.
13. Константинов А.И., Иванов Д.В. Цензура как условие победы // Воен.-ист. журн. – 2000. – № 4. – С. 20–28.

14. Костырченко Г.В. Советская цензура в 1941–1952 годах // Вопр. истории. – 1996. – № 11–12.
15. Ломовцев А.И. Средства массовой информации и их воздействие на массовое сознание в годы Великой Отечественной войны (на материалах Пензенской области): дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2002.
16. Лымарев А.Н. Периодическая печать Южного Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2002.
17. Малышев А.В. Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д., 2001.
18. Мы вышли из войны: г. Владимир и владимирцы в годы Великой Отечественной войны по дневникам, воспоминаниям, документам. – Владимир, 2004.
19. Савушкин Л.М. Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941–1945. – Воронеж, 1990.
20. Скуленко М.И. Журналистика и пропаганда. – Киев, 1987.
21. Средства массовой информации и пропаганда. – М., 1984.
22. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост.: А.Я. Лившин, А.Б. Орлов. – М., 2007.
23. Федотов М.А. Гласность и цензура. Возможность существования // Сов. гос-во и право. – 1989. – № 7. – С. 80–89.
24. Цензура в России: История и современность / Тез. конф. 20–22 сент. 1995 г., Санкт-Петербург. – СПб., 1995.
25. Цензура в России: История и современность / Тез. конф. 13–15 нояб. 1995 г., Екатеринбург. – Екатеринбург, 1995.
26. Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конф. 24–27 мая 1993 г., Москва. – М., 1995.
27. Цензура и доступ к информации: история и современность / Тез. докл. междунар. науч. конф. С.-Петерб. 16–18 марта 2005 г. / отв. ред. Конашев М.Б. – СПб., 2005.
28. Ярмолич Ф.К. Цензура на Северо-западе СССР. 1922–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010.

ИСТОРИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

УДК 94(470.23-25)«186/189»:364.662

Д.В. Надсадный

Городская исполнительная комиссия по благотворительности в Санкт-Петербурге в 1860–1890-е гг.: организация, деятельность, личный состав

В статье речь идет об истории институционального становления Петербургской городской исполнительной комиссии по благотворительности в 1860–1890-х гг. в качестве органа Петербургской городской думы по общественному призрению. Впервые в историографии с привлечением ранее неиспользованных документов из фондов Центрального государственного исторического архива С.-Петербурга (ЦГИА СПб) рассмотрены организация и личный состав комиссии, ее взаимодействие с Городской думой и другими органами петербургского самоуправления. Сделаны выводы об основных принципах деятельности комиссии: патернализм, личное участие членов в судьбе призываемых, коллективное принятие решений об оказании помощи.

The article is devoted to the institutional formation of the St. Petersburg's City Executive Commission of the Charity in 1860 – 1890 years as the element of the St. Petersburg's City Duma responsible for public assistance. The priority of the historical literature is consisted to research the Commission's organization and personnel, its cooperation to St. Petersburg's City Duma and others St. Petersburg's self-government institutions, used unpublished records of the St. Petersburg's Central State Historical Archives. In conclusion, the author considers about the main principles of the Commission's activity, such as paternalism, member's individual activity to the patronized clients destinies and the collective resolutions about the destitute assistance.

Ключевые слова: благотворительность, исполнительная комиссия по благотворительности в С.-Петербурге, история местного самоуправления, общественное призрение, С.-Петербургская городская дума.

Key words: charity, Executive Commission of the Charity in St. Petersburg, history of self-government, public assistance, St. Petersburg City Duma.

В последние десятилетия растет число исследований, посвященных изучению истории дореволюционного петербургского городского самоуправления. Это, например, монографические работы В.М. Кручковой [26], В.А. Нардовой [28], коллективная монография «Санкт-Петербургская городская дума, 1846–1918 гг.» [30], статьи М.Ф. Флоринского [37], Е.Е. Соколовой [36], Р.Ш. Ганелина и В.А. Нардовой [1] и др. Тем не менее, приходится констатировать, что

многие стороны деятельности общественного управления С.-Петербурга до 1917 г. пока мало изучены. В полной мере это касается и истории муниципальных благотворительных институтов. На сегодняшний день отсутствуют работы, касающиеся собственно Комиссии по благотворительности, исключая небольшую статью А.П. Керзума для электронных версий двух энциклопедий, посвященных С.-Петербургу [24; 25]. Однако она носит скорее справочный характер и к тому же содержит неточности, в частности, касающиеся времени образования комиссии. Рамки данной статьи ограничены периодом институционального становления Комиссии по благотворительности в качестве одного из органов Петербургской городской думы по социальным вопросам с середины 1860-х до конца 1890-х гг. В качестве источников привлечены, в том числе, ранее неиспользованные документы Центрального государственного исторического архива С.-Петербурга (ЦГИА СПб) из фондов благотворительных комиссий при Городской думе (ф. 677 и ф. 761).

Самостоятельная деятельность столичного самоуправления в сфере благотворительности началась в середине 60-х гг. XIX в. Связано это было как с общей активизацией общественной жизни в период Великих реформ, так и с земской и городской реформами 1860–1870-х гг., предоставившими органам местного самоуправления большую самостоятельность. По «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. С.-Петербургская общая и распорядительная думы получили права уездных земских учреждений, в том числе и по вопросам общественного призрения [31]. Городовым положением 1870 г. к предметам ведения городского общественного управления было отнесено «устройство за счет города благотворительных заведений и больниц, и заведование ими на основаниях, указанных для земских учреждений» [32].

9 февраля 1865 г. городская Общая дума одобрила предложение петербургского городского головы Н.И. Погребова об учреждении тридцати городских стипендий в С.-Петербургском университете, мужских и женских гимназиях города в честь десятилетия царствования императора Александра II, с ассигнованием на это 4150 р. [4, с. 203]. Рассмотрением ходатайств и распределением стипендий должен был заниматься постоянный комитет из сословных старшин под председательством городского головы. В марте 1865 г. был определен личный состав комитета: городской голова Н.И. Погребов и пять старшин: от потомственных дворян – А.П. Заблоцкий-Десятовский (известный деятель эпохи Великих реформ), от личных дворян и почетных граждан – Н.Д. Быков, от купеческого сословия – купец 2-й гильдии И.А. Аверин, от мещан – П.А. Алексеев, от ремесленников – мастер серебряного цеха А.И. Блюм [5, с. 278–281]. Комитет продолжал действовать и после введения в действие в 1873 г. Городового положения. В новую Думу

в качестве гласных попали Н.И. Погребов (он остался городским головой), барон Н.П. Фредрикс (сменивший в 1868 г. А.П. Заблоцкого-Десятовского на посту старшины отделения потомственных дворян) и Н.Д. Быков [6, с. 117–123].

В марте 1875 г. для распределения ста городских стипендий в организованном при помощи города Ремесленном училище цесаревича Николая Думой была образована особая исполнительная комиссия¹ [7, с. 910]. Через год ей же было поручено заведование всеми городскими стипендиями² [8, с. 1224]. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Комиссии «по назначению городских стипендиатов в разные учебные заведения» было поручено призрение детей убитых и раненых солдат и офицеров на ассигнованные Городской думой 12 тыс. р. в год и проценты с капитала в 100 тыс. р., пожертвованного С.-Петербургским городским кредитным обществом [27, с. 36–43]. Обновленная комиссия начала свою деятельность в январе 1878 г. [39. Д. 2. Л. 6; 10] В ее состав вошли, в том числе, журналист и издатель А.А. Краевский, историк и издатель журнала «Русская старина» М.И. Семевский, педагог и воспитатель детей Александра II Ф.Ф. Эвальд, профессор М.М. Стасюлевич и др. С марта 1878 г. комиссию возглавлял домовладелец и предприниматель В.А. Ратьков-Рожнов [9, с. 896].

В конце 70 – начале 80-х гг. XIX в. в ведение города перешли некоторые учреждения социального характера – начальные училища, городские больницы, богадельни, родильные приюты. Для управления ими были созданы специальные исполнительные комиссии по заведованию городскими начальными училищами, больничная, санитарная. В компетенции каждой из них входили вопросы, связанные с оказанием помощи нуждающимся жителям столицы. Координация деятельности отчасти достигалась тем, что в состав этих комиссий зачастую входили одни и те же лица. Так председатель Комиссии по назначению городских стипендиатов В.А. Ратьков-Рожнов возглавлял и Больничную комиссию, а кроме того, был чле-

¹ Состав комиссии на 1875–1876 гг.: Ф.А. Андреев, Н.Д. Быков, С.И. Григорьев, Ф.В. Гроздов, И.И. Домонтович, П.В. Жуковский, А.М. Игнатъев, А.А. Краевский, И.П. Лесников, В.А. Новинский, Д.П. Полозов (с правом совещательного голоса).

² Состав комиссии на 1876–1879 гг.: Ф.А. Андреев, Ф.П. Боннеблют (выбыл в сентябре 1877), Н.Д. Быков, С.И. Григорьев, Ф.В. Гроздов (выбыл в сентябре 1877), И.И. Домонтович, П.В. Жуковский, П.В. Зверков (выбыл в апреле 1879), А.М. Игнатъев, А.А. Краевский, И.П. Лесников, А.Н. Неустроев (избран в апреле 1879), В.А. Новинский (выбыл в апреле 1879), Д.П. Полозов (избран в сентябре 1877), В.А. Ратьков-Рожнов (избран в сентябре 1877, председатель с марта 1878), М.И. Семевский (избран в апреле 1879), барон Н.П. Фредрикс, Ф.Ф. Эвальд (избран в сентябре 1877, умер в октябре 1879), П.О. Яблонский (избран в сентябре 1877).

ном Комиссии по заведованию городским начальными училищами [30, с. 429–430]. Ф.Ф. Эвальд, А.А. Краевский, М.М. Стасюлевич, возглавляя Училищную комиссию, одновременно входили в состав и Стипендиатской комиссии.

К середине 1880-х гг. содержание медицинских учреждений обходилось городу почти в миллион рублей в год, из которых 265 тыс. р. тратилось только на городские богадельни [35, с. 75–78]. Расходы на образование достигали 500 тыс. р. в год [3, с. 41–44]. При этом бюджет Стипендиатской комиссии составлял всего 68 466 р. в год. На эти средства в учебных заведениях, приютах, ремесленных школах содержалось 499 лиц обоего пола [12, с. 52].

В апреле 1884 г. Городская дума решила отметить совершеннолетие наследника, цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II), выделением из городского бюджета по 25 тыс. р. в год «на призрение бедных сирот и бесприютных детей» [10, с. 395–396]. Для этого также была образована исполнительная комиссия¹ [11, с. 366–367]. Практически все ее члены, включая председателя В.А. Ратькова-Рожнова, являлись членами и Стипендиатской комиссии, а А.А. Краевский, В.А. Ратьков-Рожнов и А.Н. Неустроев – еще и Училищной комиссии (председатель А.А. Краевский). Кроме того, А.А. Краевский возглавлял, а А.Н. Неустроев являлся членом Комиссии по заведованию учебными мастерскими [11, с. 371–372]. В результате дело обучения и призрения детей оказалось в ведении сразу четырех городских комиссий: по заведованию начальными училищами, учебными мастерскими, по назначению стипендиатов и по призрению сирот.

Такое положение дел не могло не обратить на себя внимание. В ноябре 1885 г. Городская дума постановила объединить Стипендиатскую и Сиротскую комиссии в одну Исполнительную комиссию «по назначению городских стипендиатов в разные учебные заведения и по призрению сирот». Состав комиссии был определен в пятнадцать членов (включая председателя) и семь кандидатов² [13, с. 1019–1020]. Председателем остался В.А. Ратьков-Рожнов [14, с. 1192]. Первое заседание обновленной комиссии состоялось 14 января 1886 г. [39. Д. 26. Л. 1], а в ноябре 1886 г. по ее инициативе на Васильевском острове (8 линия, д. 29) был открыт первый «Городской сиротский дом в память совершеннолетия государя наследника це-

¹ Состав комиссии на 1884–1885 гг.: П.П. Дурново, А.М. Игнатъев, А.А. Краевский, А.Н. Неустроев, В.А. Ратьков-Рожнов (председатель), М.М. Стасюлевич, И.И. Суздальцев.

² Состав комиссии на 1884–1889 гг.: А.В. Алферовский, А.И. Бландов, В.В. Болотин, Н.А. Варгунин, А.М. Григорьев, А.П. Дельсаль, И.И. Домонтович, Г.Р. Жаров, П.В. Жуковский, А.М. Игнатъев, Е.К. Кудрявцев, И.И. Пирогов, В.А. Ратьков-Рожнов (председатель), А.М. Серов, С.А. Смуров.

саревича 6 мая 1884 года» на 120 сирот обоего пола [15, с. 1341–1342]. В июне 1887 г. в распоряжение комиссии поступил капитал генерала от инфантерии Г.Г. Белогородского на устройство в столице сиротского дома «для призрения круглых сирот штаб и обер-офицеров» [41. Д. 3976. Л. 81]. Открытый в ноябре 1893 г. в доме под № 16 по Колокольной улице, он получил наименование в честь генерала-жертвователя [41. Д. 5011. Л. 22–26]. В ноябре 1889 г. комиссия была переименована в «Городскую исполнительную комиссию по благотворительности» – название, которое она носила вплоть до своей ликвидации в 1917 г.¹ [16, с. 1139].

В 80-е гг. XIX в. складывается определенный порядок работы комиссии. Вознаграждения за членство в комиссии не полагалось. Заседания проходили один–два раза в месяц, летом реже – члены разъезжались «на каникулы». Комиссия начинала действовать только на основе поданных в нее прошений или по заявлениям ее членов. Просьбы принимались от всех доброхотных людей, желавших содействовать призрению какого либо сироты. Среди документов встречаются, например, ходатайства городских учительниц, которые особенно хорошо знали материальное положение своих учеников. Так, в апреле 1885 г. городская учительница Е. Разина обратилась к В.А. Ратькову-Рожнову с ходатайством сразу за трех сирот: Евгению Комову («круглая сирота и воспитывается только из милости у совершенно чужой женщины <...>, девочка милая, способная и старательная, но крайне слабая и болезненная»), Елену Пермякову («девочка истощена голодом и общими несчастьями») и Анастасию Матвееву («находится в крайности и вполне достойна помещения в приют, так как мать ее уже пятый месяц по болезни и слабости не может работать и девочка живет только из милости у чужих людей, которые тяготятся ею и попрекают каждым куском»). Особенно надеялась просительница на участие Ратькова-Рожнова в судьбе Пермяковой, «так как эта та девочка, которой сделали в школе дурно от голода и которой Вы оказали великодушную помощь, выдав ей деньги на завтрак» [39. Д. 18. Л. 31].

Поступающие прошения распределялись «для обследования семейного положения и степени нужды просителей» между членами комиссии. На первом же заседании Комиссии по назначению городских стипендиатов и по призрению сирот 14 января 1886 г. встал вопрос о порядке этого распределения: в зависимости от места жительства члена комиссии или же между всеми поровну. После об-

¹ Состав комиссии на 1890 г.: В.А. Болотин, Н.А. Варгунин, барон Г.Е. Гинцбург, В.Е. Головин, А.М. Григорьев, И.И. Домонтович, Г.Р. Жаров, Н.К. Зейфарт, А.М. Игнатъев, Е.К. Кудрявцев, И.И. Кокин, Н.А. Мазурин, И.И. Пирогов, В.А. Ратьков-Рожнов (председатель), А.К. Савин, С.А. Смулов, М.М. Стасюлевич, П.А. Стречков, В.В. Суслов.

суждения было предложено распределять прошения между членами председателю комиссии «по своему собственному усмотрению, по возможности уравнительно, но, не устанавливая на это никаких определенных правил» [39. Д. 26. Л. 4]. Но «уравнительное» распределение не всегда получалось: количество выпадавших на члена комиссии прошений могло колебаться от трех до сорока. Кроме того, каждый член комиссии присматривал за каким-нибудь заведением, в котором содержались городские пансионеры. Такой порядок впервые был предложен на заседании комиссии 4 февраля 1886 г. Мотивировалось это тем, «что нередко бывают жалобы на неудовлетворительное содержание городских пенсионеров в разных воспитательных заведениях и приютах». Предложение было «сочувственно принято всеми присутствующими», после чего члены комиссии распределили между собой надзор за городскими воспитанниками в 21 заведении [39. Д. 26. Л. 11]. Тем самым устанавливался постоянный патронаж членов комиссии над призреваемыми за счет города лицами. Подобная «вертикальная» модель попечительства акторов благотворительной деятельности над своими «клиентами» – получателями помощи, являлась весьма характерной для дореволюционной российской филантропии. В данном случае члены Благотворительной комиссии действовали от имени коллективного «патрона» – столичного самоуправления.

В ноябре 1895 г. комиссия занялась оказанием помощи горожанам, пострадавшим от наводнения 2 ноября 1895 г. На это из городского бюджета единовременно выделялось 10 тыс. р. [27, с. 1583–1586]. В течение года члены комиссии рассмотрели 839 просьб о пособии, из них 784 просьбы были удовлетворены [34, с. XXXII–XXXIII]. В декабре того же года Городская дума поручила комиссии раздачу дров неимущим жителям столицы в холодное время, на что ежегодно выделялось до 4 тыс. р. [19, с. 1856]. Исполнение новых поручений выявило непригодность комиссии к подобной работе: «Нескольким членам комиссии пришлось объездить и навести справки о нескольких сотнях лиц, просивших помощи, лиц для члена Комиссии совершенно чуждых, обитающих в отдаленных от его местожительства участках, куда он являлся посторонним, чуждым человеком, не имевшим никакой связи с местным населением. Трудно себе представить какие при таких условиях представлялись затруднения к получению точных и правдивых сведений о просителях» [33, с. 257].

В 1896 г. общее число обращений в Комиссию по благотворительности об оказании различного рода помощи (назначении стипендий, помещении детей в приюты, выдаче пособий деньгами, дровами, вещами и т. д.) достигло 3 553. Из них было удовлетворено 2 714 ходатайств. Бюджет комиссии превысил 100 тыс. р. [34,

с. XXXII–XXXIII]. При этом дело городской благотворительности продолжало оставаться раздробленным: городскими богадельнями заведовала Больничная комиссия, строящимся городским Домом трудолюбия имени великой княжны Ольги Николаевны (Никольская пл., д. 1) ведала Городская управа, в ведении Комиссии по народному образованию находилось несколько сот стипендий для учащихся городских начальных училищ, желавших продолжать образование.

Сложившаяся практика городской благотворительной работы нуждалась в осмыслении и формализации. Поэтому во второй половине 1890-х гг. в Городской думе начинается активное обсуждение вопросов, связанных с реорганизацией муниципальных благотворительных институтов и расширением участия города в данной сфере. В 1896 г. принимается инструкция Комиссии по благотворительности, в которой впервые определялись предметы ее ведомства, права и обязанности [20, с. 366–369]. Ей поручалось замещение городских стипендий в учебных заведениях, определение детей-сирот в приюты, заведение двумя городскими сиротскими домами и «распределение между беднейшим населением столицы дров, приобретаемых на ассигнованные Думой и жертвуемые благотворителями деньги». Комиссия состояла из председателя и пятнадцати членов, избираемых Думой на четырехлетний срок¹. В отдельные части города из числа членов комиссии назначались особые попечители. Этот пункт, кстати сказать, отсутствовал в первоначальном варианте [17, с. 77]. Сказался опыт, полученный при оказании помощи пострадавшим от наводнений и по раздаче дров.

Учреждение участковых попечителей следует рассматривать как шаг на пути создания сети первичных ячеек городской благотворительности – попечительств о бедных. Подобная система организации помощи считалась в наибольшей степени способной учитывать потребности каждого нуждающегося. В ее основу была положена «эльберфельдская система» – по имени немецкого города Эльберфельда, где такие попечительства были впервые учреждены в 1852 г. [2, с. 44–45]. В 1893 г. подобные попечительства были созданы и в Москве, но петербургские власти долго не решались ввести в столице нечто подобное. Связано это было с нежеланием нести дополнительные расходы и брать на себя ответственность за борьбу с бедностью в С.-Петербурге. Городская дума несколько раз возвращалась к обсуждению этого вопроса, но позиция думского большинства оставалась неизменной: «Городские

¹ Состав комиссии на 1895 г.: И.М. Богданов, В.А. Болотин, А.М. Григорьев, И.И. Домонтович, Г.Р. Жаров, А.М. Игнатъев, И.И. Кокин, Н.А. Лейкин, Я.С. Мешков, К.Н. Оконешников, Е.П. Павлов, И.И. Пирогов, П.А. Потехин, В.А. Ратьков-Рожнов (председатель), А.К. Савин, С.А. Смуров, В.В. Суслов.

думы не имеют ничего общего с чисто благотворительными учреждениями. <...> Городские думы суть необходимые учреждения для заведования городским хозяйством и имеют обязательные расходы. <...> Содержание собственных заведений составляет придаточное занятие. Эти заведения, отчасти, и прежде содержались, и могут впредь содержаться другими учреждениями» [21, с. 299].

В марте 1897 г. городской голова и по совместительству председатель Благотворительной комиссии В.А. Ратьков-Рожнов внес на обсуждение Думы доклады «О принятии в ведение С.-Петербургского городского общественного управления дела разбора и призрения просящих милостыню» и «Об учреждении в С.-Петербурге городских участковых попечительств и городского справочного бюро по делам благотворительности» с проектами положений о попечительствах и справочном бюро. Согласно им в каждой части города учреждалось одно или несколько попечительств. Они должны были привлекать частные пожертвования, собирать сведения и оказывать помощь неимущим устройством благотворительных заведений, выдачей денежных пособий, предоставлением «работы и занятий, обеспечивающим им самостоятельное существование» и т. д. Членами могли стать все желающие помогать бедным «денежными пожертвованиями и своим личным трудом». Руководство попечительством осуществлял совет, состоявший из 5–10 членов, утверждаемых Комиссией по благотворительности. Председатели попечительств должны были утверждаться Городской думой по представлению той же комиссии на четыре года «из лиц, наиболее уважаемых в данном районе» [33, с. 258–268].

В марте 1898 г. Городская дума в целом одобрила эти предложения, несмотря на критику со стороны части гласных и негативное отношение к затее приходских благотворительных обществ, опасавшихся конкуренции со стороны новых городских органов [41. Д. 7463. Л. 1]. Но уже через год Дума пересмотрела свое решение. Формальным поводом послужил отказ Министерства внутренних дел передать в ведение города С.-Петербургский комитет для разбора и призрения нищих, хотя МВД принципиально не возражало против создания попечительств [22, с. 797–798]. Противникам попечительств удалось убедить Думу, что их учреждение без передачи городу капиталов и имущества комитета представлялось бы «не достигающим цели и крайне обременяющим городскую кассу» [38. Д. 156. Л. 273].

К этому времени главный инициатор реформы В.А. Ратьков-Рожнов лишился возможности «пробивать» свой проект. В декабре 1897 г. прошли выборы в Городскую думу [30, с. 59–60], а в феврале 1898 г. пост городского головы занял купец-меховщик П.И. Лелянов. Он попытался изменить сложившуюся практику, при которой ряд

важных отраслей городского хозяйства (больнично-санитарное дело, народное образование, освещение и водоснабжение столицы) находились в ведении исполнительных комиссий, подчиненных Думе, а не Управе [30, с. 435; 512–515]. В мае 1898 г. прошли перевыборы и в Комиссию по благотворительности¹. Из прежнего состава остались только двое – Н.А. Лейкин (литератор, карикатурист и редактор сатирического журнала «Осколки») и П.А. Потехин (известный петербургский адвокат). В комиссию вошли новые лица, в том числе Н.Н. Брусницын – купец 1-й гильдии, кожевенный фабрикант и благотворитель, Г.Г. Елисеев – представитель знаменитой купеческой семьи Елисеевых, генерал-майор, граф Н.Ф. Гейден – генерал особых поручений при военном министре, известный деятель правомонархического толка.

Возглавил Комиссию граф В.А. Мусин-Пушкин – соперник Лелянова при назначении городским головой [40. Д. 19. Л. 2]. Между двумя органами городской власти почти сразу же сложились конфликтные отношения. Камнем преткновения стал вопрос о праве назначать и увольнять служащих комиссии. Отношения между Леляновым и графом Мусиным-Пушкиным достигли апогея напряженности в январе 1899 г. и в конечном итоге привели к отставке графа с поста председателя [40. Д. 19. Л. 80]. С ним из состава комиссии вышло еще несколько членов. Отставка вызвала бурную реакцию в Городской думе. М.М. Стасюлевич (через год также вынужденный покинуть пост председателя Комиссии по народному образованию) предложил гласным Думы просить Мусина-Пушкина остаться в должности «пока Дума не разберет этот вопрос». Когда тот повторно отказался, Стасюлевич предложил «выразить сожаление председателю Комиссии, лишенному возможности продолжать служение городу, вследствие нанесенного ему оскорбления» [23, с. 423–425]. Несколько гласных из числа «новодумской» оппозиции (Е.И. Кедрин, Г.С. Яковлев, К.А. фон Раабен) направили городскому голове запрос с требованием дать свои объяснения о причинах инцидента с графом Мусиным-Пушкиным. Однако все эти сотрясения воздуха ничего уже изменить не могли. Лелянов запретил дальнейшие прения по данному вопросу, предоставив недовольным обжаловать свое решение «в установленном порядке». На что гласный Г.В. Лермонтов

¹ Состав комиссии на 1898–1899 гг.: П.С. Бочагов, Н.Н. Брусницын (председатель с февраля 1899), А.М. Васильев, граф Н.Ф. Гейден, П.И. Георгиевский (выбыл в августе 1898), И.И. Дернов, В.И. Домонтович (с октября 1898 по январь 1899), Г.Г. Елисеев, С.В. Жданов, С.Д. Зимин, И.Н. Креморенко, А.И. Латынин (выбыл в августе 1898), Н.А. Лейкин, Г.И. Лисенков, граф В.А. Мусин-Пушкин (председатель с мая 1898 по январь 1899), Ф.Н. Орнатский (с февраля 1899), П.А. Потехин (выбыл в мае 1899), Н.А. Резцов, Г.С. Семенов, В.В. Суслов (с февраля 1899).

высказался в том духе, «что гласные избраны для решения городских дел, а не для жалоб друг на друга по каждому делу, и что нельзя делать гласных безгласными» [23, с. 433; 436–438]. В результате реформа городских благотворительных институтов затормозилась на несколько лет.

В феврале 1899 г. председателем Комиссии по благотворительности стал Н.Н. Брусницын, занимавший этот пост до 1913 г. [40. Д. 19. Л. 125; 135]. К концу XIX в. в ведении комиссии находилось два сиротских дома с комплектом в 160 детей, 840 городских стипендиатов в 128 образовательных и воспитательных заведениях столицы, почти 3 500 чел. получали пособия деньгами, вещами, дровами и продовольствием. Бюджет комиссии достиг 155 213 р., что составляло примерно 25 % городских расходов «на дела благотворительности» или менее 1 % от общих городских расходов [29, с. 1].

Институционализация муниципальной благотворительности в С.-Петербурге растянулась на десятилетия. В 1860–1880-е гг. для исполнения отдельных поручений Городской думы благотворительного характера (как, например, распределение городских стипендий) или заведования городскими социальными учреждениями (больницы, богадельни, сиротские дома и т. д.) создаются собственные органы управления – исполнительные комиссии. Городская исполнительная комиссия по благотворительности стала одним из первых подобных органов, но далеко не самым главным. Ее деятельность начиналась в 60-е гг. XIX в. весьма скромно – с распределения нескольких десятков стипендий в столичных учебных заведениях на сумму чуть более 4 тыс. р. в год. За тридцать пять лет число «клиентов» комиссии постепенно увеличилось с 30–40 городских стипендиатов до 4 500 получателей городской помощи в той или иной форме, как детей, так и взрослых; при этом годовой бюджет вырос более чем в 30 раз, превысив к концу XIX в. 150 тыс. р. Если во второй половине 1860-х гг. на шестерых членов Комитета по назначению городских стипендиатов в среднем приходилось по 5–6 подопечных из числа городских стипендиатов и около 670 р. городских ассигнований в год, то во второй половине 1890-х гг. на каждого члена Комиссии по благотворительности приходилось в среднем по 200 просителей и 5 500 р. ассигнований в год. В процессе повседневной работы комиссии вырабатывались основные принципы ее деятельности: патернализм, личное участие членов в судьбе опекаемых, коллегиальность принятия решений об оказании помощи. Однако по мере расширения круга задач комиссии, подобные методы работы вызвали все большие затруднения. К концу XIX в. некоторыми городскими деятелями уже была осознана необходимость реформирования городских благотворительных институ-

тов. Но городские власти не спешили принимать на себя ответственность за сферу общественного призрения. Проекты развития муниципальной благотворительности обсуждались на протяжении многих лет. Не способствовала процветанию филантропии и борьба между различными «партиями». В результате, например, решение Думы о создании городских попечительств о бедных оказалось отложенным почти на десять лет.

Список литературы

1. Ганелин Р.Ш., Нардова В.А. Петербургское общественное управление и правительственная власть накануне Первой мировой войны // Страницы рос. истории: межвуз. сб. к 60-летию со дня рожд. проф. Г.А. Тишкина. – М., 2001.
2. Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. – СПб., 1894.
3. Двадцатипятилетие начальных училищ города С.-Петербурга 1877–1902 гг. – СПб., 1904.
4. Известия С.-Петербургской городской (общей) думы. – 1865. – Март. – № 4.
5. Известия. – 1865. – Апр. – № 5.
6. Известия. – 1873. – Март. – № 2.
7. Известия. – 1875. – Июнь. – № 10.
8. Известия. – 1876. – Июнь. – № 13.
9. Известия. – 1878. – Май. – № 8.
10. Известия. – 1884. – Май. – № 18.
11. Известия. – 1884. – Нояб. – № 43.
12. Известия. – 1885. – Апр. – № 13.
13. Известия. – 1885. – Дек. – № 46.
14. Известия. – 1885. – Дек. – № 48.
15. Известия. – 1886. – Дек. – № 49.
16. Известия. – 1889. – Дек. – № 49.
17. Известия. – 1895. – Окт. – № 17.
18. Известия. – 1895. – Дек. – № 27.
19. Известия. – 1895. – Дек. – № 28.
20. Известия. – 1896. – Нояб. – № 18.
21. Известия. – 1897. – Май. – № 9.
22. Известия. – 1899. – Май. – № 12.
23. Известия. – 1899. – Апр. – № 10.
24. Керзум А.П. Городская исполнительная комиссия по благотворительности // С.-Петерб. энцикл. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.encspb.ru/object/2812380926?lc=ru> (дата обращения: 06.12.2014).
25. Керзум А.П. То же // Энцикл. благотворительности С.-Петербург [Электронный ресурс]. – URL: <http://encblago.ifond.spb.ru/showObject.do?object=2812380926> (дата обращения: 06.12.2014).
26. Кручковская В.М. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. – Л., 1986.
27. Надсадный Д.В. С.-Петербургская городская дума в деле помощи семьям призванных на военную службу во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Петерб. воен.-ист. чт.: межвуз. науч. конф. С.-Петербург, 15 марта 2010 г. – СПб., 2011.

28. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. – СПб., 1994.
29. Отчет С.-Петербургской городской исполнительной комиссии по благотворительности. – СПб., 1901.
30. Петербургская городская дума, 1846–1918. – СПб., 2005.
31. ПСЗ. Собрание–2. – Т. XXXIX. – № 40457.
32. ПСЗ. Собрание–2. – Т. XLV. – № 48498.
33. Ратьков-Рожнов В.А. Предложение об учреждении в С.-Петербурге городских попечительств о бедных // Трудовая помощь. – 1898. – Янв. – № 3. – Отд. II.
34. Санкт-Петербургское городское общественное управление в 1896 году. Ч. I. – СПб., 1897.
35. Сборник сведений о благотворительности в С.-Петербурге за 1889 год. – СПб., 1891.
36. Соколова Е.Е. Городская дума Петрограда в 1916–1917 годы. Основные направления и характер социально-экономической деятельности // Петерб. чт. 97. – Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 1997.
37. Флоринский М.Ф. Из истории управления Петроградом в период Первой мировой войны // Петерб. чт. Петербург и Россия: науч. конф. 13–15 апр. 1994 г. – СПб., 1994.
38. Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 513. Оп. 1.
39. ЦГИА СПб. Ф. 677. Оп. 1.
40. ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1.
41. ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1.

Оказание помощи раненым воинам в период Первой мировой войны (на примере Петроградского и Московского Вдовьих домов)

В статье исследуется оказание помощи раненым воинам в период Первой мировой войны в таких учреждениях, как Петроградский и Московский Вдовьи дома. Особое внимание уделено организации медицинского обеспечения и досуга раненых. Рассматривается влияние данных санитарно-медицинских учреждений на повседневную жизнь призреваемых в этих домах вдов.

The article presents the research of cases of assistance to wounded soldiers during the First World War in such institutions as Petrograd and Moscow Widows' Houses. Special attention is paid to the wounded's health maintenance and free time-organization. The author considers the impact of these medical institutions on the daily life of widows living in these Widows' Houses.

Ключевые слова: Первая мировая война, благотворительность, Петроградский Вдовый дом, Московский Вдовый дом, I-й эвакуационный лазарет, IX-й военно-эвакуационный госпиталь, хирургический госпиталь.

Key words: First World War, charity, Petrograd Widows' House, Moscow Widows' House, I evacuation hospital, IX military-evacuation hospital, surgical hospital.

В 2014 г. отмечалось 100-летие с начала Первой мировой войны. Только в последние два десятилетия исследователи стали рассматривать эту войну как ключевое событие российской истории, изучать повседневную жизнь населения в военные годы. Публикуются научные труды и воспоминания очевидцев, проводятся конференции и реконструкции сражений по этой тематике, снимаются фильмы, открываются новые музеи и выставки («За Веру, Царя и Отечество» [5], «Первая Мировая война. 1914–1918» [11], «Эра милосердия» [17; 18], «Война и милосердие» [3], «По обе стороны» [12] и т. д.).

Первая мировая – одна из самых масштабных войн в истории человечества, результатом которой стали миллионы жертв и раненых. Одним из показателей успешности той или иной стороны в военных действиях является эффективность медицинской службы, включающей обеспечение санитарно-гигиенических условий, незамедлительную эвакуацию раненых и больных, быстрое оказание врачебной помощи и создание дополнительных медицинских учреждений.

С началом войны понадобилось открытие значительного числа новых санитарно-медицинских заведений, так как по сравнению с мирным временем требовались большие госпитальные площади – армейские лазареты уже не справлялись с потоком раненых [16]. Для них были необходимы продовольствие и одежда. Во время Первой мировой войны в Петрограде и Москве было открыто большое количество госпиталей и лазаретов как частных, так и государственных, активизировалась работа по сбору пожертвований для фронта.

В 1914 благотворительная деятельность осуществлялась, среди прочего, и на базе вдовьих домов, домов «...призрения для бедных и ... достойных вдов, которые, оставшись по смерти мужей... по старости и слабости или по каким другим причинам безвинно не имеют никакого содержания и не от кого и не от куда пансион и награждений не получают». В этих домах они снабжались «всем нужным к пропитанию и содержанию их» [13. Д. 38. Л. 40].

В сентябре 1914 г. служащие и призреваемые Петроградского Вдовьего дома собрали 307 р. на нужды больных и раненых воинов (на эти деньги был закуплен материал для изготовления вещей) [14. Д. 3. Л. 87]. В РГИА сохранилась квитанция с собственного склада её величества канцелярии императрицы Марии Федоровны, в которой отражен список сданных вещей (шт.): рубашек (х/б) – 46, рубашек (бязь) – 85, рубашек – 87, кальсон – 123, набрюшников – 137, носок – 58 пар, портянок – 52 пары, нагрудников – 6, шарфов – 9, платков – 147, полотенец – 91, простыней – 24, наволочек – 24 и косянок – 46 – итого 935 предметов [14. Д. 3. Л. 91].

За такую усердную работу Мария Федоровна объявила благодарности призреваемым Дома и отдельно пансионерке А.А. Разказовой за пожертвование 1000 р. облигациями на содержание одной койки для раненых [14. Д. 3. Л. 162–162 об., 171; Д. 25. Л. 58–59 об.].

Помимо сбора средств, в Петрограде стали открывать лазареты и пункты помощи раненым. Так, почетный опекун, управляющий Вдовьим домом и Собором всех учебных заведений С.И. Палтов высказал А.Г. Булыгину следующее предложение: «Не нарушая порядка жизни призреваемых в Петроградском Вдовьем Доме... Вдовый Дом может предложить помещение для 100 раненных нижних чинов, приготовить такое без всякого расхода со стороны Ведомства, если этим помещением пожелает воспользоваться Красный Крест и примет на себя как содержание раненных, так и оборудование помещения необходимым инвентарем и медицинским и служебным персоналом» [14. Д. 5. Л. 1]. Разрешение на организацию было получено в сентябре 1914 г. [14. Д. 1. Л. 33]. 19 декабря того же года при Доме открыли I-й эвакуационный

лазарет ведомства учреждений императрицы Марии для 100 раненых воинов нижних чинов [10, с. 7]. В этом же месяце его приняли под флаг Красного Креста [14. Д. 5. Л. 10].

Оборудование лазарета было произведено товарищем главноуправляющего при содействии А.А. Карсницкого, Н.Ф. Андерсона, А.К. Бабиевского, младших контролеров ведомства, коллежского советника А.Г. Запорожченко, титулярного советника Н.В. Иванова и помощницы контролера Е.В. Бланк на средства ассигнования опекунского совета и за счет пожертвований служащих [14. Д. 25. Л. 4]. Содержалось заведение на средства, отпускаемые из кассы Собственной Е. И. В. канцелярии по учреждениям императрицы Марии [14. Д. 25. Л. 4 об.]. На устройство Сметная комиссия выделила 17.500 р. [14. Д. 5. Л. 3].

Из утвержденного положения о 1-м эвакуационном лазарете для раненых воинов ведомства учреждений императрицы Марии при Петроградском Вдовьем доме видно, что он состоял, как и другие лазареты этого ведомства, в ведении и управлении учрежденного главноуправляющим под председательством товарища главноуправляющего особого совещания в составе инспектора по медицинской части ведомства и старшего чиновника VII экспедиции [14. Д. 25. Л. 5]. Все документы утверждал председатель особого совещания; врачебно-санитарные вопросы решал инспектор по медицинской части ведомства, а по хозяйственно-административной правила устанавливались инструкциями и распоряжениями особого совещания; за почетным опекуном и управляющим оставалось наблюдение и контроль над деятельностью лазарета [14. Д. 25. Л. 5].

Непосредственным начальником являлся старший / главный врач. В I-м эвакуационном лазарете им был М.С. Маркевич [14. Д. 5. Л. 10]. Ему подчинялись все медицинские работники, фармацевтические чины, а также лазаретные и палатные надзиратели по уходу за больными. Помимо управления, в его обязанности входило распределение занятий между ординаторами, составление расписания палат, в которые должны были помещаться поступавшие в лазарет больные, назначение ежедневного дежурства по лазарету. Так же он совместно со смотрителем и экономкой-хозяйкой следил за довольствием для больных и уходом за ними, лично осматривал готовящихся к выписке, распределял сестер милосердия и санитаров по палатам и т. д. Старший врач принимал консультативное участие в лечении трудных больных, в крайних случаях мог приглашать «посторонних» врачей [14. Д. 25. Л. 6–6 об.].

За хозяйством следил смотритель – начальник хозяйственной и полицейской частей, ему же подчинялась и канцелярия лазарета. Он находился в непосредственном подчинении у начальника, т. е. старшего врача. В его ведении было все лазаретное имущество, он

ежедневно осматривал палаты, наблюдал за исправным содержанием, отоплением и освещением занимаемых зданий [14. Д. 25. Л. 7].

Специально для этого учреждения расширили штат сотрудников Вдовьего дома: две кухарки, посудомойка, два кухонных мужика, писец для ведения отчетности и регистрации раненых, шесть сестер милосердия, десять санитаров, два фельдшера, три сиделки, три сердобольных. Появились должности экономки-хозяйки и разборщицы белья [14. Д. 5. Л. 7; Д. 24. Л. 19 об.].

При оборудовании I-го эвакуационного лазарета было изготовлено одежды и белья: халатов зимних – 100 шт., летних холщевых – 100 шт., простынь – 800 шт., рубашек – 550 шт., кальсон – 500 шт., носков – 400 пар. Спустя время из-за неаккуратности стирки белья было увеличено число комплектов: простынь на 200 шт., рубашек на 50 шт., кальсон на 100 шт., носков на 200 пар, летних халатов на 100 шт. [14. Д. 5. Л. 34].

В ночь на 10 октября прибыла первая партия раненых – 35 чел. [10, с. 10]. В связи с этим при Петроградском Вдовьем доме начал свою деятельность Комитет по снабжению бельём и теплыми вещами выздоравливающих раненых воинов [10, с. 15]. Общество учреждалось на время войны и имело цель оказать помощь бельём и теплыми вещами нижним чинам, покидающим I-й эвакуационный лазарет ведомства императрицы Марии. Каждый выписывавшийся из лазарета получал мешок с чаем, сахаром, мылом, папиросами, нитками и иглками, булавками, бумагой и конвертами. Во время пребывания в лазарете Комитет выдавал деньги на покупку папирос.

Желая заполнить досуг выздоравливающих нижних чинов, в лазарете на Новый год и Рождество организовывали ёлки с подарками [14. Д. 5. Л. 24 об.]. Для чтения раненым выписывались газеты и журналы. Пансионерка Вдовьего дома Е.Н. Семенова в лазарете учила неграмотных больных читать и писать [10, с. 24]. В большом зале Вдовьего дома были устроены четыре концерта артистами петроградских театров, вечер кинематографа и сеанс фокусника, литературные чтения артистами. Сюда же приходили и призреваемые с родственниками. Мероприятия были благотворительными, вырученные средства перечислялись на поддержание Комитета по снабжению бельём и теплыми вещами выздоравливающих раненых воинов.

В 1915 г. устроили небольшую сапожную мастерскую, а также кружок плетения из соломы, тростника и веревок корзин, баулов и мешков. Обучение сапожному ремеслу и плетению веревочных мешков приняла на себя пансионерка Дома, вдова коллежского советника А.В. Финне. С 5 июня раненные стали изготавливать также

защитные против «удушливых газов маски», образцы и материалы для которых получали из императорского Училища правоведения. До июля было изготовлено и сдано в училище до 9 тыс. шт. [14. Д. 5. Л. 62].

Вышеупомянутые работы раненых даже предполагалось выставить на Царскосельской выставке-базаре [14. Д. 5. Л. 62], которая была открыта 14 июня 1915 г. в Большом дворце на террасе и продолжилась до 8 сентября 1915 г. [1, с. 338].

Из писем Александры Федоровны Николаю II можно узнать о первых днях работы базара:

«14 июня <...> Выставка-базар началась сегодня в Большом дворце на террасе. Она не очень велика (я ещё там не была), и наши работы все уже распроданы, правда, мы их сделали немного, но мы ещё будем работать и пошлем туда. Продали более 2100 входных билетов по 10 коп.; раненные солдаты не платят, т. к. они должны видеть работы, которые сами делают ...» [1, с. 107].

«15 июня <...> Мы посетили выставку-базар. Там выставлены очень хорошие работы раненных, надеюсь, что это заставит всех выучиться какому-нибудь ремеслу...» [1, с. 108].

«16 июня <...> выставка-базар проходит очень хорошо. В первый день там было более 2000, вчера – 800 человек; наши вещи раскупаются, прежде чем появятся. Заранее на них записываются, и мы успеваем, каждая из нас, сделать ежедневно подушку или салфетку ...» [1, с. 108].

За этот период было продано 15.680 входных билетов. Чистая прибыль от входной платы и отчислений от проданных вещей составила 2.789 р. 13 к. [1, с. 338]. Деньги были перечислены в лазареты для оказания помощи раненым и больным.

В целом 1915 г. был тяжелым для учреждения, не считая увеличения количества больных. С 1914 по 1915 гг. было принято 352 чел. [10, с. 10], в августе 1915 г. по просьбе главноуполномоченного Северного района Российского Общества Красного Креста шталмейстера А.Д. Зиновьева во Вдовьем доме организовали проживание для сестер милосердия. Он писал А.Г. Булыгину о необходимости размещения большого числа сестер милосердия, прибывших в Петроград в составе эвакуируемых с Северо-Западного фронта лечебных заведений и учреждений военного времени. Из Лифляндской губернии прибыл персонал из 20 лечебных заведений. Петроградская крастнокрестная община не могла их принять, так как все помещения были заняты ранеными. Поэтому Зиновьев и просил предоставить помещения Вдовьего дома и родовспомогательного заведения [14. Д. 17. Л. 43]. Прибывшие в августе сестры милосердия были размещены в большом зале Вдовьего дома. Жили они до января, затем переехали в собственные помеще-

ния на Колокольной ул. 12 [14. Д. 17. Л. 132]. В это период, с августа по январь, в Доме перестали проводить благотворительные концерты, что сразу же привело к нехватке денежных средств [14. Д. 5. Л. 111]. Но были и приятные моменты. Так, 1 февраля 1915 г. 1-й эвакуационный лазарет посетил генерал-майор А.Д. Шереметьев для выдачи наград за отличие 24 нижним чинам [14. Д. 4. Л. 61].

Несмотря на все трудности, с 1914 г. персонал стал ежемесячно делать отчисления из своей заработной платы на устройство данного лазарета. Служащие Петроградского Вдовьего дома выразили желание отчислять по 1 % из жалования на всё время военных действий. Ежемесячная сумма равнялась 16 р. 66 к. [14. Д. 2. Л. 20]. В Московском Вдовьем доме также решили отчислять 1 % получаемого им жалования и содержания, равный ежемесячной сумме 6 р. 25 к. [14. Д. 2. Л. 73]. За эту помощь императрица Мария выражала благодарность Петроградскому Вдовьему дому в лице почетного опекуна Палтова и желала Дому дальнейшего процветания [14. Д. 4. Л. 71].

Служащие I-го эвакуационного лазарета не получали ни суточных денег, ни процентных добавок, так как лазарет возник в связи с войной, и по существу являлся временным учреждением. Содержание этого лазарета было установлено при его возникновении соответственно бывшему спросу и предложению труда. В 1917 г. служащие попросили увеличить денежное довольствия на 75 % и назначить постоянное содержание завхозу – 175 р. в месяц с 01.08.1917 г., бухгалтеру – 130 р., машинистке – 30 р. в связи «крайнего вздорожания жизни» [14. Д. 24. Л. 18]. Оклад служащих признали недостаточным, и их требование было удовлетворено. Также к праздникам, например к Рождеству Христову, сотрудникам выдавали премии [15. Д. 632. Л. 26]. Таким образом, несмотря на тяжелое военное время, служащих в лазаретах Ведомства старались материально поддерживать.

Похожее медицинское учреждение было открыто в Московском Вдовьем доме, только в нем выделили помещение для лазарета на 420 кроватей при условии содержания за счет военного ведомства [14. Д. 1. Л. 46]. Называлось оно IX-й эвакуационный лазарет Московского Вдовьего дома.

Для организации госпиталя почетный опекун А.В. Олсуфьев предложил реорганизацию помещений, или, как писали в документах, «меры предосторожности от чрезвычайных ситуаций» [14. Д. 18. Л. 4]. По его мнению, требовалось установить пожарные краны, рукава, однако власти отказали, так как рядом располагалась пожарная часть. То же произошло и с другими просьбами: установить электрические вентиляторы отказали, так как лазарет организовывался временно; приобрести пылесосы – отказали без

объяснения причин. Зато поставили кипяtilьники системы Борю [9] и три новые ванны, покрыли полы линолеумом, купили автоклав для дезинфицирования материалов [2] и табуретки [14. Д. 18. Л. 4].

Весь верхний этаж Московского Вдовьего дома был отдан под лазарет, который производил удручающее впечатление. Его можно было сравнить с ночлежкой: койки были сдвинуты все вместе, проходы узкие, и то между 4–5 кроватями. В палате вместо 10–12 чел. по 30–40, в палатах для 20–30 чел. – 60–80. Палаты и бельё были грязные. Перевязочная была как проходная комната, причем выход из неё шел на лестницу, ведущую в церковь [14. Д. 18. Л. 13].

Обстановка в самом Вдовьем доме также была тяжелая. Из него выселили пансионерок, остальных пришлось уплотнить. Из-за эвакуационного лазарета закрыли лазарет для вдов. Больные были вынуждены находиться у себя в комнатах. За одну зиму умерли три вдовы. Как следствие, в Доме появились «острые» заболевания.

Через IX эвакуационный лазарет Московского Вдовьего дома прошло около 1500 раненых [14. Д. 18. Л. 14]. Только в августе 1915 г. в Москву было доставлено 27 поездов с ранеными и беженцами [14. Д. 18. Л. 31].

Инспектор по медицинской части профессор Нарбут в связи с негативными последствиями для призреваемых и огромным потоком больных требовал закрыть лазарет. К 1 августа 1915 г. военное ведомство обещало это сделать, но вдовы высказались против закрытия, просили лазарет оставить, но не на 450 чел., а на 80–100 кроватей. Сложно сказать, чем именно было вызвано такое решение – или христианским милосердием, или чувством долга, или же личными качествами, но они готовы были «пожертвовать» своим комфортом ради помощи пострадавшему.

Приказом № 1563 от 20 октября 1915 г. установили наименование для открытия нового лазарета «Хирургический госпиталь ведомства учреждений императрицы Марии» [14. Д. 18. Л. 52] (официально лазарет открылся в апреле 1916 г.), главным врачом был назначен хирург С.А. Зуев, управляющим Вдовьего дома был почетный опекун князь Мещерской. В честь открытия императрица писала: «Искренно радуюсь открытию хирургического госпиталя при Московском Вдовьем доме. Сердечно благодарю вас и всех потрудившихся в этом святом деле на помощь нашим воинам» [14. Д. 18. Л. 73].

Те, кто посещали новый лазарет, а среди них была и великая княгиня Елизавета Федоровна, отмечали образцовое состояние госпиталя в санитарном отношении, всегда свежий воздух, прекрасный уход за больными и успешное лечение (с учетом того, что 2/3 раненых не могли сами передвигаться [14. Д. 18. Л. 74]).

В книге А. Кокорева и В. Руга «Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны» приводится отрывок из жизни Вдовьего дома: «Во Вдовьем доме в большой зале для торжественных собраний разместили больничные кровати. Старушки, помнившие еще Крымскую войну, застелили их белоснежным бельем. Срезав с клумб почти все астры, расставили по тумбочкам букеты. А когда привезли раненых, обитательницы Вдовьего дома с неожиданной энергией бросились за ними ухаживать».

«У каждого раненого явилось по несколько хлопотливых сиделок, – умилялся увиденным корреспондент. – Когда старушки научились так ходить за больными? Неужели это у них осталось со времен все той же знаменитой Севастопольской кампании?»

Настоящим к этому делу приставленным сестрам милосердия не остается работы. Старушки бегают, суетятся. Солдаты не знают, как выказать свою благодарность.

Перевязки были сделаны раньше, чем доктор успел распорядиться, – и с каким искусством! Точно эти руки никогда не знали ничего другого, как только перевязывать раненых» [8].

Из отрывка видно, какой существенный вклад в помощь раненым внесли женщины, они смогли стать опорой профессиональному медицинскому персоналу.

Как отмечала Н.М. Иванова, «ведомство учреждений императрицы Марии открывало и содержало лазареты для раненых и больных воинов, предоставляло помещения под лазареты других ведомств, перечисляло средства "на нужды войны", но при этом старалось, чтобы "военные" мероприятия не шли в ущерб основной деятельности, не меняло кардинально приоритетных направлений в своей работе [6]». Но так или иначе война всё равно меняет комфортабельную привычную жизнь [7]. Теперь забота о пострадавших стала приоритетной задачей.

В период с 1914 г. по 1917 г. Вдовьи дома были включены в организацию этой помощи.

Верхний этаж Московского Вдовьего дома занимали:

1. IX военно-эвакуационный госпиталь на 450 кроватей (ноябре 1914 г. – август 1915 г.);

2. Хирургический госпиталь ведомства учреждений императрицы Марии на 100 кроватей (апрель 1916 г. – 1917 г.).

В Петроградском Вдовьем доме открыли I-й эвакуационный лазарет ведомства учреждений императрицы Марии для 100 раненых воинов нижних чинов и Комитет по снабжению бельём и теплыми вещами выздоравливающих раненых воинов. Помимо этого, временно был организован «приют» для сестер милосердия из Лифляндской губернии.

На территории домов устраивались благотворительные концерты и кружки для обеспечения досуга прибывающих в стационаре. Служащие и призреваемые собирали средства для благоустройства этих организаций.

С первых же дней войны Вдовьи дома стали центрами оказания помощи раненым, как медицинской при заведениях, так и материальной вне их стен. Здесь вокруг больных пытались создать благоприятную духовную атмосферу и всячески поддержать их боевой дух.

Список литературы

1. Августейшие сестры милосердия / сост. Н.К. Зверева. – М., 2008.
2. Большая медицинская энциклопедия. – URL: <http://bigmeden.ru/article/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B2> (дата обращения: 10.11.2014).
3. Война и милосердие. – URL: РОСФОТО <http://www.rosphoto.org/ru/2008-11-04-22-25-32/details/295---> – (дата обращения: 03.01.2015).
4. Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб., 2014.
5. За Веру, Царя и Отечество. – URL: Государственный музей истории религии http://gmir.ru/expo/vistavki/vistavka_archive/arch2014/105/1651.html (дата обращения: 03.01.2015).
6. Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.: на материалах Петрограда. – URL: Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/miloserdie-i-blagotvoritelnost-v-gody-pervoi-mirovoi-voiny-1914-1917-gg-na-materialakh-petro#ixzz3Dwdh8Eo6> (дата обращения: 21.09.2014).
7. Иванова О.А. Благотворительность как «жертва» войны (на примере Московского Вдовьего дома в 1812 г.) // Кафедра: сб. науч. ст. / сост. А.В. Квятковский, Е.К. Чернышева. – СПб., 2014. – С. 115–118.
8. Кокорев А., Руга В. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. – URL: http://chapaev.ru/books/Vladimir--Ruga_Povsednevnaia-zhizn-Moskvy--Ocherki-gorodskogo-byta-v-period-Pervoy-mirovoy-voyny/3 (дата обращения: 27.11.2014).
9. Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. – URL: http://tehinfor.ru/s_5/k_k/kk53_kipatilnik.html (дата обращения: 10.11.2014).
10. Краткие сведения о деятельности первого эвакуационного лазарета ведомства учреждений императрицы Марии для раненых воинов при Петроградском Вдовьем доме. – СПб., 1915.
11. Первая мировая война. 1914–1918. – URL: Русский музей http://rusmuseum.ru/exhib/lenta/exhibition2014/pervaya_mirovaya_vojna_19141918/ (дата обращения: 03.01.2015).
12. По обе стороны. – URL: РОСФОТО <http://www.rosphoto.org/ru/2008-11-04-22-25-32/details/293> (дата обращения: 03.01.2015).

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 759. Оп. 8.
14. РГИА. Ф. 759. Оп. 90.
15. РГИА. Ф. 762. Оп. 3.
16. Хорватова Е. Начало Первой мировой войны. Впечатления. – URL: <http://eho-2013.livejournal.com/352287.html> (дата обращения: 22.09.2014).
17. Эра милосердия. – URL: ГМП «Исаакиевский собор» <http://www.cathedral.ru/news/373> (дата обращения: 03.01.2015).
18. Эра милосердия. – URL: ЦПКиО им. С.М. Кирова <http://elaginpark.org/galleries/all exhibitions/464-vystavka-era-miloserdiya> (дата обращения: 03.01.2015).

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

УДК 94(470.331)«1861/1904»:316.485.22

Е.А. Вересова

Оскорбления должностных лиц как одна из форм сопротивления крестьянства власти в конце XIX – начале XX в. (по материалам Тверской губернии)

В статье рассматриваются источники о привлечении крестьян к ответственности за высказывание оскорблений и угроз в адрес представителей местной государственной власти и сельской администрации в Тверской губернии в 1881–1904 гг. Исследуются мотивировка поведения обвиняемых крестьян, а также отношение властей к таким действиям.

This article examines the sources of the attraction of peasants to justice for statements insults and threats toward representatives of local government and rural administration in Tver province in 1881–1904s. The motivation of accused peasants behavior and the attitude of the government towards those actions are investigated.

Ключевые слова: оскорбление должностных лиц, тверские крестьяне, протестные настроения, реакция властей.

Key words: insults of officials, tver peasants, protest attitudes, the reaction of the government.

В настоящее время среди исследователей отмечается интерес к изучению взаимоотношений крестьянства и власти в различные периоды истории страны. Организация местного самоуправления, а также восприятие крестьянами действий должностных лиц рассматривались в работах ряда исследователей [13; 14; 17] и современников [1]. Однако вопрос об отношении крестьянского населения к представителям местной государственной и сельской власти на территории Тверской губернии в 1881–1904 гг. не являлся предметом самостоятельного исследования.

Одна из форм выражения недовольства действиями властей – случаи оскорбления крестьянами должностных лиц: судей, волостных старшин, земских начальников, приставов, сельских старост, лесничих, низших чинов полиции – сотских, десятских, урядников. Важным источником для изучения таких действий стала документация по обвинению крестьян в произнесении оскорбительных выражений в адрес представителей власти.

В Государственном архиве Тверской области (далее – ГАТО) документация по обвинению крестьян в данных преступлениях содержится в фондах канцелярии тверского губернатора, Тверского губернского по крестьянским делам присутствия, прокурора Ржевского окружного суда, окружных судов, судебных следователей, волостных судов, Корчевского и Бежецкого мировых судей, лесничего Бежецкого (Микшинского) лесничества.

Обвиняемые в оскорблении должностных лиц и оказавшие неуважение судебному или присутственному месту привлекались к ответственности по ст. 282, 283, 286 и 288 Уложения о наказаниях [18, с. 131–133, 339, 340, 345]. Оказание неуважения присутственному месту словом наказывалось арестом от 7 дней до 3 недель, а действием – тюремным заключением от 2 до 4 месяцев. За произнесение ругательств в адрес членов присутствия и рукоприкладство виновные лишались всех прав и преимуществ и помещались в исправительное арестантское отделение на срок от 4 до 5 лет. Если преступление было совершено не с умыслом, а в пьяном состоянии, то виновные приговаривались к аресту от 3 до 7 дней, а за дерзкие преступления – к тюремному заключению от 4 до 8 месяцев.

Наличие в документе, поданном должностному лицу, в правительственное или судебное место оскорбительных выражений, наказывалось денежным взысканием не выше 200 р., или арестом от 3 недель до 3 месяцев. Лица, оскорбившие чиновника при исполнении им должностных обязанностей, подвергались тюремному заключению от 2 до 4 месяцев. Если преступление было совершено в пьяном виде, или по невежеству, виновные подвергались денежному взысканию не выше 100 р.

Оскорбление волостных старшин при исполнении ими служебных обязанностей наказывалось арестом от 7 дней до 3 месяцев, а оказание им сопротивления – тюремным заключением от 2 до 8 месяцев.

Дела рассматривались в окружных судах без участия присяжных заседателей. В делах содержались инициативный документ (рапорт должностного лица); обвинительный акт, составленный товарищем прокурора и направлявшийся с материалами следствия в суд (копия выдавалась обвиняемому); прошения обвиняемых; повестка о вызове на судебное разбирательство; протокол судебного заседания; вынесенный приговор. Изложенные в обвинительном акте обстоятельства дела выяснялись в ходе предварительного следствия, материалы которого содержались не во всех делах.

Подсудимый мог обжаловать вынесенный приговор. Ряд таких примеров содержится в фонде Тверского губернского по крестьянским делам присутствия. Мера наказания обвиняемых указана в 92 делах, что составляет 94 % изученных источников. Наиболее ча-

сто к крестьянам применялась мягкая мера наказания – арест от 2 до 14 дней.

По Тверской губернии за период с 1881 по 1901 гг. изучено 98 дел об оскорблении должностных лиц, в том числе три кассационные жалобы на судебные решения о признании крестьян виновными в данном преступлении. Значительное число источников содержится в фондах окружных судов – 80. Материалы 1900 и 1901 гг. в основном хранятся в фондах судебных следователей и Тверского окружного суда. Остальные фонды содержат дела с 1881 по 1899 гг. Отметим, что в изученных фондах отсутствуют дела за 1890, 1892, 1902–1904 гг. Наибольшее число источников выявлено за 1881, 1882 и 1888 г. – по 11–12 дел.

Значительное количество дел касается действий крестьян Новоторжского, Зубцовского, Осташковского уездов губернии (47 % изученных источников), а наименьшее – крестьян Корчевского и Кашинского уездов (4 %). Среди обвиняемых нет крестьян из Калязинского уезда. Непристойные выражения в адрес должностных лиц чаще высказывались в уездах с развитым отходничеством, за исключением Калязинского, где таких фактов не выявлено, а реже – жителями местностей с преобладанием земледелия и местных промыслов, за исключением Осташковского уезда, где выявлено значительное по сравнению с другими уездами число оскорблений.

Малоземелье не являлось основанием для недовольства действиями должностных лиц. Так, в Калязинском уезде размер крестьянского земельного надела был наименьшим по губернии, но фактов оскорблений не выявлено, а в Весьегонском уезде, где крестьянские наделы с середины 1880-х по 1905 гг. значительно сократились, число таких случаев было невысоким [15, с. 38; 16, с. 10].

Род занятий обвиняемых крестьян в делах не указан. Однако из материалов источников видно, что большая часть событий происходила в деревнях. На основании этого можно предположить, что основными занятиями большинства обвиняемых крестьян являлись земледелие и местные промыслы.

Возраст указан у 62 обвиняемых, или в 63,5 % дел. Среди молодых людей до 20 лет выявлен один случай высказывания оскорблений, что составляет 1,5 % от числа дел, содержащих возрастные данные обвиняемых. Крестьяне в возрасте от 21 до 50 лет составляли 71 % обвиняемых, старше 50 лет – 27,5 %. Следует отметить довольно высокий процент пожилых людей среди обвиняемых. Это подтверждает предположение о характерности таких поступков для патриархальных крестьян, так как большинство трудоспособного населения промысловых уездов уходило на заработки в города.

Более половины оскорбительных выражений крестьяне высказывали в адрес волостных старшин – 60 %. Это связано с тем, что именно они исполняли судебные решения о взыскании долгов, поддерживали порядок в залах суда, когда крестьяне активно выражали эмоции. Волостные старшины, исполнявшие неприятные для крестьян обязанности, становились неуютными. «...Мироед, добивающийся должности для обделывания своих торгово-промышленных предприятий...», – отзывались о них сельские жители [17, с. 139].

В адрес судей приходится 15,5 % оскорбительных высказываний, низших чинов полиции – 7,5 %, земских начальников – 5 %, приставов – 3 %, сельских старост – 4 %, лесничих – 5 %. Земские начальники обладали большими полномочиями, а отсутствие контроля за их деятельностью создавало почву для различных злоупотреблений. Многие земские начальники не имели специального образования и необходимого опыта работы [14, с. 63]. Низшие полицейские чины были исполнителями воли начальства, что вызывало неприязнь крестьян, так как затрагивались их материальные интересы. В целом престиж полицейской службы был низок, и она была непривлекательной для способных и деятельных людей [13, с. 50].

Достоверность изученных источников высока, поскольку факты оскорблений проверялись свидетельскими показаниями. Если обвинение не подтверждалось, либо в словах обвиняемого не содержалось ничего предосудительного, следствие прекращалось. Такие случаи составили 25 % от количества дел с указанием меры наказания обвиняемых.

Примером является дело 1895 г. по обвинению крестьянки Зубцовского уезда Первитинской волости деревни Юрьевская Татьяны Акимовой. Волостной старшина составил акт о том, что она оскорбила его, когда он пришёл в её дом для конфискации имущества (пчёл и самовара) с целью продажи их с аукциона за неуплату возложенного судом денежного взыскания. Крестьянка произнесла: «Ты не старшина, а разоритель». Обвиняемая не признала вину, объяснив, что сказала старшине: «Вы разоряете меня». Дело было прекращено за отсутствием состава преступления [11].

Объяснения крестьянами своих поступков содержатся в 84 делах, что составляет 86 % изученных источников. Большинство из них не признавали вину и оправдывались различными способами: был пьян и ничего не помню; ругательства относились не к должностному лицу; не понимал значения сказанного. Такие случаи составили 85,5 % от количества дел, содержащих объяснения обвиняемых. Однако встречаются дела, где крестьяне признавали, что ругали представителей власти – 12 случаев или 14,5 %.

В 1881 г. крестьянин Зубцовского уезда деревни Суровцево Платон Иванов Галкин шумел во время судебного заседания. Когда волостной старшина Пётр Михайлов предложил ему удалиться, Галкин стал непристойно его ругать, схватил за грудь и оторвал должностной знак. Свидетели обвинение подтвердили. Обвиняемый крестьянин не признал себя виновным, говоря, что был пьян до потери сознания и ничего не помнит. Мерой наказания стал арест при волостном правлении на 2 недели [2].

В 1887 г. волостной старшина составил протокол об оскорблении его крестьянином Новоторжского уезда Романской волости деревни Заболотье Михаилом Исаевым при исполнении судебного решения об отмежевании от надела обвиняемого крестьянина земли в пользу односельчанина. Михаил Исаев высказывал оскорбления и предлагал взятку. Обвиняемый крестьянин пояснил, что старшина замерил не только наделную, но и купленную землю, судебного решения на которую не было, поэтому указал на самовольность таких действий. Мера наказания – арест на 7 дней [8].

По мотивировке недовольства крестьян можно выделить две группы дел: 1) немотивированные оскорбления должностных лиц, чаще в ссорах и в состоянии алкогольного опьянения (35 дел, или 35,5 % от общего их числа). В большинстве таких случаев обвиняемые объясняли, что оскорбления нанесли неумышленно, а также оправдывались нахождением в пьяном состоянии; 2) мотивированные оскорбления должностных лиц при исполнении ими судебных решений, обвинение их во взяточничестве, недостойном поведении (63 дела, или 64,5 %).

Из приведённых данных видно, что большинство оскорбительных выражений произносилось крестьянами осознанно и имело реальные причины.

Примером немотивированных эмоциональных высказываний является дело 1882 г. по обвинению крестьянина Старицкого уезда деревни Ильинская Степана Рослякова. Волостной старшина составил протокол об оскорблении его обвиняемым крестьянином во время сельского схода. С. Росляков своим поведением и неуместными высказываниями препятствовал проведению схода. На замечание старшины замолчать или удалиться стал ругаться бранными словами. С. Росляков пояснил, что был сильно пьян и оскорбил старшину ненамеренно. Мера наказания – арест на 3 дня [3].

Примером осознанных грубых действий является дело 1891 г. по обвинению крестьянина Бежецкого уезда Ивановской волости деревни Вороткова Павла Борисова. Лесными сторожами была обнаружена порубка в лесной даче. По следу, ведущему от места

порубки, сторожа пришли в дом обвиняемого крестьянина с целью проведения обыска. Однако П. Борисов прогнал их и ударил лесника Семёна Егорова обухом топора. Мера наказания – арест на 6 месяцев [12].

Употребляемые крестьянами бранные выражения приводятся в 88,5 % дел. Высказывания в адрес должностных лиц можно классифицировать на оскорбления, критику и угрозы. Оскорбления составили 69 % от числа дел с приведением конкретных высказываний. Часто должностных лиц называли грабителями, мошенниками, пьяницами. Критические замечания составляют 22 %, а угрозы, чаще в виде физической расправы – 9 %.

Суровые наказания выносились крестьянам за угрозы и насильственные действия в отношении должностных лиц – тюремное заключение от 1 месяца до 1 года – 9 дел, что составляет около 10 % от числа источников, содержащих меру наказания. В 1889 г. крестьянка Старицкого уезда Дарской волости деревни Старое Гликино Акулина Кондратьева была приговорена к тюремному заключению на год за сопротивление чинам полиции при исполнении судебного решения: оскорбляла, кидалась песком и угрожала колом [9].

На основе материалов изученных источников можно выделить следующие причины произнесения крестьянами оскорбительных выражений в адрес представителей власти:

1. Недовольство судебными решениями, ухудшавшими материальное положение (продажа имущества обвиняемых крестьян за неплатёж недоимок, взыскание долгов, отмежевание земли) – 39 дел, что составляет 62 % от количества источников с выраженной мотивировкой недовольства. Примером служит дело 1881 г. по обвинению крестьянина Ивана Дмитриева и его матери Федосьи Николаевой в оскорблении волостного старшины, оказавшего содействие крестьянину в вывозе купленной им с торгов риги, ранее принадлежавшей обвиняемым. Обвиняемые крестьяне не позволили увезти ригу и обругали старшину бранными словами. Ф. Николаева признала вину и была приговорена к аресту на 2 дня, а И. Дмитриев оправдан, поскольку свидетели не подтвердили факт произнесения им оскорблений [5. Л. 4].

2. Взятничество должностных лиц – 14 дел, или 22 % от количества источников с выраженной мотивировкой недовольства. В 1887 г. в губернском по крестьянским делам присутствии разбиралось дело крестьянина Тверского уезда Быковской волости Василия Акинфеева, оскорбительно отозвавшегося о волостном старшине Иване Радионове: «Иван Радионов делает всё за деньги, почему у него и карман толст». Мера наказания – арест на 3 недели [6. Л. 2].

3. Грубость должностных лиц – 6 дел, что составляет 9,5 % от количества дел с выраженной мотивировкой недовольства. В 1901 г.

во время сельского схода в деревне Каменка Васильевской волости Новоторжского уезда старшина укорил крестьянина Ивана Бородина косоглазием, сказав: «Ты должно быть искоса не разобрал этой бумаги». Иван Бородин на это ответил: «Я косой, а ты – мерзавец». Обвиняемый крестьянин признал себя виновным и объяснил, что оскорбил старшину сгоряча, поскольку тот обозвал его «косым чёртом». Мера наказания – арест на 3 дня [10. Л. 2].

4. Личная обида на должностных лиц – 4 случая, или 6,5 % от количества источников с выраженной мотивировкой недовольства. Так, в 1887 г. крестьянин Макаровской волости деревни Жерновок Фёдор Зиновьев оскорбил волостного старшину Филиппа Петрова после того, как был наказан розгами по приговору волостного суда. Мера наказания – арест на 7 дней [7].

Интересны случаи наличия оскорбительных выражений в жалобах и прошениях крестьян. В 1889 г. в Старицкий съезд мировых судей поступила кассационная жалоба крестьянина Старицкого уезда Братковской волости деревни Налёткино Ивана Семёнова Морцель на решение мирового судьи. В данной жалобе было выражение: «Решение судьи выходит из меры границ правдоподобия по области дикой фантазии», что стало причиной обвинения в оскорблении. Крестьянин не признал вину и объяснил, что жалобу писал неизвестный ему человек в трактире, а он подписал документ, но не понимал значения слова «фантазия». Мера наказания – денежное взыскание 25 р., по несостоятельности – арест на 5 дней [4].

Таким образом, документы, свидетельствующие об оскорблении представителей местной государственной и сельской власти, показывают наличие среди крестьянского населения недовольства их деятельностью. К ответственности за преступления чаще привлекались «патриархальные» крестьяне, проживавшие в деревнях.

Обвиняемые крестьяне в большинстве случаев не признавали вину и старались оправдаться. Однако более половины высказываний в адрес представителей власти имели реальные причины и были мотивированными – 64,5 %. Основной причиной недовольства являлось исполнение должностными лицами судебных решений, ухудшавших материальное положение крестьян – 62 % от количества дел с выраженной мотивировкой недовольства.

Материалы документов свидетельствуют об относительной безопасности для крестьян выражения недовольства действиями должностных лиц: дела в отношении обвиняемых были прекращены в 25 % случаев от количества источников, содержащих меру наказания, а строгому наказанию – тюремному заключению сроком на один месяц и более подверглись только 10 % из них. Наиболее сурово наказывались крестьяне за высказывание угроз и насиль-

ственные действия по отношению к должностным лицам. В целом власти довольно лояльно относились к таким действиям крестьян по сравнению с нормами уложения о наказаниях.

Случаи высказывания крестьянами оскорбительных выражений и угроз по отношению к представителям местной государственной власти и сельской администрации можно рассматривать не только как правонарушения, но и как форму обыденного, повседневного сопротивления действиям должностных лиц, а также выражения определённого отношения к ним.

Список литературы

1. Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации (записка, составлена в декабре 1903 г.) / Вступ. ст., указ, прим. А.С. Сенина. – М., 2002.
2. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 659. Оп. 1. Д. 297.
3. ГАТО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 3163.
4. ГАТО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 506.
5. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 351.
6. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 428.
7. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 429.
8. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 445.
9. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 490.
10. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 855.
11. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2772.
12. ГАТО. Ф. 753. Оп. 1. Д. 104.
13. Кошелев А.А. Низшие полицейские чины провинциальной полиции в пореформенный период // Гос-во и общество: проблемы взаимодействия: материалы межрегион. науч. конф. – Пенза, 2005. – С. 44–51.
14. Любина Т.И. Институт земских начальников Тверской губернии в конце XIX – начале XX в. // Из архива Тверских историков: сб. науч. тр. – Тверь, 1999. – Вып. 1. – С. 50–67.
15. Сводный сборник статистических сведений по Тверской губернии. – Тверь, 1897. – Т. 13. – Вып. 1.
16. Статистика землевладения 1905 г. – СПб., 1906. – Вып. 35. Тверская губерния.
17. Трофимов Д.В. Социально-политические настроения российского крестьянства в пореформенный период (1861–1905 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005.
18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Н.С. Таганцев. – 15-е изд., доп. – СПб., 1910.

Проблема этики революционера в политической борьбе 1917 г.

Этические принципы и нормы обладали несомненной значимостью для российских революционеров. В то же время нормы этики могли становиться инструментом в межпартийной и внутривнутрипартийной борьбе. В статье рассматривается вопрос об использовании этических обвинений в политической борьбе в период между Февралем и Октябрем 1917 г.

The ethic principles and rules were really important for the Russian revolutionaries. At the same time, these rules could become the tools of political struggle between the socialist parties or inside them. The article considers the use of the ethic accusations in the political struggle between the February revolution and the October revolt of 1917.

Ключевые слова: революция 1917 г., этика революционера, правосудие революционеров, политическая борьба.

Key words: the revolution of 1917, revolutionary's ethics, justice of the revolutionaries, the political struggle.

В числе проблем, связанных с этической стороной деятельности революционеров, интерес для исследователей представляет и вопрос о практической этике революционеров, т. е. принципах и нормах, регулировавших поведение членов революционных организаций. Эти принципы начали складываться с 1860-х гг. и сохраняли свое значение на протяжении всего периода существования революционных партий и организаций; центральное место среди них занимали нормы, регулирующие поведение революционера во время следствия, суда, тюремного заключения [20, с. 53; 21, с. 99–100]. Основу изучения практической этики революционеров заложили воспоминания и публицистические работы самих участников революционного движения. Очень важную роль здесь сыграла деятельность Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921–1935). Обобщением трудов его членов должно было стать пятитомное исследование истории политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции [31], но реализация этого проекта в обстановке 1930-х гг. оказалась уже невозможной. Изучение проблемы этики революционера возобновилось в 1960–1980-е гг.; значительным шагом здесь стали работы Н.А. Троицкого, проследившего становление в 60–90-е гг. XIX в. норм поведения революционера во время следствия и суда. Он также рассмотрел вопрос о соответствии этим нормам поведе-

ния подсудимых во время политических процессов этого периода, проанализировав и некоторые случаи предательства и отступничества [46; 47; 48]. Для работ, касающихся революционеров последующих поколений (речь в них шла почти исключительно о членах партии большевиков), было характерно заметное упрощение проблемы: вопрос об отклонениях от норм поведения революционера в них практически не ставился [58].

Среди современных исследований необходимо отметить работы К.Н. Морозова и А.Ю. Морозовой, поставивших вопрос об этике революционера как одном из важнейших компонентов революционной субкультуры, а также о механизмах правосудия революционеров, позволявших контролировать соблюдение этических норм [20; 21; 22]. По их замечанию, нормы поведения, позволявшие революционерам отличать допустимые компромиссы с властью от предательства, играли важную роль в выживании революционных организаций и революционного социума [21, с. 99–100]. Строгие требования, предъявляемые к поведению членов революционных организаций, были связаны также с убежденностью в том, что моральная чистота является необходимым качеством для борца за свободу [20, с. 38; 14, с. 87]. В то же время при всей моральной требовательности революционеров и значимости для них этических принципов, определенную роль в делах этического характера нередко играли и политические соображения, партийные и фракционные счеты, влиявшие и на оценку того или иного проступка, и на выбор санкции в отношении виновного. Проблема использования этических обвинений в политической борьбе остается до сих пор малоисследованной, и для ее изучения несомненный интерес представляют материалы 1917 г.

После Февральской революции наряду с закрытыми обсуждениями и разбирательствами, проводившимися революционными организациями, этические обвинения активно использовались в ходе полемики между социалистами. При этом массовость и популярность изданий революционных партий в 1917 г. многократно увеличивали потенциальную значимость этих обвинений¹.

Цель этой статьи – проанализировать влияние политических мотивов на выдвигание обвинений этического характера, на разбирательства, производившиеся революционными организациями, и на освещение этих вопросов в левой печати; задачи ограничивают-

¹ Внимание к сомнительным и скандальным эпизодам из жизни революционеров (прежде всего, «крайне левых») охотно привлекала также правая («буржуазная» и «бульварная») печать; этические обвинения создавали соответствующий фон для более тяжелых обвинений, выдвигавшихся против представителей революционного лагеря, от провокации до связей с Германией.

ся рассмотрением дел, касающихся нарушения норм взаимоотношений революционера с властями¹.

Одно из первых дел этического характера, поднятых в 1917 г., было связано с процессом большевистской фракции IV Государственной думы (февраль 1915 г.). Тогда поведение подсудимых – самих депутатов и в особенности проходившего вместе с ними по процессу Л.Б. Каменева, вызвало серьезные нарекания. С учетом общественного значения этого процесса, «оборонительная» тактика подсудимых, вероятно, не до конца соответствовала эталону поведения революционера на суде, хотя, с другой стороны, могла представляться оправданной на фоне упадка общественного движения [41, с. 233]. С этическими претензиями в адрес подсудимых были изначально связаны и политические: по мнению В.И. Ленина (и сторонников его взгляда на войну), отречение Каменева от «пораженческой» позиции ЦК и отмежевание от нее членов фракции позволили противникам большевиков злорадствовать по поводу разногласий в партии². Впрочем, как вспоминал Ф.Н. Самойлов, среди тех, кто резко порицал поведение подсудимых во время обсуждения этого вопроса на собраниях в ссылке, были и убежденные оборонцы [41, с. 232–233].

Вопрос о поведении на суде был немедленно поднят после возвращения из ссылки в Петроград Каменева, М.К. Муранова и И.В. Сталина (12 марта 1917 г.) и начала борьбы «тройки» за лидерство с руководителями Русского бюро ЦК (РБ ЦК) и первоначально позволил воспрепятствовать вхождению Каменева в состав РБ ЦК и редакцию «Правды». На вечернем заседании РБ ЦК 13 марта было решено вынести вопрос о Каменеве на предстоящую партийную конференцию; на ней предполагалось обсудить и поведение членов фракции, выделив из числа пяти М.К. Муранова и Г.И. Петровского [37, с.146]³. Более чем вероятно, что некоторые из членов РБ ЦК в своем осуждении Каменева руководствовались отчасти политическими мотивами, хотя и Петроградский комитет (ПК) большевиков (политическая позиция которого была в тот момент была достаточно близка к позиции Каменева) в середине марта высказался против того, чтобы Каменев занимал ответственные посты до своей реабилитации [37, с. 150]. В итоге противостояние левого руководства РБ ЦК и «тройки» закончилось, как известно, победой

¹ За пределами статьи остаются разбирательства, связанные с обвинением в провокации, т.е. секретном сотрудничестве с полицией.

² Любопытно, что Ленин предпочитал объяснить поведение подсудимых недостатком мужества перед лицом первоначально угрожавшей им смертной казни [17, с. 171; 16, с. 335].

³ Поведение этих депутатов, по сравнению с другими подсудимыми, выделял и Ленин [17, с. 172–173; 15, с. 262; 16, с. 335].

последней [42, с. 91–111]¹. Свою роль тут сыграло и явное нежелание большевиков делать конфликт вокруг дела Каменева достоянием гласности [37, с. 150]. Большевистская печать не упоминала о наличии претензий к поведению участников процесса, а возвращавшихся из ссылки депутатов безоговорочно приветствовала как героев революционной борьбы². Публично об «отречении» Каменева от партии во время суда не без удовольствия вспоминали правые социалисты, бывшие, что характерно, принципиальными противниками «пораженческой» позиции, которую Каменев отказался тогда отстаивать [33; 2].

Еще одно поднятое в 1917 г. дело о недостойном поведении во время суда касалось большевика А.В. Калинина, бывшего депутата II Государственной думы. Вскоре после его приезда в Петроград из ссылки в мае 1917 г. (между 15 и 17 мая Калинин получил соответствующее удостоверение в секретариате ЦК РСДРП(б) [1, с. 123]) в «Известиях Петроградского Совета» и в «Рабочей газете» было опубликовано письмо семи бывших членов социал-демократической фракции, заявивших, что Калинин был исключен из фракции за поведение на судебном процессе 1907 г., где он скомпрометировал себя «и как член фракции, и как политический деятель» [28; 30]. Обвинение, по-видимому, было связано с тем, что Калинин позволил себе на суде говорить о разногласиях и конфликтах внутри фракции. Во время пребывания в ссылке Калинин не был исключен из среды политических ссыльных [29, с. 250–252]; судить о том, какую роль в решении бывших депутатов³ выступить с обвинением уже в 1917 г. сыграли принципиальные, а какую – политические соображения, крайне сложно. О значимости обвинения свидетельствует реакция на него Калинина (никто из петроградских большевиков не попытался выступить в его защиту): практически сразу он покинул Петроград и уже в конце мая выступил перед своими бывшими избирателями в Костромской губернии, пытаясь объяснить и оправдать свое поведение на суде, и настаивая, что «его чистосердечное признание о фракционной распре [...] было не с целью оправдания себя и не из боязни ссылки, а лишь для того, чтобы это стало достоянием гласности и послужило уроком передовым работникам, уроком вреда фракционных междоусобиц». Собрание постановило поручить местному Совету рабочих и солдатских депутатов собрать

¹ Вопрос о поведении Каменева на суде был еще раз поднят на VII партийной конференции большевиков в апреле. В его защиту выступили Ленин и В.П. Ногин; в итоге при выборах в ЦК Каменев получил 95 голосов из возможных 109 [43, с. 322–323; 39, с. 362–363, 228].

² До возвращения в Россию В.И. Ленина именно «рабочие депутаты» лидировали по количеству приветствий, опубликованных в «Правде».

³ Все они в 1917 г. принадлежали к партии меньшевиков.

необходимые данные об исключении Калинина из думской фракции и о поведении его на суде [54. Д. 3. Л. 106], но сведений о принятом решении и о дальнейшей судьбе Калинина обнаружить не удалось.

Печать революционных партий могла обращаться к принципам поведения революционера на суде и из агитационно-пропагандистских соображений. Так, с позиций революционной этики умеренные социалисты резко критиковали уклонение В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева от ареста после июльских событий¹, заявляя, что «честные и стойкие революционеры не уклонялись даже от царского суда при закрытых дверях», приводя в пример поведение И.Г. Церетели на процессе социал-демократической фракции II Государственной думы. Бегство Ленина они сравнивали с поведением Г.А. Алексинского, который также был членом фракции, но уклонился от участия в суде. Таким образом они не только выражали осуждение лидера большевиков, но и подчеркивали и свое отвращение к Алексинскому, выступившему в роли «разоблачителя» связи большевиков с Германией [10; 44; 32]².

Одним из наиболее серьезных проступков в революционной среде считалась подача прошений о помиловании или о смягчении участи. Подобный шаг расценивался как отступничество и обычно приводил к исключению из товарищеской среды [21, с. 106–108]. Впрочем, по мнению Л.Г. Протасова, этот принцип «воспринимался более как эталон, нежели жизненное кредо», его нарушение, по видимому, не было редкостью [36, с. 163–166]. Уже во второй половине 20-х гг. целый ряд случаев подачи прошений выявила проверка биографий членов и кандидатов Общества политкаторжан по материалам архивов [59, с. 148]³. В 1917 г. подобная проверка была еще невозможной; возникновение двух известных нам дел о подаче прошений о помиловании (оба они касались членов партии социалистов-революционеров (ПСР)) было связано, видимо, с более или менее случайным выявлением компрометирующих документов.

В первом случае речь шла о подаче прошения эсером Н. Пастуховым; копия прошения была представлена в ЦК партии. Разбор Центральным Комитетом дела о подаче прошения рядовым

¹ Как известно, этот болезненный вопрос вызывал разногласия как среди руководителей большевиков, так и среди рядовых членов партии [57, с. 32–36; 40].

² Интересно, что Алексинский счел нужным ответить на это обвинение в печати. Он заявлял, что уклонился от суда, руководствуясь специальным постановлением ЦК, которое было принято по предложению Ф.И. Дана, выступившего теперь его обвинителем [27].

³ В уставе Общества специально оговаривалось, что его членами не могут быть лица, «подававшие прошения о помиловании и заявления о раскаянии» [51, с. 3].

членом партии¹ и принятое решение (Пастухов был лишен права занимать выборные места в партии и выступать от ее имени [37, с. 15]) свидетельствует о сохранении исключительного значения этой нормы для революционеров. В этом контексте легко представить, какое значение могло иметь обвинение Б.Д. Камкова, одного из лидеров левых эсеров, в подаче прошения о помиловании на имя товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова в 1911 г. ЦК ПСР 22 сентября 1917 г. поручил расследование этого обвинения специальной комиссии [37, с. 19] (сам Камков обвинение категорически отрицал), а 24 сентября московская газета «Русское слово» сообщила о предстоящей публикации материалов о подаче Камковым прошения в «Воле народа», органе крайне правого крыла ПСР [55]². Эта информация позволяет предположить, что инициаторами дела Камкова были правые эсеры. Поскольку проведенная экспертиза почерка показала, что прошение было написано другим человеком, а Камков смог убедить комиссию в том, что ничего не знал о подаче прошения от его имени, инцидент был объявлен исчерпанным без всякого урона для его «революционной чести и достоинства» [11]³. Безоговорочное оправдание Камкова, видимо, воспрепятствовало публикации материалов дела в «Воле народа», однако через некоторое время они появились в «Народном слове», органе трудовой народно-социалистической партии, близкой по своему направлению к правым эсерам, редакция которого не была связана эсеровской партийной дисциплиной. Заключение партийной комиссии о том, что прошение было написано не Камковым, в «Народном слове» под сомнение не ставилось: наиболее вероятным автором документа в газете был назван отец Камкова Д.Я. Кац, который тогда же обратился к Курлову с прошением о помиловании сына и от своего имени. Однако в то же время автор заметки высказывал убежденность, что отец Камкова не мог предпринять такие действия без ведома сына [61]. Такое предположение наряду с публикацией текста прошения, составленного в униженных выражениях и содержавшего отречение от участия в революционной деятельности, несомненно, нанесло удар по репутации Камкова [35], хотя оказать серьезное влияние на расклад политических сил в октябре 1917 г. это, разумеется, не могло.

Резко отрицательное отношение революционеров к «прошениям» могло проявляться и в делах, не связанных непосредственно

¹ Вероятно, речь шла о Н.Т. Пастухове, одном из делегатов III съезда ПСР [24, с. 626].

² Сообщение перепечатали и некоторые петроградские газеты, включая меньшевистский «День» [19].

³ Сообщение о реабилитации Камкова было опубликовано также в большевистской и левоменьшевистской печати [23; 13].

с подачей прошений о помиловании. Весьма любопытным представляется сравнение проезда революционеров-эмигрантов «по милости императора Вильгельма» через территорию Германии с подачей прошения «на высочайшее имя», которое использовали левые публицисты. Заметим, что значительная часть социалистов считала недопустимым уподобляться буржуазной и бульварной прессе, эксплуатировавшей тему «пломбированного вагона», а апеллируя к революционной этике, осуждать проезд социалистов через Германию могли не только правые социалисты [53; 50], но и, например, занимавший интернационалистскую позицию В.М. Чернов [56].

Примером расширительного толкования этической нормы можно считать и дело Ю.М. Стеклова, возникшее после появления в печати сообщения об обнаруженном среди дел канцелярии Николая II прошении Стеклова о перемене «неблагозвучной» фамилии (Нахамкес), поданном им «на высочайшее имя» в 1916 г.¹ Хотя в данном случае подача прошения на царское имя носила, по сути, формальный характер, этот эпизод стал поводом для уничижительной критики Стеклова со стороны правых социалистов и требований удалить его из Исполкома Петроградского Совета со ссылкой на революционные традиции [52; 9; 3; 18; 6]². «Дело» Стеклова было вынесено на обсуждение руководителей Совета [26, с. 181, 241]; участвовавший в собрании Н.Н. Суханов вынес убеждение, что, осуждая Стеклова, члены Исполкома руководствовались не принципиальными соображениями, а желанием ослабить левое крыло Совета [45, с. 202], однако в итоге ИК принял решение выразить Стеклову «политическое доверие» и осудил его травлю в печати [26, с. 241; 4].

Еще одно дело о недостаточной принципиальности было связано с Л.Б. Каменевым. 7 апреля в газете «Единство» появилось сообщение, что во время революционного митинга в Ачинске в начале марта Каменев выступил инициатором отправки приветствия великому князю Михаилу Александровичу в связи с его отречением от престола [33]³. Обвинение подхватил меньшевистский «День», объявивший, что оно может положить «несмываемое пятно на литера-

¹ Прощение было отклонено ввиду политической неблагонадежности просителя [25].

² «Ошибочность» подачи Стекловым прошения признавала, между прочим, и «Правда» [5].

³ Стоит уточнить, что телеграмма от имени участников митинга была направлена на имя Г.Е. Львова и М.В. Родзянко и лишь содержала просьбу передать приветствие великому князю, «показавшему пример подчинения воле народа в Учредительном Собрании» [7, с. 110].

турную и политическую репутацию руководителя «Правды»» [34]¹. Каменев немедленно выступил с решительным опровержением «уездно-ссылной сплетни», по его утверждению, решение приветствовать великого князя было принято на митинге вопреки его настояниям [12]. Это заявление положило конец публичному обсуждению инцидента в 1917 г., но в 1926 г. эпизод с «телеграммой великому князю» был поднят и использован Сталиным в борьбе с объединенной оппозицией. Сталин представил свидетельства ряда участников революционных событий, которые утверждали, что Каменев действительно был инициатором отправки телеграммы, и его поступок вызывал сильнейшее осуждение большевиков, в связи с чем Ленину в апреле 1917 г. с трудом удалось отстоять кандидатуру Каменева в ЦК. При этом они фактически признавали, что члены редакции «Правды» сознательно допустили публикацию в ней ложного опровержения [39, с. 304, 341–343, 358–359; 7, с. 109–113]. В свою очередь, многочисленные свидетели со стороны Каменева подтверждали его версию появления «телеграммы» и заявляли, что вопрос о ней не играл никакой роли при обсуждении кандидатуры Каменева в ходе VII партконференции. Также они подчеркивали, что Ленин не стал бы защищать Каменева, если бы знал о подобном проступке [39, с. 360–367]². Представляется, что обе стороны конфликта в 1926 г. преувеличивали значение вопроса о «телеграмме»; правдоподобную картину реакции большевиков на обвинение Каменева дает сообщение А.Г. Шляпникова. Он вспоминал, что слух о «телеграмме» вызвал в апреле 1917 г. запросы со стороны большевистских организаций и отдельных членов партии, но сам факт, что слух исходил из враждебного большевикам лагеря, заставлял их рассматривать обвинение «как обычную травлю ... во вражеской печати» [39, с. 364].

В целом можно говорить, что нормы этики, касающиеся взаимоотношений революционера с властями, в полной мере сохранили свое значение после Февральской революции, оставаясь общими для революционеров разных партий и фракций. При этом общественное мнение революционной среды оставалось силой, с кото-

¹ Любопытно, что А.Ф. Керенский, выразивший аналогичную благодарность Михаилу Александровичу в ходе встречи с ним членов Временного комитета Государственной думы 3 марта 1917 г., счел нужным (согласно описанию В.В. Шульгина) предварительно заявить: «Я принадлежу к партии, которая запрещает мне... соприкосновение с лицами императорской крови....» [60, с. 542]. Таким образом, Керенский (можно заметить, не в самой подходящей обстановке) не только обозначил свою принадлежность к партии эсеров, но и подчеркнул знание кодекса поведения революционера.

² Поскольку заявления участников событий носили взаимоисключающий характер, судить о действительной роли Каменева в отправке злополучного приветствия крайне сложно [49, с. 296; 8, с. 100–101].

рой вынуждены были считаться все представители революционного лагеря, несмотря на разделявшие их политические противоречия. Представители всех революционных партий в 1917 г. достаточно внимательно относились к этическим вопросам, считая необходимым как публичное противодействие обвинениям и защиту доброго имени своих членов, так и (в ряде случаев) проведение собственных расследований и разбирательств; сохранилось и уважительное отношение к процедурам очищения от обвинений.

В то же время политические соображения оказывали существенное воздействие и на освещение того или иного проступка в печати, и на проведение расследований и разбирательств. Большую часть обвинений, выдвигавшихся в рассматриваемый период, в той или иной степени можно связать с политической борьбой внутри революционного лагеря. При этом активное и целенаправленное использование этических обвинений в политической борьбе было в большей степени характерно для правых социалистов: такие обвинения гораздо чаще были направлены «справа налево», чем «слева направо». Однако значение подобных обвинений могло быть понятно лишь узкому кругу лиц, принадлежащих к партийному, революционному миру. Вероятно, политическая стратегия «левых» социалистов, обвинявших своих противников не в нарушении специфических норм поведения революционера, а в измене самим принципам социализма и революции и интересам народа, была в условиях 1917 г. более эффективной.

Список литературы

1. Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году. – М., 1969.
2. Аннексия Кронштадта // День. – 1917. – 21 мая.
3. Батурский Г. По поводу резолюции Исп[олнительного] ком[итета] (Письмо в редакцию) // Рабочая газ. – 1917. – 31 мая.
4. В Бюро Исполн[ительного] Комитета // Изв. Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 2 июня.
5. «Дело» Стеклова // Правда. – 1917. – 2 июня.
6. Добронравов Л. «Грязные перчатки» // Единство. – 1917. – 3 июня.
7. Документы, публикуемые ЦК в ответ на заявление тт. Зиновьева, Смилги и Федорова // Большевик. – 1926. – № 23–24.
8. Донков И.П. Лев Борисович Каменев // Вопр. истории КПСС. – 1990. – № 4.
9. Заславский Д. Заметки // День. – 1917. – 31 мая.
10. Заявление Ленина и Зиновьева // Изв. Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 18 июля.
11. Извещение // Дело народа. – 1917. – 27 сент.
12. Каменев Ю. Нелепая выходка // Правда. – 1917. – 8 апр.
13. Клевета на Б. Камкова // Рабочий путь. – 1917. – 28 сент.
14. Кочеров С.Н. Этика революционера как моральный феномен // Свет свободомыслия. – Н. Новгород, 1995. – Вып. 2.

15. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. – М., 1969. – Т. 26.
16. Ленин В.И. Социализм и война (отношение РСДРП к войне) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М., 1969. – Т. 26.
17. Ленин В.И. Что показал суд над РСДР фракцией? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М., 1969. – Т. 26.
18. Ложный шаг // Единство. – 1917. – 1 июня.
19. Молодые, но ранние // День. – 1917. – 27 сент.
20. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. – М., 2005.
21. Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Границы и трактовки предательства в партийном правосудии РСДРП и ПСР и субкультуре российского революционера в первой трети XX в. // Социальная история: ежегодн. 2009. – СПб., 2010.
22. Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Обращения социалистов-эмигрантов в правоохранительные органы как отражение кризиса «партийного правосудия» и специфики правосознания эмигрантской революционной среды в 1907–1914 гг. [Электронный ресурс] Электронные текстовые данные. – URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y04/partjust.htm>.
23. Очередная клевета // Нов. жизнь. – 1917. – 27 сент.
24. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. – М., 2000. – Т. 3. Ч. 1.
25. Перемена фамилии // Рус. слово. – 1917. – 14 мая.
26. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. – М., 2002. – Т. 3.
27. Письма в редакцию // Единство. – 1917. – 19 июля.
28. Письма в редакцию // Изв. Петрогр. Совета рабочих и солд. депутатов. 1917. – 26 мая.
29. Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (конец XVIII – начало XX века). – Иркутск, 1978.
30. Письмо в редакцию // Рабочая газ. – 1917. – 27 мая.
31. План издания. История политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции эпохи царизма (с конца XVII в. до февраля 1917 г.) и политических репрессий и террора на территории белых армий и интервентов эпохи гражданской войны (1917–1922 гг.). – М., 1934.
32. Пленарное заседание Центр[ального]исп[олнительного] комитета с[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] и Исп[олнительного] ком[итета] сов[етов]кр[естьянских]деп[утатов] // Изв. Петрогр. Совета рабочих и солд. депутатов. – 1917. – 18 июля.
33. Последовательный «правдист» // Единство. – 1917. – 7 апр.
34. Правда ли это? // День. – 1917. – 8 апр.
35. Предпарламент // Петроградская газета. – 1917. – 25 окт.
36. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. – М., 2008.
37. Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопр. истории КПСС. – 1962. – № 3.
38. Протоколы Центрального комитета Партии социалистов-революционеров с комментариями В.М. Чернова // Вопр. истории. – 2000. – № 10.

39. Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября – 16 декабря 1926 года: стеногр. отчет. – М.; Л., 1927. – Т. 2.
40. Резолюция большевистского ком[итета] с.-д. на Металлическом заводе // Изв. Петрогр. Совета рабочих и солд. депутатов. – 1917. – 16 июля.
41. Самойлов Ф. Большевистская фракция IV Государственной думы в енисейской ссылке перед Февральской революцией // Пролетарская революция. – 1927. – № 2–3.
42. Сахнин А.В. Внутрипартийная борьба в РСДРП(б) в конце февраля – апреле 1917 г. Механизм руководства и выработка стратегии: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010.
43. Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большеви́ков). Петроградская общегородская конференция (большеви́ков): протоколы. М., 1958.
44. Соединенное заседание Цен[трального] ком[итета] сов[етов]раб[очих] и с[олдатских] д[епутатов]и Исп[олнительного] ком[итета]кр[естьянских] деп[утатов] // Изв. Петрогр. Совета рабочих и солд. депутатов. – 1917. – 14 июля.
45. Суханов Н.Н. Записки о революции. – М., 1991. – Т. 2.
46. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. – М., 1978.
47. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). – Саратов, 1983.
48. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. – Саратов, 1976.
49. Троцкий Л.Д. Сталин. – СПб., 2007. Т. 1.
50. Тютчев Н. Письмо в редакцию // Воля народа. – 1917. – 6 июня.
51. Устав Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1924.
52. Факт, говорящий за себя // Единство. – 1917. – 18 мая.
53. Фельдман К. Разные пути // Единство. – 1917. – 7 мая.
54. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1698. Оп. 1.
55. «Человеческий документ» // Русское слово. – 1917. – 24 сент.
56. Чернов В. Ленин // Дело народа. – 1917. – 16 апр.
57. Шестой съезд РСДРП (большеви́ков). Протоколы. – М., 1958.
58. Шишкин В.Ф. Так складывалась революционная мораль. – М., 1967.
59. Шкаровский М.В. Правозащитная, научная, социальная и производственная деятельность Ленинградского отделения ОПК (1923–1935 гг.). // Всес. об-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев: образование, развитие, ликвидация 1921–1935. – М., 2004.
60. Шутьгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. – М., 1990.
61. Энти. «Человеческий документ» // Народное слово. – 1917. – 13 окт.

**Агитационно-пропагандистская деятельность
советского руководства и белогвардейских сил
на северо-западе России в годы Гражданской войны**

В статье рассматривается агитационно-пропагандистская деятельность советской власти и отдельных белогвардейских формирований в условиях Гражданской войны в России на примере материалов периодической печати и военно-политических плакатов.

The article considers about agitation and propaganda activity of Soviet power and some others White guards formations in a period of the Civil war in Russia based on the periodicals and military posters.

Ключевые слова: Гражданская война, Белая армия, Красная армия, агитация, пропаганда, коммунизм, мобилизация.

Key words: Civil war, the White army, the Red army, agitation, propaganda, communism, mobilization.

Агитационно-пропагандистская работа, или «война на информационном фронте», играет чрезвычайно важную роль в период ведения боевых действий [подробнее см.: 5; 17]. Создание «образа врага» – одна из основных задач пропаганды и агитации, целью которой является дискредитация противоположной стороны и политико-идеологическое обоснование необходимости применения силы. Специфичными, однако, представляются методы психологического воздействия в условиях Гражданской войны, когда сходятся политические силы и группировки внутри одного государства.

В этой связи особый интерес для исследователей представляет агитационно-пропагандистский материал Гражданской войны 1918–1920 гг., в ходе которой в России произошло столкновение диаметрально противоположных друг другу общественно-политических систем: коммунистической и «контрреволюционной» (данное определение является условным, так как белогвардейские правительства представляли собой широкий конгломерат политических сил – от монархистов до социал-революционеров). Цели и задачи агитации прямо проистекали из специфики противостояния: проведение работы среди населения, в собственной армии и в «чужих» подразделениях. Общий лейтмотив агитации сводился к обоснова-

нию доминирования над противником и неизбежности крушения последнего.

Формы пропаганды, применявшиеся противоборствующими сторонами, были различными, однако наиболее распространенной была печатная агитация с помощью листовок, газет, воззваний и пр. Они охватывали значительный круг вопросов: призывы к мобилизации в ряды действующей армии, необходимость реквизиции ресурсов для нужд фронта, дискредитация противоборствующей стороны и т. д. Обязательный акцент делался, независимо от стороны конфликта, на создание «образа врага» и представление его в максимально неприглядном свете в глазах населения. Детальное рассмотрение конкретных методов идейно-психологического воздействия позволяет выявить характерные особенности в подходах к пропаганде у противоборствующих сторон в годы Гражданской войны.

Распространенным приемом советской агитации было указание на наличие тесных дипломатических отношений белогвардейских правительств и иностранных держав: «Ваши генералы, – говорилось в одной из листовок, обращенных к белогвардейцам, – продают иностранным капиталистам наши богатые окраины, получая за это оружие и деньги и думают задушить русский народ, вырвавшийся из цепей капитала» [19, № 7/31].

Пытаясь добиться одной из главных целей – прекращения сопротивления белогвардейских войск, большевики развернули широкую печатную агитацию в войсках противника. В специальных воззваниях якобы сложившие уже оружие белогвардейцы обращались к своим друзьям и солдатам, находившимся «по другую сторону баррикад». Внимание акцентировалось на нескольких «преимуществах» Красной армии: отсутствии телесных наказаний, полной обеспеченности продовольственными и материальными ресурсами, народном характере движения, а также общем моральном и численном превосходстве Красной Армии [19, № 1/30].

Агитационно-пропагандистские усилия были направлены также и на поддержку боевого духа красноармейцев, которые «любой ценой» должны были защитить Петроград от «эстонских, финских, русских белогвардейцев, которых активно поддерживает английский флот» [19, № 1/75]. Необходимость защиты «колыбели революции» становилась одним из главных лейтмотивов агитационной работы среди гражданского трудового населения, нацеленной не просто на поддержку веры в победу [5, с. 95], но и на решение вполне конкретной задачи пополнения рядов РККА: «Вступайте массами в народную армию, не дайте своей халатностью погибнуть массовым завоеваниям!» [19, № 3/166].

Наконец, агитационное воздействие было направлено против «внутренних врагов», среди которых особо выделяли провокаторов,

приравниваемых к государственным преступникам и подвергаемых суровым наказаниям, вплоть до расстрела [19, № 7/162], а также дезертиров, борьба против которых была не менее ожесточенной [18, с. 133]. Широкая пропаганда борьбы с дезертирством находила своё отражение на страницах периодической печати и в специально изготовляемых листовках [8, с. 61]. Советская власть призывала дезертиров «тотчас же» явиться в военные части и приступить «к исполнению своих обязанностей», угрожая, в противном случае, расправой по окончании Гражданской войны [3, с. 211]. О применении расстрела говорилось и в случаях дезертирства «со сборных пунктов, при отправке эшелонов по пути следования таковых...» [7. Л. 1а].

Помимо упомянутых выше проблем, в агитационных изданиях, выпускавшихся на Северо-Западе России, обращалось пристальное внимание и на другие стороны жизни общества в период Гражданской войны. С учетом стихийной демобилизации военнотружущих с фронтов Первой мировой войны, на руках у населения скопилось большое количество оружия и боеприпасов. В связи с этим в ряде агитационных материалов содержался призыв к населению проявить свою «революционную и гражданскую сознательность», признав необходимость добровольной сдачи оружия [19, № 6/36]. Нередко публиковались воззвания, в которых говорилось о необходимости экономической помощи Красной армии со стороны населения [19, № 12603]. «Не менее опасный враг – это топливный голод – если мы не заготовим нужного количества дров, останутся железные дороги, пароходы, продорганы лишатся возможности вывезти хлеб из производящих губерний, останутся фабрики и заводы и вся промышленность... население городов замерзнет ...Красной Армии нужны мясо, фураж, лошади. Мы ... должны ... дать возможность Красной армии окончательно разбить врага, обеспечить ее всем необходимым...», – именно так преподносилась необходимость экономического отчуждения ресурсов у населения в условиях развернувшегося гражданского противостояния [2, с. 43].

Осознавая значимость агитационно-пропагандистской работы, правительства белогвардейцев также уделяли ей значительное внимание. В качестве характерных признаков белогвардейской агитации можно выделить национализм, критику коммунизма как системы, дискредитацию лидеров Советского государства, а также постоянную апелляцию к идее созыва Учредительного собрания после победы над большевизмом. Близость этой победы представлялась само собой разумеющейся: «Русские люди, – обращалась с призывом к своим читателям антибольшевистская газета «Приневский край» в 1919 г., – еще немного терпения и падет кровавая власть тиранов, насильников народа и наступит свобода» [15. 10 окт.]. Бело-

гвардейская агитация не скупилась на нелестные эпитеты в адрес советской системы и ее лидеров: «Долой большевиков и коммунизм», «Троцкий – убийца крестьян», «Ленин – предатель рабочего класса» и т. д. [15. 24 окт.].

В исторической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что слабой стороной белогвардейских правительств как политической силы было отсутствие внятного понимания государственного устройства России после потенциальной победы над большевизмом [11, с. 301–302; 12, с. 94–95]. Основанием для такой оценки служат факты идейной разобщенности белогвардейских правительств, не сумевших выработать и осуществить единую политическую и социально-экономическую программу, а также анализ биографий лидеров антибольшевистских формирований, которые будучи блестящими кадровыми военными царской армии не были искушенными в экономических и общественно-политических вопросах [6, с. 133]. Однако, помимо этого, необходимо учитывать и социальный состав тех, кого пытались привлечь к себе противоборствующие стороны с помощью активной агитации и пропаганды. В этой связи представляется, что большевистская агитация была более понятной широкому кругу населения, в то время как, по меткому выражению А.В. Аграшенкова, фундаментальной причиной поражения белогвардейских войск, в том числе и на Северо-Западе России, «...стало неприятие большей частью солдат воюющих сторон и населения старых порядков: именно их реставрация ассоциировалась в психике людей с победой Белого движения» [1, с. 136].

Тем не менее, основополагающие вопросы государственного устройства в антибольшевистской агитации все же присутствовали, но не занимали при этом главенствующего положения. Так, например, концептуальные основы политики Северо-Западного правительства нашли свое отражение в декларации «К населению Северо-Западной Области России», опубликованной в газете «Заря России». Среди основных положений данного воззвания выделялись следующие: равенство граждан перед законом, декларирование права на свободу печати, стачек, политических собраний, слова; закрепление принципа возможности получения автономии на общих принципах федерации, децентрализация государства при сохранении тесной связи с местным самоуправлением, принцип выборности органов местной власти, восьмичасовой рабочий день, государственный контроль над производством и принцип охраны труда. Однако же, окончательное решение аграрного вопроса откладывалось до победы над большевиками и созыва Учредительного собрания. На период военного времени земля закреплялась за «земледельческим населением», но сделки на «внегородские земли воспрещают-

ся за исключением особо важных случаев и с особого в этих случаях разрешения Правительства» [9, 21(8) авг.].

Чаще всего вопросы социально-экономического характера в белогвардейской пропаганде затрагивались в ходе критики советско-коммунистической системы, которая представала как «грабительская» («Кто ограбил у тебя последнюю коровенку – тот комиссар и коммунист!»). В печатных изданиях белогвардейцев делался акцент на удорожание продуктов первой необходимости, рост инфляции и безработицы при большевистском режиме [4, 15 нояб.].

Другой распространенной формой пропаганды были плакаты военно-политического характера. Спецификой плакатной живописи является простота, яркость и метафоричность изображения, с помощью которых основополагающие идеи доносятся до широкой массы населения [10, с. 134]. Противоборствующие стороны в годы Гражданской войны активно использовали плакат, пытаясь дискредитировать противника. Например, среди рядовых солдат белых армий распространялись плакаты с напоминанием о том, что победа белогвардейцев будет означать возвращение помещичьей собственности на землю, а следовательно, и ее конфискацию у крестьян. Самым распространенным словом на советских плакатах было слово «капитал», которое отождествлялось с порядками царской России и являлось символом угнетения трудового народа.

Во время походов Северо-Западной армии на Петроград, советское руководство бросило силы на публикацию плакатов, призывавших к революционной обороне. В таких плакатах город изображался в виде крепости, «твердыни», защищать которую необходимо любой ценой [16]. Часть плакатов была посвящена лидерам белогвардейских формирований, в которых их образ передавался с негативной стороны и должен был вызвать антипатию [см., напр.: 14].

Равным образом и в белогвардейской агитации акцент делался на негативных сторонах большевистского режима, а его лидеры – В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий – на плакатах принимали мистически-зловещие образы, изображались ответственными за развал государства и гибель людей [14]. Анализ белогвардейских плакатов позволил установить, что наиболее часто упоминавшимся словом было «Совдепия», которая должна была олицетворять, по замыслу создателей этой наглядной агитации, все тяготы и ужасы жизни людей в Советской России [13].

Анализ военно-политической агитации и пропаганды в годы Гражданской войны в России показывает, что данному направлению деятельности обе противоборствовавшие стороны уделяли серьезнейшее внимание. В целях информационно-идеологического воздействия на население противники использовали широкий спектр

конкретных мер: публикацию листовок, программных воззваний на страницах периодических изданий, распространение плакатов военно-политической тематики и пр. Несмотря на ряд общих моментов, будь то попытки скомпрометировать своего противника, выставить в неприглядном свете его лидеров или указать на неизбежность гибели государства в случае победы противоположной стороны, в агитационно-пропагандистской работе советской власти и антибольшевистских формирований присутствовали свои особенности, характерные для каждой из сторон. Представляется, что советская агитация охватывала более широкий круг вопросов, касавшихся жизни государства и общества в реалиях военного времени. Вкупе с использованием конкретных программных положений и принципов действия, коммунистическое руководство получало в лице пропаганды мощное оружие воздействия на широкие массы населения. В свою очередь, белогвардейская агитация основной акцент сделала на критике большевистского режима и руководства, в то время как ключевые вопросы государственного устройства и экономического развития страны, волновавшие людей, не находили сколько-нибудь значительного отражения в агитационно-пропагандистских материалах контрреволюционного движения, что на наш взгляд, наряду с другими факторами, уменьшало шансы «белых» на победу в Гражданской войне.

Список литературы

1. Аграшенков А.В. Идеология и общественное сознание в Гражданской войне на северо-западе России: проблемы взаимосвязи. – СПб., 1994.
2. Бланк А.С., Озеринин Н.В. Победа Советов в Череповецкой губернии. – Вологда, 1957.
3. Васильев М. «Искоренить зло дезертирства» // Псков. – 2011. – № 35. – С. 207–216.
4. Вестник Северо-Западной армии (г. Нарва). – 1919.
5. Вихров В.М. Председатель Петросовета Г.Е. Зиновьев и организация обороны Петрограда // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 4. История. – № 3. – С. 92–100.
6. Ганин А.В. Роль большевистских вождей в победе РККА в Гражданской войне // Русский исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России / под ред. М.Б. Смолина. – М., 2011. – С. 133–143.
7. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 10.
8. Гулев В.В. Организация издательского дела и борьба против буржуазной идеологии в первые годы Советской власти (1918–1921 гг.) // Ист. зап. – 1979. – № 104. – С. 59–90.
9. Заря России (г. Псков). – 1919.
10. Игошина Т.С. Метафора как средство художественной выразительности плакатного искусства // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 17 (155). – С. 132–140.

11. Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.) / под общ. ред. В.А. Шишкина. – СПб., 1995.
12. Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М., 1994. – С. 94–105.
13. Плакаты «белых» времен Гражданской войны // <http://statehistory.ru/2185/Plakaty-belykh-vremen-Grazhdanskoj-voyny--CHast-II>.
14. Плакаты времен Гражданской войны // <http://diletant.ru/articles/20746695>.
15. Приневский край: Военно-осведомительная и литературно-политическая газета (г. Гатчина, Ямбург, Нарва). – 1919.
16. Революционные плакаты // Красное знамя: WEB-проект о СССР и советской эпохе // <http://krasnoyeznamya.ru/page.php?vrub=rm&vid=6>.
17. Тропов И.А. Проблемы формирования Красной Армии // Воен.-ист. журн. – 2009. – № 6. – С. 46–50.
18. Тропов И.А. Доклад Военно-революционной «тройки» Псковского уезда (30 июня 1918 г.) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 4. История. – № 4. – С. 132–138.
19. Фонд листовок Российской национальной библиотеки (ФЛ РНБ).

УДК 355.73(09)(47):37:008

В.А. Бобков

Просветительская деятельность научно-культурных организаций и общественных деятелей в отношении арсенальцев в России (XIX – начало XX в.)

В статье рассматривается реконструкция процесса просветительского воздействия на работников арсеналов России со стороны научно-культурных организаций и общественных деятелей. Делается вывод, что важнейшее значение в деле повышения культурного уровня арсенальцев имели внутригосударственные и международные выставки, промышленно-технические объединения, а также деятельность выдающихся техников-изобретателей.

The article is devoted to the reconstruction of process of educational impact on Russian arsenals' workers by the scientific and cultural organizations and public figures. It is concluded that national and international exhibitions, technical industrial associations, as well as the activities of outstanding technicians-inventors had significant importance in raising the cultural level of arsenals' workers.

Ключевые слова: арсенал, артиллерия, армия, война, военная промышленность, культура, просвещение.

Key words: arsenal, artillery, army, war, military industry, culture, education.

В России социальная среда воинского сообщества складывалась из более мелких социальных групп военнослужащих. Как правило, отношение к тому или иному роду войск предопределяло отнесение человека к определенной военно-социальной группе. Оформлению сообщества способствовало окончание специализированных военно-учебных заведений (готовивших артиллеристов, кавалеристов, военных медиков и т. д.), общее место службы и сферы деятельности, досуга (офицерские собрания), даже церкви устраивали в зависимости от принадлежности к родам войск (Сергиевский всей артиллерии собор в Санкт-Петербурге, Спасо-Преображенский всей гвардии собор в Санкт-Петербурге, Морской собор в Кронштадте и т. д.).

В настоящей статье рассматривается просветительское воздействие на такую социальную группу военнослужащих, как арсенальцы. Арсенальцы (арсенальное сообщество) – это социальная группа людей прямо или непосредственно связанная с производ-

ством артиллерии на арсеналах военного ведомства России, а также имеющая общность интересов, этические, культурные традиции и т. д.

Под просветительским воздействием нами понимается совокупность образовательных, воспитательных, агитационных мероприятий, направленных на повышение трудоспособности арсенальцев, стимулирование их творческой активности по созданию материальной части артиллерии. Значительное влияние на повышение уровня подготовки арсенальцев России оказывали библиотеки при предприятиях, профильный «Артиллерийский журнал» и т. д. Важнейшее значение в деле повышения культурного уровня арсенальцев имели внутригосударственные и международные выставки, где помимо прочего была выставлена материальная часть артиллерии. Развитию просвещения в арсенальном сообществе способствовали промышленно-технические объединения, активно развивавшиеся в XIX в. Весомый вклад в просвещение арсенальцев России вносила деятельность выдающихся техников-изобретателей.

Основными формами и методами просветительского воздействия на арсенальцев в России были:

- 1) создание музейных коллекций артиллерийского вооружения;
- 2) организация на международных и внутригосударственных выставках секций по развитию материальной части артиллерии России (выставки в обязательном и добровольном порядке посещали ведущие техники-артиллеристы арсеналов России);
- 3) взаимное обогащение опыта техников-артиллеристов (арсенальцев России) посредством бесед и дискуссий в офицерских собраниях;
- 4) деятельность научно-технических организаций (так, артиллерийский комитет издавал специальный (корпоративный) «Артиллерийский журнал»);
- 5) групповые и индивидуальные собеседования с ведущими техниками-артиллеристами, проходившие непосредственно на арсеналах по всей России.

Остановимся на характеристике каждого пункта более подробно. Создание музейных коллекций артиллерийского вооружения правомерно начать с самого крупного и знаменитого музея. В 1703 г. на территории Петропавловской крепости был основан знаменитый музей артиллерии (сегодня Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи). Музей был одним из первых объединений, значительно повлиявшим на просвещение работников арсеналов России. После 1761 г. коллекцию присоединили к имуществу С.-Петербургского арсенала. Работники арсенала и их дети, обучавшиеся в арсенальной школе, получили возможность повы-

шать свой образовательный уровень при знакомстве с экспонатами музея артиллерии.

В руководстве арсеналов России достаточно рано осознали важность музеев в деле просвещения работников. В 1827 г. новый командир С.-Петербургского арсенала генерал-лейтенант Петр Андреевич Козен представил проект усиления предприятия, в котором предусмотрел устройство первоклассно оборудованного особого музеума. К сожалению, в тот период времени из-за нехватки финансовых средств проект не утвердили. При этом в С.-Петербургском арсенале сохранили собрание, так называемых «достопамятных предметов» [8, с. 236].

В 1864 г. знаменитый «Достопамятный зал» (коллекцию экспонатов находившихся в С.-Петербургском арсенале) решили переместить в Кронверк крепость «проект размещения мемориальных предметов был разработан инженер-подполковником Кокушкиным» [6, с. 81].

Интереснейшее собрание музейного значения военно-артиллерийского направления, уже в конце XVIII – начале XIX в. стало складываться при Брянском арсенале. В просветительных целях, а также по примеру «Достопамятного зала» при Главном арсенале в С.-Петербурге руководители Брянского арсенала санкционировали формирование и регулярное пополнение на своем заводе собрания образцов артиллерийских трофеев.

Музейные экспонаты перемещали между арсеналами. Так, в 1838 г. из Брянского арсенала в С.-Петербургский была передана коллекция моделей орудий, в Московский – в 1846–1847 гг. – коллекция знамен и штандартов.

В третьем по значимости арсенале страны расположенном в Киеве, как и на других предприятиях отрасли, хранили и использовали в просветительских целях значительное собрание предметов материальной части артиллерии и подобных им экспонатов.

В результате военных реформ Д.А. Милютина арсеналы России разгрузили от всех прочих функций помимо производства артиллерии. В рамках военных реформ провели централизацию и военного образования. Центром подготовки будущих работников арсеналов стал С.-Петербург. В силу этого неудивительно, что приняли решение передать все музейные коллекции, состоявшие при арсеналах в головное предприятие отрасли в С.-Петербург.

Объединение коллекций всех предприятий произошло в конце XIX – начале XX в. Артиллерийский музей, открывшийся как хранилище отдельных памятников артиллерии, стал научным учреждением и был переименован в Артиллерийский исторический музей (АИМ). К этому событию было приурочено распоряжение артилле-

рийского управления России о передаче в фонды АИМ старинных орудий и прочих артиллерийских предметов.

Следующей, не менее важной для развития артиллерийского производства и знакомства арсенальцев России с передовыми достижениями, близкая к музейной деятельности была такая форма просветительской работы, как организация промышленных выставок. Выставочная деятельность получила широкое распространение в XIX в., а развивали ее как на всероссийском, так и международном уровне. Каждый из уровней стимулировал продолжение изысканий в области артиллерийского производства.

В России промышленные выставки функционировали с 1829 г. В течение XIX в. провели «шестнадцать всероссийских выставок» [5, с. 3], которые постепенно аккумулировали все передовые научно-технические силы государства.

В 1872 г. к 200-летию со дня рождения императора Петра I в Москве была открыта Политехническая выставка. Одним из участников и создателей артиллерийского отдела выставки был впоследствии известный деятель в области научного изучения материальной части артиллерии Н.Е. Бранденбург. Артиллерийский отдел оказался наиболее удачным, он воссоздал довольно полную картину истории развития артиллерии в России, что привлекло внимание широких кругов общественности к одному из организаторов выставки – «С.-Петербургскому Артиллерийскому музею» [2, с. 6].

На выставку послали свои экспонаты все столичные и местные арсеналы России. После завершения работы выставки все ее артиллерийские экспонаты поступили в Артиллерийский музей в С.-Петербурге.

Со второй половины XIX в. военно-техническая продукция все больше была представлена на внутригосударственных выставках. Так, С.А. Корепанова утверждает, что в 1882 г. на XV-й Всероссийской промышленно-художественной выставке, проходившей в Москве, впервые были сформированы научно-учебный, военный отделы [5].

Работа по организации выставок, бесспорно, была положительным явлением в деле просвещения работников арсеналов. В обязательном порядке на выставки направляли ведущих специалистов арсеналов для ознакомления с последними техническими новинками и демонстрации собственных достижений.

В просветительных и иных целях представители арсеналов посещали мировые промышленные выставки, которые в своих экспозициях представляли военно-промышленную продукцию. Первая Всемирная промышленная выставка прошла в мае 1851 г. в Лондоне. Эта выставка была названа «Великая выставка изделий промышленности всех наций» («The Great Exhibition of the Works of

Industry of All Nations»). Всемирная промышленная выставка в Лондоне, как и последующие подобные выставки, предлагали к просмотру «многочисленные образцы оружия – холодного, стрелкового и артиллерийского» [11, с. 86].

В мае 1862 г. в Лондоне проходила очередная всемирная выставка. Помимо прочего, Россия представила на ней образцы материальной части артиллерии. Уже имевший широкую известность в России П.М. Обухов, новатор, стоявший у истоков развития стальной артиллерии и в те годы управляющий Златоустовской оружейной фабрикой, получил медаль выставки. Главным экспонатом России стала сделанная Обуховым «по новой технологии литая стальная пушка 12-фунтового калибра, не уступавшая лучшим европейским образцам» [11, с. 89].

Россия приняла активное участие и в промышленной выставке, организованной в Америке. Всемирная выставка под названием «"Centennial Exhibition" открылась в Филадельфии 10 мая (28 апреля ст. ст.) 1876 г. В ней участвовали около 50 стран и свыше 14 тысяч экспонентов» [10, с. 78]. Помимо прочих экспонатов от России были представлены артиллерийские орудия, произведенные Обуховским заводом. На выставку в Филадельфию были направлены технические специалисты, ученые, офицеры морского и военного министерств. В числе специалистов, ездивших в Америку, были представители арсеналов, в частности, служащий «С.-Петербургского арсенала капитан В.Е. Альтфатер» [10, с. 79].

Артиллеристы России приняли участие и в другой Всемирной промышленно-художественной выставке (World's Columbian Exhibition) в Америке, проходившей в 1893 г. в Чикаго. Руководитель Пермских пушечных заводов Н. Г. Славянов получил в Чикаго золотую медаль «за изобретенный им способ дуговой электрической сварки» [10, с. 81].

Изобретение Славянова было перспективным и открывало возможности «применения электрической обработки металлов к исправлению материальной части артиллерии (как то: сломанных осей, болтов, тяг и пр.)» [9, с. 81].

Наблюдателем от артиллерийского ведомства на выставке в Чикаго был профессор артиллерийской академии Г.А. Забудский, знакомившийся там с технологией алюминиевого производства и современными способами изготовления орудий, снарядов и броневых плит. В будущем на своих лекциях в академии профессор Забудский передавал полученные на выставке знания слушателям (некоторые из них стали техниками и инженерами арсеналов России).

Данные по участию изобретателей артиллеристов на всемирных выставках свидетельствуют о том, что научно-техническая мысль перемещается с арсеналов в другие центры производства

артиллерии в России. При этом арсеналы сохранили собственные научно подготовленные кадры.

Значимую роль в просвещении работников арсеналов России сыграло функционирование офицерских собраний. Рассматриваемая форма просвещения способствовала взаимному обогащению опыта техников-артиллеристов (арсенальцев России). Деятельность офицерских собраний была на стыке просвещения и социальной работы. К функции просвещения относили деятельность собраний по организации военных библиотек, дискуссионных клубов и т. д.

В конце XVIII в. в России создавали объединения офицеров, которые существовали в форме собраний и клубов. К середине XIX в. указанные объединения распространили повсеместно. Деятельностью офицерских собраний были охвачены территории в том числе «Варшавского, Виленского, Финляндского и Петербургского военных округов» [13, с. 51].

Важным направлением развития просвещения на арсеналах было чтение ведущих периодических изданий. В более привилегированном положении был С.-Петербургский арсенал, так как другие арсеналы помимо расходов на покрытие стоимости изданий несли затраты на почтовые расходы. Так, из сообщения руководителя Брянского арсенала в Брянскую почтовую контору следовало, что на будущий 1818 г. предприятие заказало Московские и Сенатские ведомости. Помимо этого были заказаны «Высочайшие Уставы: 1) о банкротях с собранными к оному за 15 лет для руководства к решению долговых дел указами, заключающими 89 пунктов один экземпляр в переплете, 2) Устав к учреждению о питейных 1809 г. на казенном содержании сборах, один экземпляр в переплете, 3) Устав Государственной коллегии погашения долгов один экземпляр в переплете, 4) Устав государственного банка один экземпляр в переплете» [З. Л. 499 об.].

Просветительной деятельностью были охвачены не только офицеры, но и нижние чины арсеналов России. В рамках системной работы по поддержанию высокого морально-нравственного развития в армии и на арсеналах военное руководство обращало «внимание на часы досуга нижних чинов, (особенно в праздники), отвлекая от бесцельного шатания» [12, с. 52]. Таким образом, руководство артиллерийского ведомства не только разрабатывало и проводило в жизнь меры, призванные формировать необходимые просветительские взгляды, но и препятствовало формированию негативных установок.

Огромное значение в деле развития артиллерии в России имела деятельность специализированных научно-технических организаций. Первая подобная организация была создана еще в начале XIX в. Этой организацией был артиллерийский ученый комитет, со-

зданный графом А.А. Аракчеевым в 1804 г. Первоначально деятельность комитета сосредоточили на разработке и внедрении изобретений и «оценке поступающих предложений» [4, с. 36].

В ведение артиллерийского комитета помимо собственно экспертизы новых разработок материальной части артиллерии вошло издание официального органа всей артиллерии России – «Артиллерийского журнала», комплектование профильной библиотеки, а также контроль над «артиллерийским образованием» [7, с. 94].

Артиллерийский журнал выпускали в 1808–1811 г., но в связи со сложностями, начавшимися в период наполеоновских войн, издание долгие годы не выходило. Возобновили публикацию Артиллерийского журнала только в 1839 г. В журнале размещали материалы, не только непосредственно относящиеся к артиллерии, но и сведения общенаучного характера.

Развивая просвещение в сообществе артиллеристов, следуя велению времени, ГАУ активно сотрудничало с разнообразными гражданскими государственными и негосударственными (частными) организациями. В целях развития образования, науки, техники и промышленности в России в 1866 г. было основано Императорское Русское техническое общество (ИРТО). Отделения ИРТО существовали по всей стране. В 1870 г. ИРТО впервые приняло участие в работе промышленной выставки. Приставку «Императорское» общество получило 22 апреля 1874 г., когда император принял над ним шефство.

В ГАУ понимали важность сотрудничества с ИРТО и всемерно поддерживали деятельность этой организации. В делопроизводственных документах ГАУ встречаются соответствующие сведения. Так, 13 января 1907 г. ИРТО просило ГАУ: «не отказать в зависящем распоряжении об отпуске ему на 1907 г. тринадцати тысяч двадцати рублей (13.020 руб.), назначенных по Высочайшему повелению на содержание школ ИРТО, учрежденных при технических заведениях артиллерийского ведомства» [1. Л. 1]. Система оплаты расходов ИРТО была отработана, талон к ассигновке на получение вышеозначенной суммы выдали на имя артельщика общества Павла Степановича Лысенкова.

В результате сотрудничества с ИРТО артиллерийское ведомство получало возможность отчасти восполнить недостаток технически грамотных специалистов для арсеналов России.

В XIX в. в России связь между наукой и промышленностью была чрезвычайно слабой, знания русских ученых незначительно использовались в производстве, исключением в этом отношении как раз и являлась деятельность ИРТО. Для разрешения различных практических вопросов только при I отделе ИРТО за период с 1867 по

1917 г. действовало свыше 30 комиссий, в состав которых входили виднейшие представители научно-технической мысли.

Помимо деятельности различных организаций, в деле просвещения работников арсеналов важная роль принадлежит и отдельным артиллеристам новаторам. Так, с 1891 по 1893 г. Брянский арсенал возглавлял талантливый техник-артиллерист Михаил Иванович Коробков. С 80-х гг. XIX в. сварочное пудлинговое железо как материал стало вытесняться литым металлом и сталью, а М.И. Коробков занимался научными исследованиями в этой области. В 1890 г. вышла его статья «О наилучшем и простейшем способе измерения тягучести и гибкости металлов». На эту работу обратили внимание за границей, и проба «по Коробкову» стала достоянием испытательных станций. Продолжением этой работы стала статья «о тягучести металлов», в ней Коробков отдал большое предпочтение в оценке механических качеств металла на разрыв величине сжатия бруска, сравнительно с его удлинением. Деятельность Коробкова заметили, и в 1893 г. его назначили начальником С.-Петербургского арсенала [8].

Помимо Коробкова в дело просвещения работников арсеналов России внесли значительный вклад целый ряд выдающихся офицеров артиллеристов: Н.Г. Высочанский, С.Н. Ванков, Л.А. Борович и др.

Как известно артиллерия – это «бог войны». Превосходство в артиллерии на поле сражения предопределяет исход битвы. При важности истории артиллерии долгое время историки обходили вниманием проблемы военнослужащих, создающих артиллерию России, в частности вопросы просвещения арсенальцев.

Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод, что в России оформилась достаточно целостная система форм и методов просветительского воздействия на арсенальцев. Были созданы музейные коллекции артиллерийского вооружения, организовывались международные и внутригосударственные выставки с секциями, посвященными артиллерии, созданы офицерские собрания и т. д.

В результате просветительским воздействием был охвачен как руководящий состав арсеналов, так и рядовые сотрудники. Все эти меры позволили деятельно применять полученные знания в производстве артиллерии и в конечном счете предопределяли силу отечественной артиллерии.

Список литературы

1. Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 6. 1840–1918 гг. Оп. ½. Д. 411.
2. Боевые реликвии. Путеводитель по залам Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. – М., 1983.
3. Государственный архив Брянской области. Ф. 221. Оп. 3. Д. 2.

4. Игошин К.Г. «Испрашиваемая им награда ... признаётся весьма несо-размерною» // Воен.-ист. журн. – 2012. – № 11. – С. 36–38.
5. Корепанова С. А. Выставочная деятельность в России в XIX в. (про-мышленные и научно-промышленные выставки): автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005.
6. Летопись Петропавловской крепости. – СПб., 2010. – Т. 2.
7. О занятиях Артиллерийского комитета и инструкция о проведении экза-менов при производстве в артиллерийские офицеры // Артиллерийский журн. – 1808. – № 6. – С. 90–98.
8. Родзевич В.М. Историческое описание С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования (1712–1912). – СПб., 1914.
9. Славянов Н. Г. Труды и изобретения. – Пермь, 1988.
10. Соколов А. С. Санкт-Петербург – Ленинград на Всемирных выставках в Америке (1876–1939 годы) // История Петербурга. – 2003. – № 6 (16). – С. 78–86.
11. Соколов А. С. Санкт-Петербург на Лондонских Всемирных выставках 1851 и 1862 г. // История Петербурга. – 2011. – № 1 (59). – С. 84–92.
12. Тарасов М.Я. «Офицерские собрания ... сплотили общество офицеров, укрепили корпоративный их дух» // Воен.-ист. журн. – 2004. – № 3. – С. 51–52.
13. Столетие военного министерства 1802–1902. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства: ист. оч. / под ред. Д.А. Ска-лона. – СПб., 1902.

**Выставочная деятельность художников и ее роль
в формировании профессионального художественного
искусства Урала в 1960–1980-е гг.**

В статье исследуется выставочная деятельность художников, направленная на развитие советского профессионального изобразительного искусства. Выявлено жанровое многообразие и основное содержание творчества художников. Определена роль средств массовой информации в пропаганде творчества уральских живописцев и распространяемых ими эстетических ценностях.

The paper investigates the exhibition activities of artists, aimed at the development of the Soviet professional fine art. Revealed variety of genres and the main content of the work of artists. The role of the media in promoting the creation of the Ural painters and distributed their aesthetic values.

Ключевые слова: выставочная деятельность художников; изобразительное искусство; художественная культура; региональные отделения Союза художников РСФСР; художники; музеи изобразительных искусств; Урал.

Key words: Exhibition of the artist; fine art; artistic culture; regional branch of the Union of Artists of the RSFSR; artists; Museum of Fine Arts; Ural.

Профессиональное художественное искусство активно влияло на формирование культурного пространства, обеспечивающего доступ к культурным ценностям и призванного удовлетворять художественные, познавательные, ценностно-ориентировочные, коммуникативные, общественные потребности. Творческий рост профессионалов был невозможен без постоянного взаимодействия, контакта, обмена творческими проектами, чему в значительно степени способствовала выставочная деятельность художников.

Художники Урала в исследуемый хронологический период вели активную выставочную деятельность. Работая во всех видах и жанрах изобразительного искусства, живописцы Урала обрели свой творческий имидж, не растеряв индивидуальности и личностных мировоззрений. Именно последнее обстоятельство уберегло творчество художников от однообразия в условиях господства «социалистического реализма», в жестких идеологических рамках, когда изобразительному искусству отводилась роль проводника идеологии КПСС [15, с. 177; 16, с. 56]. Главным содержанием художественных произведений в изучаемый хронологический период было

героическое прошлое и повседневная жизнь индустриального края, образы современников и красота окружающего мира.

Широкое признание со стороны зрителей получили художники изучаемого региона, которые экспонировали свои произведения на областных, зональных, республиканских и всесоюзных выставках. Зональные тематические выставки «Урал социалистический» проходили: в Свердловске (1964), Перми (1967), в Челябинске (1969), Уфе (1974), Тюмени (1980). Ведущей темой для художников Урала была проблема человека труда [18. Л. 88].

Первая зональная выставка «Урал социалистический» была открыта в Свердловске 2 ноября 1964 г. Она объединила коллективы художников Свердловской, Пермской, Челябинской, Тюменской, Курганской, Оренбургской областей и Башкирской АССР. Свердловск представили 150 художников. Были показаны традиционные виды искусства, а также произведения прикладного, главным образом камнерезного и ювелирного искусства, эскизы декоративно-монументальных работ и целый раздел «Художественное конструирование». В рамках указанного мероприятия были продемонстрированы произведения исторического жанра В. Беляева «Маяковский на Урале», Г. Гаева «Декреты Родины», В. Лизунова «В.И. Ленин в разливе». Представлены тематические полотна О. Бернгарда «На Северном Урале», А. Бурлака «Урал... Урал...», Е. Гудина «Хлеборобы», «На Северных границах», Р. Задорина «На безымянной высоте», А. Заусаева «Ходоки с Урала», В. Золотавина «Шахтеры-проходчики». Заслуженный деятель искусств РСФСР И. Симонова представила полотна «Мои герои», «Реки потекут вспять». На выставке были продемонстрированы портретные скульптуры В. Друзина, В. Егорова, А. Ключева, М. Крамского, В. Криницкой, Т. Онуфриевой, П. Сажина, скульптурная группа «Восстание уральских углежогов» Л. Турской. Были показаны работы графиков А. Казанцева, С.С. Киприна, В. Новиченко, Г. Перебатова, П. Усачева. Заслуженный художник РСФСР Б. Семенов представил серию акварелей «Свердловск современный», Д. Ионин показал два произведения – «Качканар», «Город строится», Е. Гилева продемонстрировала уральские пейзажи, выполненные в технике акварели. Книжная графика была представлена В. Васильевым, В. Воловичем, Г. Перебатовым, Л. Полстоваловой [6. Л. 5].

Из числа членов Челябинской организации Союза художников РСФСР на зональной выставке «Урал социалистический» участвовало 40 чел., на республиканской «Советская Россия» – 7 чел., на Всесоюзной выставке 1970 г. свое искусство продемонстрировали 7 художников организации [9. Л. 20]. 18 июня 1985 г. в работе зональной выставки «Урал социалистический» приняло участие 730 художников, показавших две тысячи работ [18. Л. 88].

За 1969–1970 гг. Пермской организацией Союза художников РСФСР в Перми и Пермской области было проведено 14 персональных и групповых выставок [5. Л. 2]. В 1968–1970 гг. большая группа башкирских художников участвовала в работе выставок «Советская Россия» и «Урал социалистический». Прошли персональные выставки в Москве Б. Домашникова, А. Лутфуллина, А. Бурзянцева, Б. Фузеева [19. Л. 68].

Оренбургской организацией Союза художников в 1971 г. было организовано 9 выставок. Стали традиционными весенние и осенние выставки художников, проводимые ежегодно. Активизировалась работа по пропаганде искусства на селе. Совместно с музеем изобразительного искусства была организована передвижная выставка, которая работала в Оренбурге и Саракташском районе. В селе Шарлык была проведена выставка художника А. И. Лященко, которую посетило 350 чел. Эта же выставка была показана в воинской части в Донгузе [1. Л. 24].

В 1970 г. Пермская областная художественная галерея совместно с Пермской организацией Союза художников РСФСР организовали большую выставку агитационных плакатов Пермской агитмастерской. В рамках данного мероприятия прошли встречи зрителей с пермскими художниками П. Обориным, И. Роскиковым, Д. Зайдман, Е. Камшиловой [4. Л. 6].

28 февраля 1977 г. Пермским облисполкомом было принято решение № 42 «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства в области в свете решений XXV съезда КПСС» [4. Л. 3]. Ежегодно в регионе стали проводиться выставки произведений искусства. В 1977 г. было открыто 43 выставки вместо 26 запланированных, из них 20 – стационарных и 23 – передвижных. За 1977 г. в области было организовано 11 передвижных выставок подлинных произведений пермских художников, которые работали на предприятиях, в кинотеатрах, в городах Перми и Чайковский, в селе Ильинском Октябрьского района. Стало традицией проведение встреч посетителей с художниками на выставках, а перед закрытием активно практиковалось обсуждение просмотренных произведений [4. Л. 5].

Для участия во Всесоюзной выставке, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, в БАССР были отобраны работы 14 авторов, 6 из которых являлись представителями Союза художников. Это А.Ф. Литфуллин, Р.М. Нурмухаметов, Б.Ф. Домашников, А.В. Пантелеев, Э.М. Сайтов. На выставке 16 автономных республик, проходившей в Москве, Башкирию представляли 65 авторов, продемонстрировавших около 200 своих произведений [19. Л. 3–4]. Бригада художников в составе А. Кузнецова, Р. Нурмухаметова, Ф. Кашеева трудилась в Ишимбаевском районе, где организовали

галерею портретов-передовиков производства, выполняли оформительские работы [19. Л. 18].

Скульптор Б. Фузеев являлся автором галереи выразительных образов людей труда («Шофер Байназаров», «Слесарь Хусаинов», «Наиля», «Башкирка»). На выставках, посвященных 50-летию образования БАССР, появились новые скульптурные портреты Б. Фузеева, серия тематических скульптур А. Шутова, скульптуры Л. Кузнецова, Е. Цибульского, Б. Замараева. Активно работали мастера книжной иллюстрации В. Дианов, С. Ковалев, В. Рудаков, А. Королевский, В. Воронин. Общей чертой башкирского искусства являлось многообразие видов и жанров, богатство и глубина идейного содержания, основанные на серьезном овладении принципами социалистического реализма, высокий уровень мастерства, заметный рост национальных кадров во всех ведущих видах искусства [19. Л. 79–80].

В 1977 и 1978 г. Министерством культуры БАССР, Союзом Художников и Художественным музеем им. М.В. Нестерова были организованы круглогодичные передвижные художественные выставки произведений башкирских художников. В 1977 г. выставки были показаны в 14 городах и селах, а в 1978 г. – в 16 районных центрах и селах Башкирии. В рамках данного мероприятия были укомплектованы три выставки произведений ведущих художников: «Моя Башкирия» (26 произведений с преобладанием пейзажного жанра), «Родной край» (34 произведения с преобладанием портретного жанра), «Образ Башкирии в творчестве графиков» (24 графических произведения). Всего в передвижных выставках за два года было показано более ста работ 60 авторов. Выставки проходили в домах культуры, кинотеатрах, в светлых, просторных залах, рекламировались в газетах, по телевидению, центральному радио. Все выставки были снабжены аннотациями и методическими разработками. В исследуемых мероприятиях было представлено творчество художников Р. Нурмухаметова, А. Литфуллина, Б. Домашникова, А.А. Бурзянцева, А. Пантелеева, А. Ситдикова, В. Позднова, Ф. Кашцева, Б. Палеха, а также молодых авторов В. Рудченко, М. Кольева, С. Краснова, А. Королевского [20. Л. 1–2].

В ноябре 1977 г. в Челябинской области была открыта художественная выставка «60 лет по ленинскому пути». Ежегодно во всех городах и районах изучаемой области проводились встречи и отчеты в форме персональных выставок членов Союза художников СССР, дней литературы и искусства [12. Л. 3].

В 1979–1980 гг. художники Удмуртии создали более 170 произведений и приняли участие во Всероссийских выставках «Мы строим БАМ», «Спорт в изобразительном искусстве», в зональной выставке «Большая Волга», «Анималисты России», «Спорт – посол

мира», «Памятники Отечества в произведениях советских художников» и др. В Ижевске и других городах и районах республики было проведено 26 республиканских, групповых и персональных выставок [22. Л. 37].

В Челябинске был создан и постоянно действовал художественный совет по монументально-декоративному оформлению города [13. Л. 30]. В декабре 1977 г. в Челябинской области был открыт филиал картинной галереи «Художественные промыслы Южного Урала» [12. Л. 2]. Важным событием в жизни челябинских художников в 1980 г. стало открытие в канун юбилея областной художественной выставки, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина во вновь построенном выставочном зале [14. Л. 27].

Оренбургские живописцы, скульпторы, графики были постоянными участниками выставки «Урал социалистический», республиканских, всесоюзных и зарубежных выставок. С картинами оренбургских художников познакомились жители Чехословакии, ГДР, Японии, Франции, Монголии, Италии, Кубы и др. стран. В числе экспонентов выступали не только такие мастера, как Н.П. Ерышев, который являлся участником более 30 зарубежных выставок, но и молодые художники – Ю.А. Рысухин, Р.Я. Асаев, С.К. Бочкарев, чьи произведения побывали в 1982 г. во Франции, Японии, Болгарии [8, с. 505].

22 апреля 1982 г. Союзом художников Удмуртии была организована выставка произведений удмуртских художников – лауреатов государственных премий. Выставка открылась в цехе № 21 производственного объединения «Ижсталь», а затем в главном сборочном корпусе автозавода. В мае 1982 г. в Ижевске открылась третья республиканская молодежная выставка, на которой экспонировалось 112 работ 38 авторов [23, с. 73].

В декабре 1982 г. в Ижевске была открыта республиканская выставка, посвященная 60-летию образования СССР, в рамках которой экспонировалось 180 работ 70 авторов. 28 мая 1983 г. в Увинской народной картинной галерее работала ежегодная традиционная художественная выставка республиканского уровня. 20 июня 1983 г. Союз художников Удмуртии организовал в Ижевске отчетную выставку, посвященную 425-летию добровольного присоединения Удмуртии к России. Со 2 января по 17 февраля 1984 г. Союзом художников УАССР были организованы выставки-продажи с передачей средств в советский Фонд мира [23, с. 7].

В 1983 г. Свердловское отделение Союза художников РСФСР провело выставку работ художников, посвященную 50-летию Уралмаша. Почти 500 произведений живописи, графики и скульптуры о жизни уралмашевцев было создано за прошедшие до указанного

мероприятия пятьдесят лет. Среди них особо следует отметить галерею портретов, выставки жанровых картин, индустриальных пейзажей улиц Уралмаша. Художники создали более тысячи произведений по заданиям предприятий истроек о людях труда Уралмаша. За 1983 г. было проведено 20 выставок, а 43 художника приняли участие во всесоюзных, республиканских, международных выставках [17. Л. 106]. В марте 1983 г. в Москве, в музее декоративно-прикладного и народного искусства РСФСР была открыта выставка каслинского художественного литья [10. Л. 23]. Все вышеперечисленные меры были призваны способствовать расширению объемов выставочной деятельности художников и решению проблемы эстетического воспитания населения изучаемого региона.

30–31 мая 1984 г. выставочный комитет зональной художественной выставки «Большая Волга» впервые работал в Ижевске, что стимулировало подготовку к шестой зональной выставке в Чебоксарах и позволило поставить вопрос о проведении следующей выставки в Ижевске. 5 марта 1985 г. семь художников Удмуртии показали 15 работ на Всероссийской выставке «Мир отстояли – мир сохраним!», посвященной 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. 25 апреля 1985 г. 68 художников из Удмуртии показали 231 работу на шестой зональной выставке «Большая Волга» в Чебоксарах. В декабре 1985 г. 17 художников из Удмуртии продемонстрировали более тридцати работ на седьмой выставке «Советская Россия» в Москве [23, с. 75].

На зональной выставке «Урал социалистический» в Свердловске большой общественный резонанс получили произведения челябинских художников Л.Н. Головницкого, Э.Э. Головницкой, В.А. Авакяна, А.Н. Ладнова, Л.Я. Кудрявцевой, Н.И. Гаруса. Успешно выступили мастера златоустовской гравюры. В Свердловске содержательно и интересно прошли «Дни Челябинской организации Союза художников РСФСР», встречи с тружениками Верхне-Исетского района [11. Л. 97–98].

За 1985 г. Свердловским отделением Союза художников РСФСР было открыто 27 выставок, из них три – персональные (Д.М. Ионина, Н.В. Костина, В.Д. Сыскова). 15 февраля 1985 г. была организована выставка «Урал – опорный край державы», в которой приняли участие художники всех поколений. Работы, посвященные теме Великой Отечественной войны, были созданы художниками Г. Мосиным, Г. Метелевым, В. Бушуевым, Л. Сгибневым, скульпторами А. Антоновым, О. Мудровой, Т. Матузиной. Параллельно была открыта республиканская выставка в Москве «Мир отстояли – мир сохраним». В работе выставки приняло участие 277 художников Свердловского отделения Союза художников, которые показали

566 произведений. Следует отметить, что 44 художника являлись ветеранами войны и труда [18. Л. 87–88].

Выставочная деятельность художников привлекла внимание искусствоведов и средств массовой информации. К примеру, журнал «Искусство» писал о художниках Башкирии: «сильные живописцы» Урала стали в ряд с ведущими художественными центрами Москвы и Ленинграда [19. Л. 1]. Ежемесячно по пермскому телевидению показывалась часовая передача «Художники», в рамках которой искусствоведы и художники вели рассказы о выставках, художниках, проблемах изобразительного искусства [4. Л. 6]. На выставке, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и 50-летию образования БАССР, было представлено 500 произведений ста авторов из Башкирии. Телевидение, пресса, семь всесоюзных журналов проанализировали представленные на выставке произведения. Среди них центральные газеты «Правда», «Известия», «Труд», «Советская культура», «Литературная Россия», «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград» опубликовали обширный материал о художниках БАССР [19. Л. 1].

Союз художников БАССР ежегодно проводил недели изобразительного искусства, во время которых проходили встречи зрителей с художниками, организовывались выставки на предприятиях, учебных заведениях, практиковались выступления в печати, по радио, телевидению [19. Л. 19].

В средствах массовой информации Оренбургской области (на радио и телевидении) были организованы встречи со скульптором Н.Г. Петинной, смонтированы передачи «Обзор областной выставки оренбургских художников», «Встречи с героями триптиха Н. Ерышева», «Династия рабочих Батуриных», «Высокое искусство японской гравюры», «Земля и человек» (о творчестве оренбургских художников, побывавших в целинных районах) [2. Л. 8]. Силами искусствоведов выставочного зала в Челябинской области организовывались и проводились теле- и радиопередачи по различным проблемам изобразительного искусства, велась пропаганда средствами печати. В 1988 г. введена в действие картинная галерея в Магнитогорске. Большое число выставок из состава произведений оренбургских художников проводил Оренбургский музей изобразительных искусств [7, с. 136].

В феврале 1977 г. в Челябинской области была проведена научно-теоретическая конференция художников, учащихся художественных училищ, искусствоведов «Образ человека в изобразительном искусстве». На конференции с докладом выступила кандидат искусствоведения из Москвы И.И. Купцова. В мае 1977 г. состоялся областной семинар творческой молодежи на Ильменской

турбазе, на которой работала секция молодых художников. В течение 1976–1977 гг. было направлено 22 художника, в том числе 12 молодых на специализированные творческие дачи [12. Л. 3]. Ежегодно художники Пермской области выезжали на творческие дачи. Только в 1977 г. там побывало 17 художников Пермской организации Союза художников РСФСР [3. Л. 7].

В 1986 г. в Свердловске была проведена областная выставка молодых художников, в которой участвовало 90 чел. Было продемонстрировано около 180 произведений живописи, графики и прикладного искусства. Вместе с тем было подготовлено две телепередачи о творчестве молодых художников «Вперед молодые» (1976 г.) и «Поиск пути» (1980 г.). В местной печати неоднократно выходили публикации, посвященные творчеству отдельных художников [6. Л. 2–3].

Выставки, организуемые Союзом художников РСФСР, оказались исключительно востребованными в российской провинции и весьма эффективными с точки зрения организационной формы. Такие мероприятия давали художникам Урала редкую возможность совместно выставлять свои произведения в региональных, столичных, зарубежных выставочных залах. Рейтинг многих выставок был необычайно высок. Вместе с тем итоговые выставки создавали панорамную картину развития изобразительного, народного и декоративно-прикладного искусства Урала, позволяли включить в искусствоведческий оборот новые имена и новые произведения художников всех видов искусства, представленного на Урале.

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 781.
2. ГАОО. Р-2568. Оп. 1. Д. 852.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 1154.
4. ГАПК. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 2415.
5. ГАПК. Ф. Р-1130. Оп. 1. Д. 228.
6. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2022. Оп. 1. Д. 136.
7. Заельская С.А. Культурное пространство Южного Урала в условиях системных реформ (1985–2000 гг.). – Оренбург, 2011.
8. Заельская С.А. Развитие художественного искусства Оренбургской области в 1970–1980-е годы // Шестые Большаковские чт. Культура Оренбургского края: история и современность. – Оренбург, 2013. – С. 502–509.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 167. Д. 154.
10. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 197. Д. 289.
11. ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 2. Д. 171.
12. ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 1482.
13. ОГАЧО. Ф. Р-1605. Оп. 1. Д. 187.
14. ОГАЧО. Ф. П-2610. Оп. 1. Д. 27.

15. Троякова Ю.К. Партийно-государственная политика по развитию профессионального изобразительного искусства в Хакасии в 1965–1980-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 9 (23): в 2 ч. – Ч. 2. – С. 176–180.

16. Троякова Ю.К. Художники Хакасии в 1965–1970-е гг.: исторический опыт формирования и деятельности // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. – 2012. – № 1. – С. 53–57.

17. Центр документации общественных объединений Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 106. Д. 435.

18. ЦДООСО. Ф. 2308. Оп. 1. Д. 49.

19. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф. 10293. Оп. 1. Д. 124.

20. ЦГАООРБ. Ф. 10293. Оп. 1. Д. 224.

21. ЦГАООРБ. Ф. 10293. Оп. 1. Д. 237.

22. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф. 16. Оп. 1. Д. 12969.

23. Шумилов Е.Ф. История искусства Удмуртии: справ. – Устинов, 1986.

СТРАНИЦЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(47)«1958»:378

А.С. Конохова

«Об укреплении связи высшей школы с жизнью» (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.)

В статье исследуется Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958), который внес существенные изменения в принципы обучения в советских вузах. Делается попытка выявить причины реформирования высшей школы, анализируются нормативные документы.

In 1958 «The Act of strengthening the connection between school and life and the further development of the public education system in the USSR» was adopted. It made modifications in the educative processing Soviet universities. The author attempts to identify the causes of reform of higher education. She analyzes the governing documents and brings some of results of the new Act.

Ключевые слова: высшее образование в СССР, интеллигенция, Н.С. Хрущев, «оттепель», инакомыслие, трудовое воспитание, реформы.

Key words: higher education in the USSR, intelligentsia, Khrushchev, “thaw period”, dissent, labour nurturing, reforms.

К середине 1950-х гг., по мнению руководства СССР, система народного образования страны нуждалась в преобразованиях. Эту идею Н.С. Хрущев выдвинул уже на XX съезде КПСС, проходившем с 14 по 25 февраля 1956 г. В резолюции съезда были намечены некоторые направления будущей реформы [4, с. 72–73], которая была осуществлена в 1958 г. под лозунгом «За тесную связь школы с жизнью».

Главные проблемы системы среднего и высшего образования нашли отражение в «Записке о системе народного образования СССР» Н.С. Хрущева [8, с. 850]. Недостаточно высокий уровень подготовки молодых специалистов Хрущев назвал одной из главных проблем: «Приедет в колхоз девушка или молодой человек, они ходят вокруг да около, а практически председателю колхоза, как лучше вести хозяйство, помочь не могут» [8, с. 849]. Кроме того, Н.С. Хрущев особо подчеркнул распространенную в тот период тенденцию, когда большинство выпускников общеобразовательных школ стремились получить высшее образование. По мнению перво-

го секретаря, виноваты в этом прежде всего родители, которые «пугают» детей перспективой стать рабочими. Хрущев сделал вывод о том, что человек, занимающийся физическим трудом, считается в обществе второсортным; абитуриент готов пойти в любое высшее учебное заведение, на любую специальность, чтобы только не остаться без высшего образования. Таким образом, множество выпускников вузов занимаются не своим делом. В «Записке» отмечалось, что отношение к высшему образованию как к самоцели приводит к понижению качества подготовки специалистов. Хрущев также считал отрицательным явлением тот факт, что в вузах в основном обучались дети служащих и интеллигенции, а рабочих и крестьян – всего 30–40%. Таким образом, в Советском Союзе интеллигенция «воспроизводила» сама себя и не имела постоянных связей с трудовым народом.

Перед властями стояла задача ограничить поток абитуриентов в высшие учебные заведения и направить отсеявшихся на работу, не связанную с интеллектуальным трудом. Кроме того, необходимо было добиться, чтобы молодые специалисты с высшим образованием шли непосредственно на производство, а не в конструкторские бюро и научно-исследовательские институты. Решить эти проблемы была призвана реформа системы народного образования 1958–1961 гг.

Главными направлениями реформы стали изменение социального состава студентов, а также максимальное увеличение срока студенческой производственной практики по специальности.

После всенародного обсуждения проект реформы был утвержден 24 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР и стал «Законом об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [3, с. 6–13]. Закон коренным образом изменил принципы общеобразовательной школы, но и в систему высшего образования были внесены существенные коррективы. Об обучении в вузах речь идет в ст. 27–42. Согласно Закону подготовка специалистов в вузах должна была проводиться «на основе соединения обучения с общественно полезным трудом» (ст. 28). Восстанавливались заводы-втузы, распространенные в 1930-х гг. (ст. 41 п. В).

Важным нововведением реформы стали привилегии, которые получили абитуриенты, имеющие стаж работы, а также стипендиаты предприятий и колхозов (студенты, которые направлялись в вуз предприятием для повышения своей квалификации). Такие претенденты фактически попадали в вуз без испытаний и конкурса. Эта мера изменила социальный состав студентов и привела к снижению уровня образования. Хотя многие школьники легко обходили эту меру: отработав для видимости два года, поступали в вуз и уволь-

нялись при первой возможности. Предприятия и колхозы в то же время вынуждены были едва ли не силой отправлять своих сотрудников учиться, чтобы выполнить нормы.

Большая часть статей закона касается производственной практики студентов (ст. 30–35). До реформы практика студентов тоже была обязательной частью обучения, но длилась она всего несколько месяцев.

По новым правилам, студенты вузов СССР в течение I–III курсов (в зависимости от специальности) должны были обучаться преимущественно на вечернем или заочном отделениях «без отрыва от производства», т. е. одновременно работая, желательно по получаемой специальности (ст. 30). Далее студент мог сам выбрать, переходить ему на дневное отделение или продолжать обучение в прежнем режиме (для старшекурсников-вечерников были предусмотрены отдельные льготы по ст. 41 п. Д).

При реализации реформы к различным специальностям старались найти свой подход. Так, у учащихся сельскохозяйственных вузов практика носила сезонный характер. Для гуманитарных факультетов невозможно было подобрать производственную практику по специальности, поэтому студенты два–три года должны были работать на любом производстве, чтобы поучаствовать в «созидательном труде» и «узнать общественно-политическую жизнь народа». На медицинские специальности предполагалось набирать только лиц со стажем работы в данной области не менее двух лет, поэтому на вечернем отделении они обучались всего год, а следующие пять лет находились на стационарном обучении. Что касалось особенно сложных областей науки, таких как математика, физика, теоретическая химия, механика и др., то студенты этих специальностей обучались первое время на дневном отделении и только через два–три года переходили на вечернюю/заочную формы. Это обуславливалось наличием на первых курсах у таких специальностей «цикла сложных теоретических дисциплин». Необходимо отметить, что для студентов, обучавшихся на стратегически важных направлениях, например на физических факультетах, предполагалась целая серия льгот: на «физфаки» университетов принимали чаще всего выпускников математических и общеобразовательных школ, а не «стажников» (абитуриенты, отработавшие на предприятиях не менее двух лет до поступления в вуз), так как уровень восприимчивости информации у выпускников школ гораздо выше [14, с. 3–8].

По мнению разработчиков реформы, данная система могла решить сразу несколько проблем. С одной стороны, более близкое знакомство студентов с производством должно было сделать будущих специалистов более уверенными после окончания вуза. К тому

же принятые меры облегчали попадание в высшие учебные заведения детей рабочих и крестьян. И, главное, теперь дорога в вузы была связана непосредственно с «общественно-полезным трудом», который, как считалось, имеет большие воспитательные функции. Принудительный труд в «хрущевское десятилетие» использовался в качестве воспитательной меры. Это доказывает, например, письмо первого секретаря ленинградского обкома Ф.Р. Козлова в ЦК КПСС, в котором он внес предложение перевести не менее 500 студентов ленинградских вузов, замеченных в демагогических высказываниях и «охаивании» советской действительности, на вечернюю форму обучения «без отрыва от производства» [17. Д. 39. Л. 8].

Принятые меры должны были отсеять «халявщиков». Хрущев писал: «Дать им (школьникам – К.А.) максимально возможное образование и потом, пропустив их через производство, через год–два, когда человек определит свое положение в обществе и определит свои склонности и желания, он может специализироваться в какой-то области и пойти в соответствующее учебное заведение, но сначала его нужно *испытать* на вечерних занятиях без отрыва от производства» [9, с. 816].

Данные принципы реформирования системы высшего образования соответствовали общим направлениям политики Хрущева. Во-первых, первый секретарь стал активным проводником связи интеллигенции «с жизнью». Длительное пребывание студентов на предприятиях должно было помочь им воспитать в себе коммунистическое отношение к труду.

Во-вторых, Н.С. Хрущев как руководитель сложился в 1920-е гг., поэтому у него наблюдается тенденция своеобразного возвращения к некоторым «досталинским» формам управления. Например, было снова введено территориальное управление промышленностью и строительством (взамен отраслевому), созданы, как в 1917 г., Советы народного хозяйства и т.д. После Октябрьского переворота высшая школа России подверглась коренным преобразованиям. Одним из выдвигаемых лозунгов 1920-х гг. стал «За тесную связь учебы с производством» [6, с. 11], а в вузы на какой-то момент получили доступ только два «передовых» класса (рабочие и крестьяне). В изучаемый период наблюдаются схожие тенденции. В конце 1950-х гг. были снова возвращены в вузы, стали образовываться рабфаки при вузах, а доля рабочих и крестьян среди студентов достигла 70 %.

Возможно, на реформу повлияли события 1956 г., когда во время вооруженного подавления волнений в Венгрии советские студенты проявили себя сравнительно активно, выступая за право независимого государства самостоятельно определять свою судьбу [5]. Это вызвало страх Хрущева, что подтверждается как воспоминаниями его собственного сына [15], так и «закручиванием гаек», ко-

торое началось уже в декабре 1956 г. [10, с. 208–214]. Принимая в вузы преимущественно людей из «трудовых» слоев населения, а также стипендиатов предприятий и колхозов, Хрущев мог попытаться воспитать «новую интеллигенцию», заимствуя опыт 1920-х гг.

Реализация реформы началась сразу после принятия вышеназванного закона. Не только первокурсники, поступившие в вузы в 1959 г., переводились на новую систему обучения, но и для старшекурсников в срочном порядке организовали «более тесную связь с жизнью»: их отправили на длительную практику на штатные инженерно-технические должности [13, с. 7–8].

Отношение студентов к реформе, по всей видимости, было нейтральным. Массового всплеска недовольства не наблюдалось. В период до реформы 1958 г. студенты-практиканты в основном жаловались на то, что им предоставляют слишком мало свободы, не поручают ответственных дел, боятся их инициативы и самостоятельности [12, с. 139]. Изменения 1958 г. как раз эту проблему устранили, но зато появилось много других.

Теперь недовольство студентов было вызвано в основном бытовыми условиями. Так как учащиеся вузов с 1959 г. проводили на предприятиях очень много времени и использовались в качестве полноценных рабочих, условия работы стали играть важную роль. Прежде всего, вставал вопрос о зарплате. Согласно регламенту за первые четыре месяца первокурсники должны освоить одну или несколько специальностей. Предприятие в этот период выплачивало им по 300 р. в месяц (до денежной реформы). Вуз при этом никак не участвовал в материальном обеспечении своих студентов. Спустя четыре месяца практикант получал разряд и начинал полноценную работу. Его зарплата теперь зависела только от его выработки. В среднем студенты на предприятиях Ленинграда получали от 600 до 1000 р. [18. Д. 4. Л. 4]. Однако руководителям предприятий было выгодно затягивать присвоение разряда практикантам более, чем на четыре месяца, и использовать студентов в качестве дешевой рабочей силы. Поэтому известно много случаев, когда зарплата учащихся в течение долгого времени составляла 300 р. [18. Д. 17. Л. 24]. Кроме того, в 1959 г. вышло директивное указание Управления труда и заработной платы ЛСНХ, «согласно которому многие предприятия исключили студентов из списочного состава, сняли с табельного учета и перестали выплачивать разницу между ученической оплатой и фактически выполненной работой». Это способствовало снижению трудовой дисциплины и появлению критических высказываний [18. Д. 4. Л. 14]. Для стабилизации ситуации были проведены разъяснительные беседы в вузах [19. Д. 42. Л. 57].

Также руководители предприятий часто использовали студентов на подсобных работах, не обучая их никакой специальности.

«Студенты инженерно-экономического факультета Лесотехнической академии работают на подноске бревен (Мебельный комбинат)» [19. Д. 42. Л. 57]. Таких примеров очень много: практиканты вынуждены были рисовать глаза пупсикам, снимать заусенцы с заготовок целлулоидных игрушек, заниматься окраской бот, подклейкой каблучков, подносом продукции к конвейеру [18. Д. 17. Л. 9; 19. Л. 76] и т. д. Статьи на эту тему неоднократно появлялись в официальном печатном органе Министерства высшего образования «Вестнике высшей школы» [2, с. 3–7]. Кроме того, некоторые предприятия распределили студентов в самые тяжелые цеха, из которых квалифицированные рабочие уходили очень быстро [19. Д. 42. Л. 109].

Многие студенты жаловались на плохие бытовые условия. Например, учащиеся Технологического института работали в горячем цеху с плохой вентиляцией. В результате сквозняков студенты ходили постоянно простуженные. Практикантов Мебельного комбината не снабдили клеенчатыми фартуками, что привело к тому, что целый день они работали в мокрой одежде и т. д. [18. Д. 4. Л. 7]. Нередки были случаи и травматизма среди практикантов, в частности и по вине предприятий [18. Д. 17. Л. 22].

Все вышеперечисленные нарушения были связаны с тем, что предприятиям было невыгодно принимать студентов. Г.М. Цветков, директор Московского электролампового завода, так обосновал свою позицию: «Организация производственной работы студентов на заводе требует от его администрации больших дополнительных усилий – надо изыскать резервы оборудования, материалов. Нельзя забывать, что поначалу студенты дают много брака. Таким образом и время, и труд, и материалы тратятся, в сущности, непроизводительно» [20, с. 17]. Были, конечно, примеры, когда труд студентов был эффективен [18. Д. 4. Л. 5].

По правилам старшекурсники соответствующей специальности (47 тыс. чел. по РСФСР на 1962 г.) должны были проходить практику на должностях штатных инженеров. Естественно, любой директор предприятия был заинтересован в постоянном работнике, а не в практиканте на 10 месяцев. В таком случае надо было либо изобретать дополнительные рабочие места (и отчислять им полноценную заработную плату), либо отдавать практикантам вакантные места.

Были примеры студенческих протестов, которые носили несколько иной характер. Так, студент Политехнического института К. критиковал закон об укреплении связи школы с жизнью, доказывая, что студентов-физиков нельзя приравнивать к студентам других специальностей в вопросах совмещения работы и учебы [18. Д. 4. Л. 13]. Также не раз появлялись отказы от практики из-за того, что студенты не желали заниматься физическим трудом [18. Д. 17.

Л. 21; 12, с. 140]. Причиной таких настроений партийные и комсомольские органы называли слабую воспитательную работу.

Реформа не принесла ожидаемых результатов и поэтому стала постепенно сворачиваться. В 1964 г. появилось постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О сроках подготовки и улучшении использования специалистов с высшим и средним специальным образованием» [1, с. 3–8]. Было признано, что длительная производственная практика имеет огромное воспитательное значение, но ведет к падению теоретического уровня выпускников. Студенты, еще не знакомые с теорией, тратят слишком много времени на освоение элементарных операций. Постановление вводило кратковременную практику для студентов после второго или четвертого семестра и длительную преддипломную практику. Во многом это было возвращением к системе, которая существовала до 1958 г.

Все реформы Н.С. Хрущева в сфере высшего образования были ликвидированы к 1976 г. [7. Л. 1157]. Система, выстроенная в конце 50 – начале 60-х гг., оказалась крайне неэффективной. Прежде всего, успеваемость «стажников» была гораздо ниже успеваемости выпускников общеобразовательных школ. Особенно это касалось производственных стипендиатов, которые не проходили практически никакого отбора при зачислении в вузы¹. Согласно справке Ленинградского горкома ВЛКСМ для таких студентов «изыскивают... более эффективные формы контроля за выполнением домашних заданий, составляют индивидуальные графики самостоятельной работы, организуют дополнительные занятия по математике, физике, начертательной геометрии, иностранным языкам, прикрепляют к ним отлично-успевающих студентов» [16. Д. 28. Л. 3].

Таким образом, чтобы подтянуть «стажников» к уровню школьников, приходилось прилагать огромные усилия. Если из поступивших в 1953/54 уч. г. окончили вуз 79,7 %, то из поступивших в 1959/60 уч. г. – только 59 %. Приведенные ниже цифры были получены в результате исследований, проходивших в 1964–1965 гг. среди студентов и молодых специалистов. Они убедительно показывают, что дневная форма обучения с отрывом от производ-

¹ 18 сентября 1956 г. было принято постановление Совета Министров СССР «Об участии промышленных предприятий, совхозов и колхозов в комплектовании вузов и техникумов и в подготовке специалистов для своих предприятий». Лица, направленные в вузы промышленными предприятиями, совхозами и колхозами, назывались «производственными стипендиатами». При зачислении такие абитуриенты пользовались большими льготами. Стипендии у них были выше на 15 % и выплачивались предприятием, которое направляло стипендиатов. Управление ЛСНХ составляло планы, сколько человек каждое предприятие может направить на обучение в вузы и техникумы. Эти планы никогда не выполнялись (направляли гораздо меньше).

ства намного эффективнее, чем заочная и вечерняя. Отсев студентов после проведения реформы 1958 г. вырос в два раза, количество второкурсников – в 2,4 раза, а число студентов, поменявших вуз или специальность, в 1,7 раз. Успеваемость студентов дневных отделений оказалась выше, так как учащиеся без отрыва от производства имеют в 4 р. меньше свободного времени. Кроме того, они вынуждены использовать для учебы выходные дни, что отрицательно влияет на их здоровье. Исследование также показало, что выпускник, обучавшийся на дневном отделении, продвигается быстрее по службе [11, с. 16–18].

Таким образом, идея перевода студентов на обучение, совмещенное с одновременной полноценной работой по специальности, потерпела неудачу. Классическая система высшего образования оказалась более эффективной для подготовки высококвалифицированных специалистов.

Изменение социального состава учащихся также не привело к желаемым результатам. В частности, уровень инакомыслия среди студенчества продолжал оставаться высоким по сравнению с другими слоями населения. Значительное снижение проявлений «нездоровых настроений» студентами в конце 1950-х гг. произошло, по всей видимости, благодаря репрессиям 1958–1959 гг. [5]. Несмотря на это, на протяжении 1960-х гг. студенчество продолжало оставаться почвой, подпитывающей диссидентское движение различных направлений.

Список литературы

1. Богомолов А.И. Новые сроки обучения // Вестн. высш. шк. – 1964. – № 12. – С. 3–8.
2. Делу перестройки – неослабимое внимание // Вестн. высш. шк. – 1959. – № 11. – С. 3–7.
3. Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР // Вестн. высш. шк. – 1959. – № 1. – С. 6–13.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. / ред. Б.В. Нарышкин. – М., 1983–1986. – Т. 9. 1956–1960. – М., 1986.
5. Конохова А.С. Студенческий политический протест в Ленинградском государственном университете в 1950–1960-х гг. // КЛИО. – 2013. – № 10. – С. 117–120.
6. О работе высшей школы: постановление ЦК РКП(б) // Вестн. высш. шк. 1961. № 10. С. 11.
7. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: стенограммы, постановления: в 3 т. / гл. ред. А.А. Фурсенко. – М., 2004–2008. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний: стеногр. – М., 2004.
8. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: стенограммы, постановления: в 3 т. / гл. ред. А.А. Фурсенко. – М., 2004–2008. Т. 2. Постановления, 1954–1958. – М., 2006.

9. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: стенограммы, постановления: в 3 т. / гл. ред. А.А. Фурсенко. – М., 2004–2008. Т. 3. Постановления, 1959–1964. – М., 2008.
10. Реабилитация: как это было, февраль 1956 – начало 80-х гг. / под ред. А.Н. Яковлева. – М., 2003.
11. Самойлова И.Д. Какая форма подготовки специалистов эффективнее? // Вестн. высш. шк. – 1965. – № 9. – С. 16–18.
12. Силина Л.В. Настроения советского студенчества. 1945–1965. – М., 2004.
13. Столетов В.Н. Высшая школа РСФСР на подъеме // Вестн. высш. шк. – 1960. – № 11. – С. 7–8.
14. Укреплять связь высшей школы с жизнью: совещание работников высшей школы // Вестн. высш. шк. – 1958. – № 10. – С. 3–8.
15. Хрущев С.Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. – М., 2000.
16. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.) Ф. К-881. Оп. 15.
17. ЦГАИПД СПб. Ф. К-598. Оп. 16.
18. ЦГАИПД СПб. Ф. К-598. Оп. 25.
19. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 113.
20. Что говорят об этом производственники и студенты // Вестн. высш. шк. – 1960. – № 8. – С. 17–18.

Е.Д. Твердюкова

**Советские рекламные технологии периода
позднего социализма (1965–1990)***

В статье на основе архивных документов и материалов периодической печати освещаются вопросы развития советской торговой рекламы в период позднего социализма (1965–1990 гг.). Автор показывает, что именно тогда были освоены многие механизмы рекламной деятельности, с успехом и почти без изменений применяющиеся и в наши дни, хотя реклама тогда выполняла большей частью воспитательно-эстетические и информационные функции. В 1965–1970 гг. в рекламной деятельности активно использовались западные технологии: телевизионные игровые шоу, рекламные рубрики в периодической печати, разработка психологических схем рекламных кампаний на основе изучения мотивов поведения различных категорий потребителей. Но разгром «Союзторгрекмы» со стороны Комитета партийного контроля отбросил назад развитие рекламных технологий в СССР. Отказавшись от элемента развлекательности, рекламисты были вынуждены сосредоточиться на рациональности потребления и воспитании эстетических вкусов покупателей. Советская реклама демонстрировала то, что отвечало советским стандартам высокого уровня жизни, воспитывала привычку к хорошему. Ее приемы не имели негативного контекста: не будили подсознательного страха, не формировали комплекса неполноценности, не противоречили нормам морали, апеллируя, скорее к эмоциям потребителя, стимулируя его к самовыражению.

In the article on the basis of archive documents and materials of periodicals questions of the development of Soviet commercial advertisement in the period of late socialism (1965-1990s.) are illuminated. The author shows that many mechanisms of advertising activity were mastered in this time, which adapted also during our days with success and almost without the changes, although the soviet advertisement carried educational-aesthetical and information function. In 1965-1970s in the advertising activity the western technologies actively were used: the television recreation areas of show, advertising headings in the periodicals, the development of the psychological diagrams of advertising campaigns on the basis of the study of the motives of the behavior of different categories of users. But the crushing defeat of "Soyuztorgreklmy" from the side of the committee of party control rejected back the development of advertising technologies to the USSR. After foregoing the element of entertainment of the public, advertising men were forced to be concentrated during the rationality of consumption and training of the aesthetical tastes of buyers. Soviet advertisement demonstrated the Soviet standards of high standard of living, it brought up habit to good. Its methods did not have the negative context: they did not wake subconscious fear, they did not form of inferiority complex, they did not contradict the standards of morals, appealing, it is faster to the emotions of user, stimulating him to self expression.

© Твердюкова Е.Д., 2015

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект «Государственная политика в сфере прав потребителей в СССР» № 14-01-00125.

Ключевые слова: СССР, реклама, торговля, потребитель.

Key words: USSR, advertisement, trade, the user.

Когда говорят о торговой рекламе, в первую очередь подразумевают ее влияние на товарооборот и масштабы продаж. В связи с этим в научной литературе господствует стереотип, согласно которому реклама является действенным механизмом лишь для рыночной экономики и не была востребована в СССР¹. Однако существует и другое мнение. Как полагает И.Я. Рожков, в период так называемого «застоя» в СССР имел место своеобразный «рекламный бум», в котором следует искать корни современной российской рекламы [17, с. 171]. Эта точка зрения представляется более обоснованной. Период позднего социализма представляет интерес для исследователей по экономической и социальной истории, поскольку именно тогда были освоены многие механизмы рекламной деятельности, с успехом и почти без изменений применяющиеся и в наши дни.

В октябре 1965 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР «Об улучшении торговли и общественного питания в стране» были организованы Всесоюзное объединение «Союзторгреклама»², а также Междуведомственный совет по рекламе, в который входили представители министерств торговли, промышленности, Центросоюза, Гостелерадио и ряда др. ведомств.

В их задачи входило методическое руководство рекламным делом и художественно-оформительскими работами в торговле, производством рекламного инвентаря и оборудования. В 1966 г. в подчинении «Союзторгрекламы» находилось 11 художественно-производственных комбинатов: два – в Москве, остальные – в Ленинграде и столицах союзных республик (Риге, Кишиневе, Тбилиси, Ереване, Фрунзе, Алма-Ате, Минске и Ашхабаде) [19. Д. 557. Л. 79]. В их составе выделялись подразделения печатной, газетно-

¹ Так, например, В.В. Смирнов, говоря о радиорекламе, отмечает, что небольшие выпуски рекламных объявлений на советском радио «были так же далеки от настоящей радиорекламы, как и сам рынок с его конкуренцией и ориентацией на удовлетворение разных запросов населения от планового хозяйства» [22]. Между тем, в СССР были распространены все виды рекламы: наружная (на улицах городов), печатная (объявления в прессе, проспекты, брошюры и пр.), кино- и телерадиореклама, а также реклама внутримagaзинная (витрины, указатели, немая справка).

² В 1948 г. Всесоюзная контора Союзторгреклама выполняла заказы на изготовление афиш, плакатов, товарных муляжей и была ликвидирована в 1954 г. и после череды реорганизаций торгового ведомства и упразднения в 1965 г. Государственного комитета по торговле восстановлена в рамках Министерства торговли СССР.

журнальной, радио- и телевизионной рекламы. Создан был также специальный комбинат «Телепрессторгреклама».

В первый год деятельности усилия работников «Союзторгрекламы» были направлены на изучение конъюнктуры рынка страны, разработан перечень товаров, требовавших рекламы. Для оповещения о товарных новинках в центральной прессе открывались рубрики: «Для советского человека» («Правда»), «Для нас с вами» («Известия»), «Вкусно» («Неделя»), «Знакомьтесь, новинка» («Экономическая газета»). Стоимость выпущенной предприятиями объединения продукции составила 2 064 тыс. р., в том числе инвентаря и оборудования – на 391 тыс., печатной продукции – на 996,4 тыс., световой рекламы – на 546,4 тыс., кино-теле-радиорекламы – 3 тыс. р. [19. Д. 145. Л. 25].

При поддержке руководства «Союзторгрекламы» в 1969 г. совместно с Центральным телевидением было подготовлено пять передач «Аукцион». Так, в декабре 1969 г. зрителям в игровой форме – форме викторины – предлагалась реклама даров моря. В качестве призов разыгрывались, например, холодильник «Север-6», заполненный лангустами, газовая плита с внушительным пакетом креветок, акваланг, туристская палатка. Для получения приза нужно было ответить, какой рыбой угощал Хлестакова Земляника, какое морское животное помогает от облысения, какова скорость краба, где установлен памятник касатке и др., очевидно, доступные эрудированному, привыкшему читать и разгадывать кроссворды советскому зрителю вопросы. В студию было подано 240 банок консервированного кальмара (в двух из которых были запечатаны гарнитуры украшений из янтаря), 32,5 кг креветок, 27 кг трепангов, 24 кг воблы. В викторине, призванной рекламировать бытовую технику, в качестве призов предлагались телевизоры «Горизонт» и «Лотос», комплекты для телезрителя (кресло, халат, туфли и 10 кг орехов), в викторине товаров для туризма – путевки на отдых (стоимостью 80–130 р.), лодки, палатки. Аукционы сопровождались театрализованными представлениями с участием кордебалета [6. Д. 2919. Л. 2]. В августе 1969 г. при активной поддержке директора «Союзторгрекламы» Р.В. Синицына был открыт рекламный театр «Диво».

Рекламные кампании стали разрабатываться на основе специально проработанных психологических схем, в которых разбирались установки и предполагаемые мотивы поведения различных категорий потребителей. Поскольку разница в доходах в СССР не имела такого важного значения, как в капиталистических странах, классификация потребителей происходила на основе их ценностных установок и потребительского поведения. Было установлено, в частности, что среди покупателей пищевых продуктов преобладают семейные женщины, которых, как выяснилось в ходе многочислен-

ных опросов, оказалось легче склонить к покупке, убедив, что блюда из рекламируемых продуктов быстро и легко готовить.

В 1968 г. в рамках одной из научных тем сотрудниками Украинского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли (ВНИИКС) изучалась психология покупателей. В ходе наблюдения в торговых залах, интервью и путем анкетного опроса выяснялась мотивация женщин при покупке легкого платья. Так, 61,3 % посетительниц руководствовались при этом потребностью пополнить гардероб, 25,6 % – желанием следовать моде, 11,3 % – необходимостью одеться по случаю какой-либо торжественной даты, 1,8 % – стремлением подражать другим [18. Д. 88. Л. 13]. Исследователями был сделан вывод, что даже приобретение тривиального предмета женского гардероба представляет собой сложный волевой акт, подверженный влиянию многих факторов, одни из которых служат стимулами (выставки-продажи, советы знакомых, журналы мод и пр.), другие (шумная обстановка, сутолока) вызывают раздражительность, недоверчивость и могут оттолкнуть от покупки. Как выяснилось, выбирая магазин, женщины советовались со знакомыми (14,5 %), обращали внимание на оформление витрин (9,7 %), а также следили за рекламой в газетах, на радио или телевидении (4,4 %). Но главным фактором при этом служила привычка – 39,9 % покупательниц чаще всего совершали покупки там, где привыкли [18. Д. 88. Л. 20]. На основании материалов исследования были сформулированы рекомендации к торговле, в том числе предлагавшие активнее использовать дополнительные средства-стимулы продажи (выставки-продажи, свободный доступ к товарам, показ широкого ассортимента на витринах и манекенах, внутримagaзинную рекламу).

Для ознакомления с теорией и практикой рекламного дела в зарубежных странах в 1968 г. в СССР был издан Международный кодекс рекламной практики – свод правил, которых добровольно обязывались придерживаться субъекты рынка. А в 1970 г. на страницах журнала «Реклама» размещались отрывки из «Исповеди рекламиста» – классического труда Д. Огилви по технологии продаж.

Но широко воплотить в практику новые идеи руководству объединения не удалось. В 1970 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел вопрос «об излишествах и злоупотреблениях» в расходовании государственных средств во Всесоюзном объединении «Союзторгреклама». Прежде всего нарекания инспекторов вызвало то, что темы проведенных в 1969 г. передач «Аукцион» не отвечали конъюнктуре рынка, поскольку многие из рекламируемых товаров поставлялись в торговую сеть в недостаточном количестве (креветок и кальмаров – в среднем по 2,5 т в день, трепангов –

только 44 кг, а лангустов и мидий вообще не поступало). При этом на рекламу грузинского чая, телевизоров, даров моря, книг и товаров для туризма было потрачено около 80 тыс. р. [6. Д. 2919. Л. 2]. Столь же нерациональной сочли проверяющие расходование средств на содержание рекламного театра «Диво»: он просуществовал недолго и был закрыт в ходе проверки Комитета партконтроля. По ее итогам Р.В. Сеницын был объявлен строгий выговор и от должности он был освобожден. Выговор получил также первый заместитель министра торговли СССР С.А. Трифонов.

В отчете «Союзторгрекламы» за 1970 г. отмечался рост производства по сравнению с предыдущим годом на 24,6 % (до 3 488 тыс. р.). За 1970 г. на 11 подчиненных объединению комбинатах было изготовлено 517 тыс. каталогов, 1257 тыс. проспектов-буклетов, 503 тыс. плакатов, 814 тыс. обложек-меню, 9765 тыс. открыток-листовок и др. рекламной продукции. В периодической печати было опубликовано 4 110 объявлений на сумму 1 036 тыс. р., снято 22 кинофильма и 34 телефильма, проведено 304 телепередачи, дано в эфир свыше 1 200 радиообъявлений, изготовлено 386 радиofilmов [19. Д. 920. Л. 89]. Но пришлось признать, что объединение не стало координирующим центром рекламного дела.

По окончании проверки по указанию Минторга СССР в целях экономии госсредств было прекращено производство телефильмов на всех комбинатах, кроме «Телепрессторгрекламы». В результате за 10 месяцев 1971 г. было снято всего 35 телефильмов и 6 телеочерков [19. Д. 920. Л. 16].

По данным И.Я. Рожкова, 30 с рекламы на канале американского телевидения в 1973 г. в среднем стоили 40 тыс. долл., в 1983 г. – уже 100 тыс. Всего же в 1985 г. США затратили на рекламу 98 млрд долларов, примерно треть расходов на вооружение [16, с. 21]. Товаров на советском телеэкране было немного. С 1972 г. на Центральном телевидении был выработан твердый график выхода в эфир передачи «Телевизионный дом рекламы». Анонсы об этом имелись в центральных, областных и районных газетах, а также специальном издании «Программа радио и телевидения». Как отмечал новый руководитель «Союзторгрекламы» Н. Баранский, «по характеру это не тематическая передача, не тележурнал, а скорее отдаленный прообраз программы... первые шаги рекламного ревью: и стихотворный текст, и скетч, и интрига» [1, с. 12, 20].

В середине 1970-х гг. в СССР минута дикторского текста в телевизионной передаче стоила около 15 р. (что на 30 % превышало расценки для радио). Текст нередко редактировался на телестудии, телевидение не гарантировало торговым организациям ни время, ни день передачи, что влекло за собой потери в ходе рекламных акций [3, с. 19–20]. Сценарий выбирал редактор, затем его рассматривал

художественно-редакционный совет, затем он согласовывался еще в восьми инстанциях. Очевидно, мало что оставалось от первоначального варианта. Кроме того, показ рекламных роликов по Центральному телевидению тормозился из-за требования со стороны Гостелерадио СССР официального подтверждения, что рекламируемый товар имеется в продаже во всех населенных пунктах Советского Союза (во избежание писем и звонков с претензиями в редакцию). И в итоге диктор озвучивал в эфире адресованный садоводам «шедевр» рекламного творчества: «Метальдегид, динарий фосфат, изофен, тиазон, минурон: прекрасные средства против листогрызущих» [20, с. 23].

При этом воспитание потребительских вкусов признавалось важной государственной задачей. Так, известный советский экономист Е.М. Каневский полагал, что «дурной вкус – не просто маленькая, безвредная для окружающих, простительная слабость. В нем коренится социальное зло» [8, с. 9]. Чем шире был потребительский выбор, тем большей культуры он требовал. Но в своеобразном воспитании вкусов нуждались и сами рекламодатели. По статистике в 1972 г. ежедневно в республиканских и областных газетах страны публиковалось в среднем по 4–5 иллюстрированных рекламных объявлений [23, с. 19]. Но многие из них почти не отличались друг от друга, представляя собой набор штампов: предложение посетить определенный магазин или купить товары, ассортимент которых «с каждым годом расширяется, обновляется и улучшается». Встречались и безграмотные объявления, извещавшие, что лыжные крепления – «необходимая деталь экипировки» лыжника. И далеко не всегда можно было понять, почему «секрет молодости» – в пользовании электробритвой «Эра», а сохранить здоровье крепким, цвет лица приятным и свежим помогает «употребление плавленых сыров». Но, как и в наши дни, обывателям больше всего запоминались незамысловатые рифмованные строчки:

Бабушки ваши, зевая с тоски,
Штопали дедушкам вашим носки.
Будьте практичнее –
Носите носки эластичные [13, с. 18].

Торговля крайне нуждалась в журнале с материалами о теории и практике рекламного дела. Ежемесячный бюллетень «Новые товары», созданный по распоряжению Совета Министров СССР в 1956 г., являлся изданием узковедомственным – органом Всесоюзного постоянного павильона лучших образцов товаров народного потребления Минторга СССР. Он был рассчитан в первую очередь на профессиональных работников промышленности и торговли. На заседании Межведомственного совета по рекламе 11 июня 1968 г. было принято решение ходатайствовать перед ЦК КПСС о разре-

шении на выпуск специализированного журнала. В 1969 г. вышли в свет его первые номера. В 1972 г. к этим изданиям добавился еще «Коммерческий вестник» – информационный бюллетень Межведомственного совета по изучению спроса населения на товары народного потребления, дававший по большей части практические материалы, объявления о сложно-технических товарах, новинках, продукции со знаком качества.

Комитет партийного контроля обвинил руководство «Союзторгрекламы» в излишнем расходовании денег на издание рекламных журналов (на выпуск первых двух номеров «Рекламы» было затрачено более 7 тыс. р.) [6. Д. 2919. Л. 5]. Тиражи сокращались, подписка лимитировалась. Членам редакции бюллетеня «Новые товары» самим приходилось изыскивать средства для того чтобы сделать цветные диапозитивы, в поисках образцов для рекламирования посещать ассортиментные кабинеты, составлять гарантийные письма на предметы для съемки. «Люди, отправляющие нас в хождение по мукам, не хотят дать себе отчет в том, что реклама-то нужна не нам, не редакции, а им, для этого дела не только мобилизованным и призванным, но и получающим за это зарплату и прогрессивку», – сетовал заместитель главного редактора Б. Людсков [19. Д. 2515. Л. 62].

Можно утверждать, что деятельность проверяющих Комитета партийного контроля имела негативное значение, на несколько лет назад отбросив развитие рекламных технологий в СССР. Отказавшись от элемента развлекательности, рекламисты были вынуждены сосредоточиться на рациональности потребления. Подчеркивалось, что «социалистическая реклама – это система мероприятий, направленных на расширение объективной информации о свойствах промышленных изделий, товаров и услуг... Она не злоупотребляет доверием потребителей или недостатком их знаний» [22, с. 5]. Соответственно в ней не могло содержаться заведомо ложной информации и не должны были рекламироваться товары низкого качества.

Но иногда перед разработчиками рекламных кампаний возникала серьезная дилемма: как прорекламирровать изделие, не отличающееся высокими потребительскими свойствами. Например, одежда из ацетатного шелка, как правило, имела яркую, модную расцветку, была удобна в носке, отличалась низкой ценой. Но потребитель был прекрасно осведомлен и о недостатках таких изделий: ткань отличалась низкими гигиеническими свойствами (плохо впитывала влагу, слабо пропускала воздух), обладала высокой электризуемостью. В рекламных текстах предлагалось нивелировать негатив, акцентируя внимание на современной моде, с мягкими и свободными линиями платьев, которые способствовали хорошему воздухообмену, а заодно предложить антистатик.

Хотите изящною, стройною быть?
Хотите поднять настроенье свое?
Хотите искусственный шелк оценить?
Купите по вашему вкусу белье! [11, с. 21].

В таком рекламном тексте, адресованном женщинам, основное внимание уделялось не функциональности товара, а важна была эстетическая и эмоциональная составляющая.

Одной из самых масштабных была кампания по рекламе океанической рыбы. Опрос покупателей в 17 городах страны (около 80 тыс. чел.) показал, что половина из них не покупали морепродукты, потому что не знали их потребительских свойств. Были организованы встречи телезрителей со специалистами Института питания Академии наук, шеф-повара ресторанов рекомендовали рецепты приготовления рыбных блюд в домашних условиях, в кинотеатрах демонстрировались рекламные фильмы, в магазинах организовались выставки-продажи и дегустации. С 1971 по 1974 гг. в 60 газетах страны было опубликовано 360 рекламных объявлений. С 1971 по 1973 гг. выпущено 16 листовок тиражом 3 млн 360 тыс. экз., 2 буклета (255 тыс. экз.), 10 плакатов (33,5 тыс. экз.). В 156 городах показывались 9 рекламных кинофильмов. В одной только Москве было проведено 250 выставок-продаж с дегустацией рыбных блюд для покупателей, 7 дегустаций для работников торговли и общественного питания [15, с. 18–19].

В 1971–1979 гг. Всесоюзное объединение «Союзрыбпромсбыт» заказало 30 рекламных кинофильмов по рыбной тематике, в том числе: «Мясо антарктической креветки», «Мойва», «Минтай», «Паста "Океан"», «Мидии и устрицы», ежегодно 7–8 кинофильмов демонстрировались в кинотеатрах 70 городов [9, с. 20]. Но некоторые объявления в печати не только не привлекали, а напротив, отталкивали покупателей: «В пасте "Океан" содержатся: калий, кальций, магний, железо, фосфор, серебро, титан, ванадий, никель, а также витамины группы В и аминокислоты», – такое сообщение ни у кого не вызывало аппетита. Практически о каждом из выпускавшихся отечественной промышленностью продукте говорилось, что он вкусен и полезен. Авторы одной из методичек по составлению рекламных текстов приводили перечень «витаминных головоломок», в которых были пропущены названия товара:

«(...) – это сахар, белки, минеральные соли, витамины»;

«Ешьте (...) – и ваш организм получит необходимые белки, минеральные вещества и витамины»;

«Ценность (...) обусловлена значительным содержанием белков, углеводов, минеральных солей, необходимых микроэлементов и витаминов».

В одном случае рекламировался яблочный сок, в другом – хлеб, в третьем – рыбные консервы. Но справедливо отмечалось, что если названия «рекламируемых» продуктов поменять местами, даже специалисты не заметили бы подмены [9, с. 3].

В 1987 г. «Союзторгреклама» организовала 11 всесоюзных рекламных кампаний на сумму 4,5 млн р.: по товарам с маркой «Электроника» (часы, видеомагнитофоны, телевизоры, микрокалькуляторы), кино-фото и радиоаппаратуре, парфюмерно-косметическим товарам, изделиям из поделочного камня и коллекционных минералов, часам, стиральной машине «Вятка-автомат», минеральным удобрениям, сокам и пр. [19. Д. 4525. Л. 2]. Широкое распространение получило нанесение «рекламной нагрузки» на товары (майки, кепи, косынки) по заказам магазинов «Зенит», «Электроника». Особое внимание уделялось рекламно-пропагандистской кампании по бережному отношению к хлебу, в которой участвовали практически все республиканские агентства.

Республиканские агентства также проводили рекламные кампании на региональном уровне: парфюмерных товаров («Дзинтарс – это хороший вкус», Латвия), безалкогольных баров («Станет шире круг друзей», Белоруссия), плодоовощных консервов («Витамины – круглый год», Молдавия).

Продолжали в СССР изучать и зарубежный рекламный опыт. В мае 1981 г. на заседании Междуведомственного совета по рекламе, возможно, впервые на столь высоком уровне прозвучало слово «маркетинг» [19. Д. 3225. Л. 33]¹. Западный опыт анализа рынков был признан заслуживающим изучения. Как положительное явление отмечалось, что разработка комплекса мероприятий, связанных с освоением, производством товаров, организацией широкой службы гарантийного и послегарантийного ремонтов, сбытом продукции через всевозможные каналы торговли является одним из наиболее перспективных направлений современной торговли. Важным составным элементом этого направления, способствующего увеличению объемов реализации, выполняющего функции активного формирования и расширения потребительского спроса, признавалась реклама. Но принципы маркетинга внедрялись в советскую торговую практику и раньше. Еще в 1975 г. в журнале «Реклама» была размещена заметка «Где выложить товар?». В ней сообщалось, что лучше реализуется продукция, размещенная на полках по правую руку от покупателей, а также на уровне их глаз: при таком

¹ Этот документ позволяет уточнить распространенное в литературе мнение, что концепция маркетинга долго не признавалась в СССР и получила подобающее место в экономике лишь спустя несколько лет после постановления «О мерах по коренной перестройке внешнеэкономической рекламы» от 6 февраля 1988 г., в котором впервые было употреблено слово «маркетинг». См., например [14, с. 12].

расположении в день реализуется в среднем 100 штук условного товара, тогда как при расположении на нижних полках – не более 30 [4, с. 7]. В то же время рекламистам было отлично известно, что взгляд человека фиксируется обычно на середине магазинной витрины и в нижней ее части, а потому именно там рекомендовалось размещать товары, нуждающиеся в сбыте [2, с. 21].

В 1981 г. объединение организовало рекламу 251 наименования товаров, выпускаемых предприятиями 21 министерства. В 400 газетах, 87 журналах, 70 рекламных еженедельниках было опубликовано более 10 тыс. материалов, выпущено 30 кинофильмов, 34 телефильма, 74 телепередачи, 134 радиопильма, 420 радиообъявлений [19. Д. 2018. Л. 5].

В 1980-х гг. стала широко использоваться визуальная уличная реклама. Практически во всех республиках на площадях, центральных улицах, парках, спортсооружениях, на транспорте располагались рекламные щиты, брендмауэры, тумбы. Но, как справедливо отметил классик советской литературы С.В. Михалков, порой они были просто незаметны горожанам:

Многоэтажный дом настолько был высок,
Что трудно было обратить вниманье
На вежливый призыв любить «томатный сок»,
Поскольку он мерцал почти всегда в тумане.
Рекламные слова!.. Они нужны! Но только там и так,
Чтоб мы пред ними замедляли шаг, а не спешили равнодушно мимо! [10, с. 82].

Думается, что во многом эти слова можно отнести и к прочим видам печатной и наружной рекламы, преимущественно развивавшимся в СССР. Большой интерес у обывателей вызывали телевизионные ролики и рекламные радиоскетчи.

Советская реклама призвана была выполнять важнейшую функцию воспитания у потенциальных покупателей новых эстетических вкусов и потребительских ценностей. Она демонстрировала то, что отвечало советским стандартам высокого уровня жизни, воспитывала привычку к хорошему. Как полагает Л.Л. Геращенко, секрет успешности советской рекламы – «ниточка бессознательного» [5, с. 210], с помощью которой происходило управление мотивами потребителей – воздействие на тщеславие, приобщение к новым советским ценностям: комфорта, материального достатка. При этом манипулятивные приемы не носили негативного контекста: не будили подсознательного страха, не формировали комплекса неполноценности, не противоречили нормам морали, апеллируя скорее к эмоциям потребителя. С помощью привычных культурных образов проходила визуализация советской культуры потребления и легитимация власти. И, что удивительно, многие из этих образов актуальны даже сегодня, как, например, рекламный ролик игрушек минского

производственного объединения: мальчик тянет за веревочку вереницу игрушечных автомобилей: легковые, за ними – самосвалы, далее – БЕЛАЗы, последним в связке – сверкающий красками настоящий грузовик. Рекламный лозунг (или как сейчас сказали бы «слоган»): «Из мира детских игр – в мир взрослых увлечений», – сопровождаемый другим визуальным рядом, мог бы сделать честь современным копирайтерам.

Необходимо признать также, что хотя в 1979 г. в государственной и кооперативной торговле на душу населения было приобретено товаров более чем на 950 р., к началу 1980 г. неудовлетворенный спрос по всей товарной массе оценивался в 28–30 млрд р. [12, с. 42–43]. В этих условиях рекламирование носило большей частью воспитательно-эстетический и информационный характер.

Список литературы

1. Баранский Н. Без сегодня не бывает завтра // Реклама. – 1972. – № 1.
2. Володеева В.Н., Исакова Г.А. Основы психологии торговой рекламы. – Л., 1983.
3. Воронин В. Товары на телеэкране // Реклама. – 1975. – № 6.
4. Где выложить товар // Реклама. – 1975. – № 6.
5. Геращенко Л.Л. Мифология рекламы. – М., 2006.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9527. Оп. 1.
7. Иоффе М. Сезонная распродажа: аргументы и результативность // Реклама. – 1986. – № 4.
8. Каневский Е.М. Формирование вкусов потребителя. – М., 1981.
9. Методические рекомендации по проведению рекламной кампании (океаническая рыба и морепродукты). – М., 1977.
10. Михалков С.В. Слова на высоте // С.В. Михалков. Басни. – М., 1972.
11. Москаева Н. Программы-обоснования рекламных кампаний // Реклама. – 1980. – № 4.
12. Орлов А. Развитие и изучение внутреннего рынка // Сов. торговля. – 1980. – № 7.
13. Петрова И. Стихотворная реклама // Реклама. – 1978. – № 4.
14. Полукаров В.Л. Телерадиореклама: инновационные технологии. – М., 1998.
15. Реклама рыботорговцев // Реклама. – 1975. – № 1.
16. Рожков И. Я. Капиталистическая реклама сегодня // Реклама. – 1986. – № 5.
17. Рожков И.Я. Реклама советского периода: как это было // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 2.
18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 375. Оп. 2.
19. РГАЭ. Ф. 465. Оп. 1.
20. Скороходов В. На экране и за ним // Реклама. – 1986. – № 2.
21. Смирнов В.В. Реклама на радио. – М., 2003.
22. Усов В.В. Рекламная деятельность информационных органов. – М., 1979.
23. Шудин В. Обзор газетной рекламы в областной и республиканской прессе // Реклама. – 1972. – № 2.

Итоги реформы местного самоуправления 2003–2008 гг. в Воронежской области

В статье рассматриваются итоги реформы местного самоуправления 2003–2008 гг. на территории Воронежской области. Изложены результаты реформирования органов местного самоуправления в сфере управления финансами, организации муниципальной службы, правового обеспечения реформы, организации территориального общественного самоуправления и др. вопросы. Выявлены проблемы, не решенные реформой 2003–2008 гг.; исследуются структурные изменения системы органов местного самоуправления в Воронежской области в ходе реформы. Сделаны выводы о результатах проведенной реформы 2003–2008 гг. и даны предложения к реформированию местного самоуправления на новом этапе.

The paper discusses the results of the Local Government Reform 2003–2008 on the territory of the Voronezh region. The actual results of local government reform in the spheres of financial management, administration of municipal services, legal reform, the organization of territorial self-government and other issues have been covered. The paper focuses on the problems not resolved by the reform of 2003–2008; it investigates the structural changes of Voronezh region local government in the course of reform. The conclusions on the reform 2003–2008 output and proposals to local government restructuring at the new stage presented.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, муниципальные образования, реформа местного самоуправления, муниципалитеты, административно-территориальное устройство.

Key words: local government, municipalities, local government reform, municipalities, administrative and territorial structure.

Причиной, побудившей обратиться к теме исследования, является вновь возникшая необходимость реформирования местного самоуправления в Российской Федерации в 2014–2015 гг. Если такая необходимость возникла, следовательно проведенная реформа 2003 г. оказалась неэффективной. Так ли это? Поиск ответа на этот вопрос побудил провести межрегиональное исследование по комплексной оценке результатов реформы местного самоуправления 2003 г. в целом ряде регионов Российской Федерации. Участниками нашего исследования преимущественно стали регионы, находящиеся в европейской части России: Самарская, Пензенская, Волгоградская, Астраханская и Воронежская области и Республика Калмыкия. В данной статье анализируются данные по Воронежской области.

В имеющейся сегодня научной литературе, к сожалению, отсутствует комплексная оценка реформы местного самоуправления 2003–2008 гг. по Воронежской области. Чаще всего исследования затрагивают отдельные аспекты темы. Так, например, в статье Ю.В. Агибалова «Муниципальные образования Воронежской области» серьезное внимание уделено вопросу формирования местных бюджетов сельских муниципальных образований и некоторым аспектам межбюджетной политики в пореформенный период [1]. Представление о результатах реформ позволяют составить статистические сборники, подготовленные Министерством регионального развития Российской Федерации, в которых фиксируются результаты по основным наиболее важным областям реформы местного самоуправления.

Представляется актуальным изучение результатов реформы по ряду направлений: правовое регулирование местного самоуправления, изменение административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации, организация органов местного самоуправления муниципалитетами различных уровней, изучение качественного состава муниципальных служащих и выборных должностных лиц местного самоуправления, форма избрания должностных лиц местного самоуправления, организация муниципальной службы, заключение межмуниципальных соглашений, развитие территориального общественного самоуправления [7, с. 17].

Структура органов местного самоуправления Воронежской области начала 90-х гг. XX в. была определена сложившейся на тот период административной структурой до перестроечного периода. В 1995 г. в Воронежской области был принят Устав, разработанный на основе Конституции Российской Федерации и приспособленный к реалиям новой страны. Структура административно-территориального деления Воронежской области предусматривала наличие следующих административно-территориальных единиц областного уровня: города: Воронеж, Нововоронеж; города-районы: Борисоглебск; районы: Аннинский (административный центр – пгт Анна), Бобровский (админ. центр – г. Бобров), Богучарский (админ. центр – г. Богучар), Бутурлиновский (админ. центр – г. Бутурлиновка), Верхнемамонский (админ. центр – с. Верхний Мамон), Верхнехавский (админ. центр – с. Верхняя Хава), Воробьевский (админ. центр – с. Воробьевка), Грибановский (админ. центр – пгт Грибановский), Калачеевский (админ. центр – г. Калач), Каменский (админ. центр – пгт Каменка), Кантемировский (админ. центр – пгт Кантемировка), Каширский (админ. центр – с. Каширское), Лискинский (админ. центр – г. Лиски), Нижнедевицкий (админ. центр – с. Нижнедевицк), Новоусманский (админ. центр – с. Новая Усмань), Новохоперский (админ. центр – г. Новохоперск), Ольховатский (ад-

мин. центр – пгт Ольховатка), Острогожский (админи. центр – г. Острогожск), Павловский (админ. центр – г. Павловск), Панинский (админ. центр – р.п. Панино), Петропавловский (админ. центр – с. Петропавловка), Поворинский (админ. центр – г. Поворино), Подгоренский (админ. центр – пгт Подгоренский), Рамонский (админ. центр – пгт Рамонь), Репьевский (админ. центр – с. Репьевка), Россошанский (админ. центр – г. Россошь), Семилукский (админ. центр – г. Семилуки), Таловский (админ. центр – раб. пос. Таловая), Терновский (админ. центр – с. Терновка), Хохольский (админ. центр – пгт Хохольский), Эртильский (админ. центр – г. Эртиль) [8, с. 4].

В Воронежской области еще в декабре 1994 г. был принят закон «О местном самоуправлении в Воронежской области» [2, с. 4], по которому с 1995 г. в области устанавливалась двухуровневая система местного самоуправления. На тот период в области было образовано 520 муниципальных образований. Из них 32 – административных района, 12 – городов, 16 поселков городского типа, 460 сельских поселений. Важно, что все сельские поселения Воронежской области до 2003 г. не имели собственных бюджетов и работали по утверждаемым районными администрациями сметам. По этой причине уровень органов управления сельских поселений невозможно признать полноценным уровнем местного самоуправления.

Важнейшей задачей реформы местного самоуправления 2003 г. являлось формирование полноценной двухуровневой системы местного самоуправления в России. Реформа предусматривала: разграничение полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления различного уровня [9, с. 4]; разграничение собственности и доходных источников бюджетов разного уровня; формирование полноценных органов местного самоуправления в муниципалитетах всех уровней; формирование полноценного территориального общественного самоуправления; выстраивание межбюджетных отношений, способствующих развитию муниципалитетов; преодоление противоречий между муниципалитетами различного уровня, сложившихся при реализации Федерального закона № ФЗ–154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10, с. 8].

Воронежская область одна из первых решила реализовывать Федеральный закон № ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» на своей территории.

Важнейшим условием реализации новой реформы местного самоуправления являлось ее правовое обеспечение. В отличие от многих регионов страны законодатели Воронежской области решили не дублировать № ФЗ-131 принятием регионального закона. В обеспечение реформы местного самоуправления приняли 29 регио-

нальных законов, узконаправленного действия [6, с. 6]. Как правило, они были связаны с разграничением полномочий между различными уровнями власти. Законы были подготовлены достаточно качественно. Всего лишь один закон был оспорен в суде и в результате отменен [6, с. 12]. Хуже обстояло дело с качеством подготовки нормативно-правовых актов органами местного самоуправления. 178 таких актов были оспорены и в результате 158 отменены решением суда [6, с. 16]. Еще больше нормативно-правовых актов органов местного самоуправления – 1444 были опротестованы прокуратурой [6, с. 20]. В результате 1387 протестов органов прокуратуры были удовлетворены органами местного самоуправления [6, с. 20]. Все это свидетельствует о недостаточной подготовленности кадров в муниципалитетах Воронежской области.

Не только муниципальные представительные органы и местные администрации вносили нормативно-правовые акты. Временами и граждане пользовались своим правом на правотворческую инициативу. Всего за время реформы в Воронежской области четыре проекта региональных законов были внесены гражданами. Два из них были приняты региональным парламентом. 43 нормативно-правовых акта были внесены в органы местного самоуправления благодаря правотворческой инициативе граждан и все 43 были приняты [6, с. 26].

Для реализации реформы на территории Воронежской области 27 октября 2006 г. был принят закон «Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения». В результате реализации этого закона в области было создано 534 муниципальных образований. Из них: 3 городских округа, 31 муниципальный район, 29 городских поселений и 471 сельское поселение [4, с. 3]. В отличие от других регионов в Воронежской области этот результат был уже к 1 января 2007 г.

Средняя численность жителей в муниципальных образованиях различного типа не сильно выделяла Воронежскую область. В частности, в городских округах в среднем проживало 348 445 чел., в муниципальных районах 41 941 чел., в городских поселениях – 16 239 чел., в сельских поселениях 1 761 чел. Большая часть (64,6 %) жителей Воронежской области проживали в городах и городских поселениях, и конечно, самое большое количество граждан проживало в Воронеже [6, с. 48].

В 85,6 % муниципальных образований Воронежской области были созданы контрольно-ревизионные органы, сформированные представительными органами местного самоуправления. Ни в одном муниципалитете граждане не воспользовались правом формирования контрольных органов способом прямых выборов. Менее 1 % контрольных органов обладали правом юридического лица, ча-

ще всего они были встроены в работу представительного органа [6, с. 67].

Во всех 534 муниципальных образованиях Воронежской области были сформированы представительные органы в ходе прямых выборов. Ни один муниципальный район не ввел способ формирования представительных органов путем кооптации представителей муниципальных поселений [6, с. 73].

Уставами муниципальных образований Воронежской области предусматривалось избрание 6 109 депутатов представительных органов местного самоуправления. Наибольшее количество депутатов избиралось в муниципальных районах и сельских поселениях. В городских округах избиралось всего 93 депутата, в городских поселениях – 415, а в сельской местности – более 5,5 тыс. чел. [6, с. 73].

Большое значение имеет качественный состав депутатского корпуса. В Воронежской области из 6 106 депутатов 46,6 % имели высшее образование, причем 3,2 % – высшее юридическое, 12,8 % – высшее экономическое, менее 1 % – по специальности государственное и муниципальное управление, 83,1 % – обладали другим высшим образованием. 37,3 % депутатов имели среднее специальное образование и 16,1 % – просто среднее образование [6, с. 78], 2,1 % депутатов являлись студентами, 35,6 % – работниками бюджетной сферы, 5,8 % – предпринимателями, 24,6 % – работники коммерческих организаций, 25 % – иные социальные группы [6, с. 82].

Менее 1 % депутатов были моложе 25 лет, 9,6 % – от 25 до 35 лет, 51,8 % – от 36 до 50 лет, 36,3 % – от 50 до 65 лет, 2,7 % – старше 65 лет [6, с. 82].

Практически все депутаты (99,6 %) депутатов представительных органов муниципальных образований Воронежской области работали на непостоянной неоплачиваемой основе [6, с. 82].

В области не было зарегистрировано ни одного случая досрочного прекращения работы представительных органов местного самоуправления.

За время реформы в Воронежской области был сформирован корпус глав муниципальных образований. Способы избрания глав муниципальных образований не совпадали в разных муниципалитетах. Всего из 534 глав органов местного самоуправления 23,6 % избирались представительным органом местного самоуправления, а 76,4 % – на прямых выборах [6, с. 95]. Все главы, независимо от способов избрания, возглавляли местную администрацию. В 187 сельских муниципальных образованиях главы муниципалитетов одновременно возглавляли и представительный орган и местную администрацию, 56 из них были избраны на прямых выборах, а 131 – из состава депутатов представительного органа [6, с. 91].

С 2006 по 2008 г. в Воронежской области 38 глав муниципальных образований досрочно прекратили свои полномочия, из них 76,3 % случаев были связаны с отставкой по собственному желанию, 18,4 % – со смертью, один глава прекратил свои полномочия в связи с обвинительным приговором суда, и еще один – в связи с досрочным прекращением полномочий представительного органа местного самоуправления, депутатом которого он являлся [6, с. 100].

Во всех муниципалитетах Воронежской области были сформированы местные администрации. В 452 муниципалитетах администрацию возглавлял избранный глава муниципального образования, а в 82 – руководителя администрации нанимали по контракту. Досрочно прекратили свои полномочия шесть руководителей администрации, нанятых по контракту, все шестеро – в связи с расторжением контракта по соглашению сторон [6, с. 106].

Для работы в органах местного самоуправления в Воронежской области были наняты 4 685 муниципальных служащих, 1 327 чел. трудились в городских округах, 1 692 – в муниципальных районах, 222 – в городских поселениях и 1 444 – в сельских поселениях [6, с. 117].

К 2008 г. в области было сформировано 570 органов территориального общественного самоуправления, при этом 22 из них являлись юридическими лицами. Органами территориального общественного самоуправления было внесено 38 проектов нормативно-правовых актов органов местного самоуправления и все эти проекты были приняты муниципалитетами [6, с. 127].

Проведение реформы потребовало существенного перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления различного типа [3, с. 2]. Как федеральные законы, так и законы субъектов Российской Федерации, не создали оптимального набора полномочий для муниципалитетов, что вынудило муниципальные образования принимать дополнительные нормативно-правовые акты и межмуниципальные соглашения, 81 % Воронежских муниципальных образований поселенческого типа вынуждены были заключать межмуниципальные соглашения [6, с. 131].

Реализация реформы местного самоуправления 2003–2008 гг. на территории Воронежской области позволила в целом решить несколько важных задач: фактически были сформированы полноценные сельские муниципальные образования поселенческого типа, в которых были организованы необходимые муниципальные органы управления, избраны местные депутаты, наняты муниципальные служащие, сформированы бюджеты муниципальных образований [5, с. 2].

Важной особенностью Воронежской области является большое количество территориальных органов местного самоуправления, проявляющих значительную активность. Проведение реформы не решило несколько важнейших проблем, стоящих перед муниципалитетами. Это, прежде всего, создание баланса решаемых муниципальными образованиями вопросов местного значения и необходимой для их решения бюджетной обеспеченностью. Неслучайно по данным Контрольно-счетной палаты Воронежской области налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов в первом полугодии 2007 г. не обеспечили в полной мере финансовыми средствами муниципалитеты [11, с. 52].

Реализация реформы местного самоуправления выявила острую проблему нехватки квалифицированных кадров, необходимых для успешной правотворческой деятельности и управления муниципалитетами.

Проведение реформы сохранило дисбаланс в Воронежской области между уровнями влияния представительных и исполнительных органов власти муниципальных образований. Гипертрофированная роль исполнительных органов власти в ходе реформы сохранилась.

Не удалось отработать оптимальную структуру вопросов местного значения для каждого уровня муниципальной власти.

Вероятно, все эти нерешенные проблемы и являются причиной очередной реформы местного самоуправления 2014–2015 гг.

Для того что бы решить вышеуказанные проблемы, необходимо внести в Налоговый кодекс России поправки, позволяющие существенно увеличить доходы муниципалитетов. А на уровне региона принять специальную целевую программу, направленную на увеличение числа облагаемых местными налогами малых и средних предприятий.

Список литературы

1. Агибалов Ю.В. Муниципальные образования Воронежской области в условиях реформирования экономической основы местного самоуправления: современное состояние и проблемы // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – Вып. 9. – Т. 56.

2. Закон Воронежской области от 28.12.94 № 08-з «О местном самоуправлении в Воронежской области» // Коммуна. – 1994. – 28 дек.

3. Закон Воронежской области от 15 июня 2000 года «О территориальном общественном самоуправлении в Воронежской области» // Коммуна. – 2000. – 27 июня.

4. Закон Воронежской области от 27 октября 2006 г. № 87-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения» // Молодой коммунарь. – 2006. – 3 нояб.

5. Закон РФ от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1991. – 18 июля. – № 29.

6. Итоги переходного периода реализации Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: сб. информ.-аналит. материалов М-ва регион. развития Российской Федерации. – М., 2009.

7. Региональные особенности реализации муниципальной реформы в условиях переходного периода / Консорциум по вопросам приклад. экон. исслед. [Стародубровская И. (рук. Авт. Коллектива) и др.]. – М., 2007.

8. Устав (Основной Закон) Воронежской области № 23-з от 20.07.1995 г. // Коммуна. – 1995. – 17 авг.

9. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

10. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 авг. 1995 г. – № 35. – Ст. 3506.

11. Финансово-экономические проблемы реформирования местного самоуправления: сб. материалов науч.-эксперт. Совета при Председателе Совета Федерации ФС РФ. – М., 2006.

Проблемы посткризисного развития государств Северного Причерноморья в конце III – начале IV в.

В статье проводится сравнительный анализ состояния и развития государств Северного Причерноморья в посткризисный период в Римской империи. Доказывается, что деятельность Диоклетиана способствовала восстановлению античных центров региона. Однако на специфику развития северопричерноморских государств в рассматриваемое время оказывал ряд более существенных факторов, главным из которых было варварское влияние.

Article is devoted the comparative analysis of a condition and development of the states of Northern Black Sea Coast during the postcrisis period in the Roman empire. It is proved that activity of Diocletian promotes restoration of the antique centers of region. However on specificity of development of the states of Northern Black Sea Coast in the considered rendered a number of more essential factors the main thing from which was barbarous influence.

Ключевые слова: античность, доминат, Римская империя, Северное Причерноморье, Боспорское царство, Ольвия, Херсонес.

Key words: antiquity, dominate, Roman Empire, Black Sea Coast, Bosporan kingdom, Olbia, Chersonese.

Конец III – начало IV в. н.э. можно охарактеризовать как посткризисное время. Почти целое столетие до этого Римская империя находилась в очень тяжелом положении. Кризисные явления охватили все стороны жизни античного общества. Одной из главных причин этих событий, помимо прибытия все новых волн варварских народов, стало нарушение нормального функционирования системы Принципата [49, с. 175]. По мнению И.П. Сергеева, с созданием Диоклетианом новой государственной системы домината связано окончание кризиса III века [49, с. 168]. Установление новой власти способствовало восстановлению политической, военной и экономической стабильности после столетия хаоса [57, с. 67]. А.В. Коптев утверждает, что за указанный период произошла эволюция гражданской общины параллельно с изменением положения императора по отношению к обществу – *от princeps к dominus* [31, с. 190]. Иначе говоря, какой бы характер не носили явления III века, завершением

для них стало правление и реформы Диоклетиана и становление системы домината.

Однако, как мы уже отметили, кризис носил многосторонний характер и те последствия, к которым он привел, можно оценить, проследив изменения в жизни отдельных регионов римской империи. В настоящей работе будет осуществлен сравнительный анализ сложившегося после кризиса III в. положения в крупнейших античных центрах Северного Причерноморья. Одним из таких полисов была Ольвия. Город представлял собой важный центр торговли и имел тесные экономические связи с другими частями региона, в том числе и варварскими народами [13, с. 48]. Ольвия вошла в состав Римской империи незадолго до начавшегося кризиса, и нумизматический материал свидетельствует о том, что возникшие в государстве трудности поначалу сильно не затронули город [29, с. 264]. После первых вторжений варваров город достаточно быстро оправился. Однако, как отмечает В.В. Крапивина, уже с третьего десятилетия III в. процветание Ольвии и ее округа прекращается [33, с. 65].

Более мощный удар был нанесен Ольвии северопричерноморскими племенами в 269–270 гг. Город был фактически полностью разрушен. Нумизматический материал свидетельствует о восстановлении жизни на территории данного античного центра в период правления Диоклетиана [29, с. 264]. По вопросу о том, что собой представляла Ольвия в это время, в историографии сложились разные точки зрения. Б.В. Магомедов утверждает, что с конца III в. город превратился в своеобразный центр варварских племен [44, с. 20, 138]. Он отмечает, что сельское хозяйство и ремесло имеют все черты черняховской культуры, с представителями которой Ольвия сложилась в «единый экономический организм» [43, с. 47–49]. По мнению В.М. Зубаря и Н.А. Сона, город стал всего лишь одним из варварских поселков [20, с. 137–138; 24, с. 188–189]. Более убедительной и аргументированной представляется точка зрения исследователей, утверждающих, что Ольвия сохранила античный характер своей материальной культуры, что, подтверждают археологические данные и анализ архитектуры этого периода [34, с. 155–157; 41, с. 325, 329; 32, с. 77–94].

Таким образом, сама Ольвия не стала частью варварской лакуны Северо-Западного Причерноморья, и при Диоклетиане город получил некий импульс в восстановлении. Однако по данным, которые приводит П.О. Карышковский, количество обнаруженных монет, относящихся ко времени конца III – IV вв., не идет в сравнение с объемом аналогичных находок в других регионах [29, с. 265]. Общее сокращение нумизматического материала относится и ко всему столетию после кризиса. Это связано с тем, что в этот период город не ор-

ганизует собственной чеканки монет, что, в свою очередь, также является следствием общего упадка после разрухи в 269–270 гг. Это во многом также связано с переориентацией Ольвии в торговле, которая стала носить в большей степени посреднический и обменный характер [32, с. 83].

Большое значение обрели контакты с представителями черняховской культуры, сформировавшейся в регионе во второй половине III в. н. э. [44, с. 134; 41, с. 339–440]. Данные племена заняли фактически всю округу Ольвии, границы влияния которой теперь ограничивались несколькими километрами. В такой обстановке характер взаимоотношений с варварами имел первостепенное значение. Исследователи отмечают, что с последнего варварского разгрома Ольвия и занявшие ее округу представители черняховской культуры не восстанавливали оборонительные сооружения [32, с. 83, 92; 39, с. 156–162; 40, с. 77–97]. Иными словами, контакты носили преимущественно мирный характер, что неудивительно, так как и без того ослабленный город вряд ли мог противостоять силам многочисленных племен.

Подтверждением этому служат находки на некрополе Ольвии костяных гребней и фибул [47, с. 66, 67; 1, с. 64, 73]. Если говорить в целом об экономике, то при некотором сокращении масштабов по-прежнему ключевую роль играло сельское хозяйство и животноводство. При Диоклетиане восстанавливалась деятельность металлообрабатывающих предприятий. Также имеются следы деятельности стекольной и гончарной промышленности [32, с. 82]. Однако большая часть этих предприятий просуществовала до середины IV в.

Несколько десятилетий назад также была выдвинута версия о присутствии римского войска на территории Ольвии в период правления Диоклетиана [28, с. 168–179]. Основой для предположения послужила находка латинской надписи, упоминающей Зевса Ольвиополитанского. Подтверждение данного факта позволило бы выстроить предположение о значительном возрождении жизни в городе и сохранении его статуса как одного из ключевых центров Северного Причерноморья. Однако археологические изыскания до сегодняшнего дня не предоставляют свидетельств в пользу того, что римские солдаты действительно присутствовали на территории Ольвии [32, с. 80]. В связи с этим упомянутая версия все еще остается гипотезой.

Таким образом, Ольвия, разрушенная после набега варваров в 269–270 гг., при императоре Диоклетиане постепенно восстанавливалась. Стремительному развитию этого процесса препятствовали нанесенный городу огромный урон и потеря значительной части сельской округи. Мы не имеем точных сведений и археологических данных, которые позволили бы четко обозначить дату гибели Оль-

вии. Наиболее верным кажется предположение, что город не смог пережить гуннского нашествия, что и объясняет отсутствие средневекового слоя города [29, с. 265; 32, с. 91].

Другой античный центр Северного Причерноморья – Херсонес Таврический был больше всех связан с Римской империей. Географическое расположение и присутствие римских войск позволили городу пережить кризисные явления и варварские набеги III в. с меньшими потерями, чем это было в Ольвии. Однако к началу четвертого столетия в Херсонесе произошел ряд изменений. Говоря об экономике, следует обратить внимание на изменения структуры сельскохозяйственного производства ввиду увеличения удельного веса животноводства [50, с. 70; 53, с. 65]. К этому население Гераклейского полуострова вынудили постоянные угрозы нападения варваров, от набегов которых пострадал весь регион. Строительство башен и укреплений усадеб позволяло при необходимости увести скот под защиту в безопасное место [37, с. 15; 50, с. 70]. Вместе с тем увеличение доли животноводства и снижение объемов сельскохозяйственного производства привели к сокращению поставок хлеба, которого в Херсонесе недоставало и ранее [50, с. 66–72].

Из-за набегов варваров со второй половины III в. происходит также снижение объемов торговых операций Херсонеса с античными центрами Южного Причерноморья, что было обусловлено уже обозначенными объективными причинами. В посткризисное время после варварских набегов пострадали фактически все партнеры города, что не могло не сказаться на экспорте и импорте товаров [27, с. 59]. Однако поддержание связей с южно- и западно-понтийскими центрами [26, с. 149–150; 52, с. 94–100; 25, с. 127; 27, с. 60–73], с Боспорским царством [14, с. 16–17; 26, с. 150; 51, с. 225] и др. областями Римской империи позволили городу сохранить общий уровень своего развития. Нумизматический материал свидетельствует о прекращении собственной чеканки монет в Херсонесе, как это произошло в Ольвии. При этом количество находок посткризисного времени весомо выше, чем в предыдущие периоды [14, с. 56]. Использовались в основном привозные монеты, и увеличение их числа со всей очевидностью свидетельствует о формировании тенденции к некоторому росту товарно-денежного обращения с IV в. Во всяком случае о кризисе и натурализации хозяйства (как в Ольвии) говорить не приходится [3, с. 107]. Таким образом, сложившиеся трудности в меньшей степени оказали влияние на экономику самого Херсонеса. В.И. Кадеев и С.Б. Сорочан отмечают, что определенную роль в этом сыграли реформы Диоклетиана и Константина, создавшие импульс для развития торговли и нормализации цен [27, с. 60].

В политической истории Херсонеса в рассматриваемый нами период примечательны два наиболее важных факта: присутствие римского войска (гарнизона) и войны с Боспором. Ограниченный объем источников по обеим проблемам обуславливает разнообразие историографических мнений. Херсонес являлся довольно крупной и, по сути, главной базой имперского военного присутствия в регионе [22, с. 70]. С середины II в. по третью четверть III в. на его территории дислоцировался римский гарнизон. Этот факт стал неоспоримым после анализа археологического материала. Выявлено широкомасштабное строительство на территории цитадели римскими солдатами, однако, по утверждению В.М. Зубаря и И.А. Антоновой, это был не традиционный имперский военный лагерь, а один из городских районов, в который в период дислокации войска были внесены свои изменения [4, с. 69]. При этом в самом городе располагался ограниченный вооруженный контингент, а основные силы находились в окрестностях Херсонеса и на мысе Ай-Тодор [4, с. 31–69].

О судьбе римского гарнизона в Херсонесе со второй половины III в. мнения в историографии разделились. Частью ученых было высказано предположение, что имперский гарнизон дислоцировался в городе вплоть до IV в. включительно [42, с. 39–41; 55, с. 18; 5, с. 126; 15, с. 143]. Другие исследователи до проведения раскопок в 1995 г. утверждали, что римские отряды были выведены из Херсонеса еще в середине III в. [21, с. 126–128; 12, с. 78–80]. Результаты археологических исследований цитадели действительно показали, что в части, где располагались казарменные постройки, в четвертом столетии размещались обжигательные печи [23, с. 111]. Однако открытие новой латинской надписи в ходе раскопок, проводимых под руководством И.А. Антоновой, позволило выстроить предположения о присутствии римской вексилляции в Херсонесе и даже ее возможном участии в войнах с Боспором [23, с. 111–113]. К сожалению, имеющихся сведений по-прежнему недостаточно, чтобы делать однозначные выводы. Однако данные археологии вполне согласуются со сведениями, которые сообщает Константин Багрянородный. И хотя его сочинение подвергается определенной критике, а описываемые войны историки датируют по-разному [11, с. 9–15; 56, с. 20–28], оно остается одним из основных и немногих письменных источников о рассматриваемом нами времени. 53 глава сочинения описывает ряд боспоро-херсонесских конфликтов, вылившихся в вооруженное противостояние. Причины войн двух античных центров Северного Причерноморья нам неизвестны, но в сочинении прослеживается линия отражения Херсонеса как друга и союзника Рима [56, с. 21–22].

Таким образом, Херсонес пострадал от событий III в. в значительно меньшей степени, чем Ольвия. Очевидный и неизбежный экономический спад компенсировался определенной поддержкой со стороны империи, выразившейся в первую очередь помощью в защите от варваров, которых Рим опасался и сам. А ведь именно нашествие готских племен стало одной из основных причин резкого упадка, а затем и гибели Ольвии. Херсонес в этом плане оказался более выгодном положении, так как рассматривался империей в качестве форпоста на своих границах с варварами в Северном Причерноморье.

Третий античный центр – Боспорское царство, которое согласно сочинению Константина Багрянородного и было плацдармом для варварского проникновения. Однако данное государство также подверглось нападению готов. Их нашествие причинило серьезный ущерб экономике и оказало прямое влияние на развитие Боспора в поздеантичный период [10, с. 31]. А после войн с Херсонесом данное государство, как отмечает Константин Багрянородный, и вовсе перестает существовать (*Const. Porph., De adm. imp., 53, 232–233*). Вероятно, автор использует подобного рода гиперболизацию с тем, чтобы показать силу карательного удара, нанесенного Римской империей Боспору.

Действительно территория Боспора в Таврике существенно пострадала от нападения варваров [36, с. 136–137]. Слои конца III – начала IV в. прослеживаются во всех крупных городах и сельской округе государства, однако постепенно очерчивается тенденция к сокращению сельскохозяйственного населения [38, с. 137–145], которое стало концентрироваться в крупных городах [45, с. 219–221]. Безусловно, причиной тому является тяжелая ситуация, которая сложилась во всем северопричерноморском регионе в последней четверти III в. [46, с. 24]. Внешнеполитический фактор вместе с гибелью большого количества сельских поселений и крахом системы сельских военных поселений стал основной причиной кризисных явлений в экономике Боспора [46, с. 23; 47, с. 46; 18, с. 40; 19, с. 120–126]. Города постепенно превращались в аграрно-ремесленные центры при общем сокращении торговых операций [35, с. 9]. Сохранялось ремесленное и амфорное производство, однако оно все больше начинало носить семейный характер, а его результаты использовались преимущественно для внутренних нужд, в связи с чем объемы экспорта резко сокращались [6, с. 220; 7, с. 61]. Эти процессы вместе натурализацией хозяйства и стиранием границ между сельскими и городскими поселениями, которые в историографии принято именовать рустификацией, стали характерными чертами поздеантичного развития Боспорского царства [6, с. 219; 35, с. 10; 47, с. 45; 7, с. 61].

Следует заметить, что кризисные явления в меньшей степени отразились на азиатской части Боспора, где ко всему прочему мы не имеем и значительных следов пожаров и разрушений варварами [38, с. 137–145]. Однако общая ситуация, связанная с прекращением деятельности крупных земельных хозяйств [46, с. 40] и данные нумизматики, подтверждают углубление кризисных явлений в экономике. Исследуя ситуацию конца III – начала IV в. на Боспоре, мы обнаруживаем свидетельства как низкопробной чеканки [36, с. 185–204; 2, с. 133; 54, с. 75–94], так и ее полного прекращения [35, с. 9; 2, с. 214; 7, с. 67].

Причиной этого можно считать падение роли товарного производства в целом. Однако оценивать экономическое состояние Боспора без уже упомянутых политических процессов было бы неправильно. Примечательно, что данный античный центр, как и другие, подвергся нападению варваров, вызывавших неоднократно мощную дестабилизацию в государстве [17, с. 126–127]. В надписи 36 в Корпусе боспорских надписей отражена победа Тейрана над возвращавшимися после морского набега готами и герулами в 276 г. При этом Зосим прямо сообщает, что Боспор предоставлял варварам проход в Азию даже осуществлял их переправу на своих собственных судах (Zosim. I, 31). Данные Константина Багрянородного свидетельствуют о том, что именно племенные народы составили основу войска, собранного в противостоянии с Херсонесом (Const.Porph., De adm. imp., 53). Все это говорит в пользу очень сложных отношений Боспора и варваров, от которых государство было вынуждено не только обороняться, но и вступать с ними в прямые отношения и даже военное сотрудничество. Именно оно послужило определенным фактором для возникновения противостояния с Херсонесом. Как отмечает Н.Н. Болгов, только сильное влияние и давление боспоро-сарматской знати могло побудить Фофорса к изменению внешнеполитических приоритетов и нападению на территорию империи с целью овладения всей Таврикой [10, с. 33; 9, с. 130]. Еще Р. Гарнеттом было высказано мнение о наличии реальной исторической основы в сюжетах 53 главы сочинения Константина [57, с. 100–105]. Силы Херсонеса, имеющие в своих рядах профессиональных бойцов, поддерживаемых самим Римом, были более организованы и нанесли поражение Боспору, для которого данные события и стали новым фактором, оказывавшим резко негативное воздействие на экономику и общее состояние государства. По мнению Н.Н. Болгова, именно с этого времени начинается позднеантичная история Боспора со всеми присущими новому этапу специфическими чертами [8, с. 12].

Таким образом, в ситуации во всех трех античных центрах Северного Причерноморья в конце III – начала IV в. можно выделить

общее и особенное. В последней четверти третьего столетия Ольвию, Боспор и Херсонес объединял общий спад в экономике, объемах торговли, ремесла, и постоянная угроза варварского вторжения, что оказывало прямое влияние на все стороны жизни в рассматриваемых государствах. Вместе с тем в период становления домината во всем регионе возникал подъем, стимулировавший восстановление разрушенных районов. Херсонес, поддерживаемый самим Римом и пострадавший от варварских набегов, оказался в лучшем положении. Тогда как Ольвия, почти полностью разрушенная после набега варваров в 269–270 гг., несмотря на некий подъем, уже не смогла пережить нашествие гуннов. Совершенно особенная ситуация сложилась на Боспоре. Данное государство также страдало от набегов племенных народов, однако варвары являлись и его неотъемлемой частью.

Следует выделить целый ряд факторов, оказывавших прямое влияние на положение в Северном Причерноморье в конце III – начале IV в. Во-первых, безусловно, посткризисная ситуация вызвала подрыв экономики не только в сердце империи, но и на ее окраинах. Во-вторых, это противоречия и конфликты между Боспором и Херсонесом, вылившиеся в вооруженное противостояние и вызывавшие дестабилизацию в регионе на протяжении всего рассматриваемого периода [17, с. 125–128; 16, с. 192–193]. И в-третьих, племенные народы, передвижения которых носили разрушительный характер. Ко всему прочему, варвары, в частности в Боспорском царстве, пронизывали все структуры государства и общества и так или иначе оказывали прямое влияние не только на внутреннюю ситуацию, но и на внешнеполитический курс. С приходом к власти Диоклетиана государства Северного Причерноморья получили новый импульс в развитии. Однако географическое положение региона ставило его в прямую зависимость от гораздо более мощных воздействующих факторов, главным из которых были варвары. Именно их разрушительная деятельность привела к гибели Ольвии, возможно подвигла к ряду войн Боспор и Херсонес, а также оказывала прямое влияние на политическое и экономическое развитие всего региона.

Список литературы

1. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. – М., 1966.
2. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. – Киев, 1986.
3. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до. н.э. – XII в. н.э.). – Киев, 1977.
4. Антонова И.А., Зубарь В.М. Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса // Херсонесский сб. – 2001. – Т. 12. – С. 31–69.

5. Беляев С.А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса: (По материалам раскопок 1973–1977 гг.) // Византийский временник. – М., 1979. – Т. 40. – С. 114–126.
6. Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М., 1964.
7. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. – Белгород, 1996.
8. Болгов Н.Н. О современном подходе к истории Боспора IV–VI в. н.э. // Методология и методика изучения античного мира. – М., 1994. – С. 211–215.
9. Болгов Н.Н. Основные проблемы восточно-римской и ранневизантийской политики на Северном Понте (сер. III–VI вв.) // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2008. – № 1. – С. 128–137.
10. Болгов Н.Н. Позднеантичный Боспор: между античностью и средневековьем // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С. 29–40.
11. Болгов Н.Н. Херсонес, Боспор и Рим в конце III – I трети IV в. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 9–15.
12. Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А. Schola principalium в Херсонесе // Нумизматика и эпиграфика. – 1999. – Т. 16. – С. 72–81.
13. Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. – Т. 1. – М., 1955. – С. 23–147.
14. Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. // Нумизматика и сфрагистика. – Т. 3. – Киев, 1968. – С. 3–61.
15. Диатроптов П.Д. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. // Античная гражданская община: межвуз. сб. науч. тр. – М., 1986. – С. 127–151.
16. Зубарев В.Г. Из истории Боспорского царства во второй половине III – начале V в. н.э. // БИ. – 2006. – Вып. 12. – С. 187–193.
17. Зубарев В.Г. К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III – начале V веков н.э.: сб. материалов конф. «Боспорские чтения»: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. – Вып. VI. – Керчь, 2005. – С. 125–128.
18. Зубарев В.Г. К истории сельской территории Европейского Боспора в первые века нашей эры // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Д.И. Багалая: тез. докл. науч. конф. – Харьков, 1997. – С. 40.
19. Зубарев В.Г. Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское» // Древности Боспора. – 2002. – № 5. – С. 120–126.
20. Зубарь В.М. О заключительном этапе истории Ольвии (Третья четверть III – первая половина IV в.) // Вестн. древней истории (ВДИ). – 2001. – № 1. – С. 132–138.
21. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. – Киев, 1994.
22. Зубарь В.М., Антонова И.А. Новые данные о римском гарнизоне Херсонеса в первой половине III в. // ВДИ. – 2000. – № 1. – С. 66–70.
23. Зубарь В.М., Сарновский, Т., Антонова, И.А. Новая латинская надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // Херсонесский сб. – 2001. – Вып. 11. – С. 106–115.

24. Зубарь В.М., Сон Н.А. Северно-Западное Причерноморье в античную эпоху. – Симферополь, 2007.
25. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II–IV вв. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. – Киев, 1986. – С. 101–129.
26. Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. – Харьков, 1970.
27. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (на материале Херсонеса). – Харьков, 1989.
28. Карышковский П.О. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. – 1968. – № 1. – С. 168–179.
29. Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). – Одесса, 2003.
30. Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – М., 1991.
31. Коптев А.В. Princeps et dominus: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи // Древнее право. Ivs antiquvm. – 1996. – № 1. – С. 182–190.
32. Крапивина В. В. Позднеантичный период истории Ольвии Понтийской // ВДИ. – 2013. – № 1. – С. 77–94.
33. Крапивина В.В. Взаимоотношения Ольвии и варваров в III–IV веках н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: материалы X междунар. науч. конф. – Ростов, 2002.
34. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. – Киев, 1993.
35. Кругликова И.Т. Боспор III–IV вв. в свете археологических // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии (КСИА). 1965. – Вып. 103. – С. 2–10.
36. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. – М., 1966.
37. Кругликова И.Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклеяском полуострове // КСИА. – 1981. – Вып. 168. – С. 9–16.
38. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. – М., 1975.
39. Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В. и др. Сельская округа Ольвии. – Киев, 1989.
40. Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). – Киев, 1990.
41. Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В. и др. Античное государство в Северном Причерноморье. – Киев, 1999.
42. Латышев В.В. Жития святых Епископов Херсонских. Исследования и тексты. – М., 2011.
43. Магомедов Б.В. Ольвия и черняховская культура // Проблемы исследования Ольвии: тез. докл. и сообщений семинара. – Парутино, 1985. – С. 47–49.
44. Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Люблин, 2001.
45. Масленников А.А. Население Боспорского государства в первые века нашей эры. – М., 1990.
46. Масленников А.А. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1993.
47. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. – М., 1997.

48. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1986.
49. Сергеев И.П. Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. – Харьков, 1999.
50. Сорочан С.Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности. – Харьков, 1994. – С. 66–72.
51. Сорочан С.Б. Экономические связи Херсонеса Таврического с Боспором в I в. до н.э. – V в. н.э. // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 223–225.
52. Сорочан С.Б., Шевченко А.В. Западнопонтийские светильники II–VI вв. из Херсонеса // Вестн. Харьковского ун-та. – 1983. – № 238. – С. 94–100.
53. Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // Византийский временник. – 1961. – Т. 18. – С. 54–73.
54. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. – М., 1997. – Ч. 2.
55. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исслед. по археологии СССР (МИА). – 1959. – № 63.
56. Ярцев С.В. Античный мир и варвары северного Причерноморья в первых сюжетах «Повествования о крепости Херсон» Константина Багрянородного // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 16. – С. 20–28.
57. Garnett R. The Story of Gycia // English Historical Review. – New York, Bombay, 1897. – Vol. XII. – P. 100–105.
58. The Cambridge ancient history. Vol XII. The Crisis of Empire, A.D. 193–337. – Cambridge, 2005.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 328.1(09)(47)

Л.Ю. Гусман

Чтения по истории российского парламентаризма

В статье анализируются материалы сборника «Таврические чтения», касающиеся истории российского парламентаризма. Автор высказывает свои соображения о развитии конституционалистских взглядов в русском обществе начала XX в.

The article is devoted to the collection of historical articles «Tavrisheskie chteniya» about development Russian parliamentarianism. The author discussed problems of history constitutional views in Russia in beginning XX century.

Ключевые слова: Конституция, дума, реформы, революция, политика, история, общество.

Key words: constitutional, дума, reforms, revolution, politics, history, society.

С 2007 г. в Санкт-Петербурге под эгидой Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ ежегодно проходят «Таврические чтения» [13], посвященные истории парламентаризма, главным образом российского. Регулярно выпускаемые сборники научных статей каждый раз становятся событием для специалистов по истории России, особенно периода «думской монархии».

В то время, когда прилавки книжных магазинов заполнили всевозможные подделки под исторические монографии, в которых сознательно или по невежеству искажается прошлое, отраднее ознакомиться с подлинно научным сборником исследовательских работ, каковым являются «Таврические чтения 2012» [12]. Отметим высокие критерии отбора трудов для публикации, в чем видится несомненная заслуга редактора «Чтений», крупного специалиста по истории российского парламентаризма А.Б. Николаева [11, с. 22–32].

Несмотря на то что формально начальные хронологические рамки сборника определяются 1905 г. и официальными документами об открытии Государственной думы, многие материалы «Таврических чтений» неразрывно связаны с предыдущими историческими этапами. Так, важное концептуальное значение имеет статья С.В. Куликова, касающаяся «миссии У.Т. Стэда» в Россию в 1905 г.

[8, с. 19–69]. Сам по себе этот визит известного английского русофила и пацифиста рассматривался в историографии. Однако Куликов выдвигает оригинальную концепцию формирования конституционно-конституционалистских настроений в кругах предреволюционной высшей бюрократии. По мнению Куликова, аргументированному многими мемуарными и делопроизводственными источниками, убежденным сторонником введения в России представительного строя выступал не кто иной, как В.К. Плеве.

Конечно, взгляды Куликова покажутся парадоксальными как для сторонников либерального дискурса к истории России (для них Плеве убежденный абсолютист, «со знаком минус»), так и для приверженцев «охранительного» подхода к предреволюционной эпохе (для них Плеве защитник неограниченного самодержавия «со знаком плюс»). Мы полагаем, что следует абстрагироваться от априорных представлений и взглянуть на проблему свежим взглядом. Аргументы Куликова в пользу «конституционализма» Плеве не всегда кажутся одинаково убедительными, но они будят мысль и заставляют прежние исторические аксиомы воспринимать как теоремы, требующие дополнительных доказательств. Кроме того, как нам представляется, в сборнике следует обращать внимание и на те идейные направления, издания и события второй половины XIX в., под воздействием которых и развивались социально-политические позиции консервативных, либеральных и социалистических деятелей начала XX в. – от Плеве до Г.А. Алексинского.

Значительный интерес представляет статья А.А. Иванова, известного специалиста по истории отечественного консерватизма. В своем новом труде [6, с. 32–47] он проанализировал порой полярные отзывы современников о знаменитом депутате Н.Е. Маркове, чье имя в межреволюционную эпоху стало нарицательным. Как и прежде, Иванов избегает двух частых крайностей – апологетики и разоблачительства. Из мозаики противоположных характеристик и оценок вырисовывается многоцветный психологический портрет знаменитого правого депутата. Думается, заслуживает внимания вопрос о влиянии на мировоззрение Н.Е. Маркова его отца – известного романиста и публициста Е.Л. Маркова. Начиная как яркий конституционалист, этот автор под конец жизни стал умеренным консерватором, но всегда сохранял мужественную оригинальность мысли, никогда не смешиваясь даже со своими единомышленниками. Достаточно сказать, что в 1879 г., когда в ненависти к буржуазии были едины и революционеры, и консерваторы, и либеральные народники, Е.Л. Марков опубликовал статью «Буржуазные идеалы», в которой восхвалял разумную умеренность среднего класса. Подобных случаев, когда Марков-старший демонстрировал «лица необщее выражение», было много. Нам кажется, что воздействие его

сочинений, как на брата – октябриста Н.Л. Маркова 1-го, так и на более знаменитого – сына, стоило бы проанализировать. Заметим, например, что по национальному вопросу, как явствует из статей Е.Л. Маркова в журнале «Русская речь» 1881–1882 гг., их точки зрения совпадали. Во всяком случае, статья Иванова закладывает основу для научного жизнеописания Маркова 2-го, чья деятельность не оставляла равнодушным никого из современников.

Литературная увлекательность в сочетании со строгой научностью отличает статью П.Н. Гордеева, в которой автор реконструировал биографию Ф.П. Купчинского [5, с. 48–79]. Герой статьи был связан и с Л.Н. Толстым, и с офицерами гарнизона Порт-Артура, и с эксгумацией тела Г.Е. Распутина. Он успел побывать и крайним консерватором, и революционером, и деятелем Белого движения, всюду оказываясь своего рода «идейным авантюристом», без которых, впрочем, история переломных эпох была бы неполна. Подобных персонажей изображал Ф.М. Достоевский в «Бесах», а Б.В. Савинков – в автобиографических повестях. Читая статью Гордеева, еще раз убеждаешься в том, что жизнь – лучший исторический романист. Отметим, что и один из героев статьи, В.В. Ярмонкин – кумир раннего, «консервативного» Купчинского – был не просто охранительным публицистом, но и личностью весьма авантюрного склада. До того, как публиковать цитируемые Гордеевым юдофобские и дворянофильские тексты, Ярмонкин успел послужить в начале 1880-х гг. в «Святой дружине» и опубликовать радикальные, хотя и антитеррористические тексты в «Правде», издаваемой «Дружиной» в Женеве в 1882 г. Затем именно этот публицист был редактором либеральной газеты «Светоч», которая за конституционалистское «вредное направление» была закрыта в 1885 г. И уже через несколько лет Ярмонкин становится яростным консерватором, создателем газеты «Заря», которая вполне заслуживает анализа историка охранительной мысли предреволюционной России. Его младший современник и поклонник Купчинский также был склонен к подобным метаморфозам, столь увлекательно и четко изложенным Гордеевым.

Чрезвычайно интересна источниковедческая статья Т.А. Базаровой и И.В. Лукоянова, касающаяся предвыборных материалов, собиравшихся известным историком Н.П. Лихачевым [2, с. 114–119]. Несмотря на то что Лихачев придерживался крайне правых политических взглядов, он как истинный ученый собирал листовки и плакаты самых разных избирательных движений, которые в целом создают достаточно полную картину «выборной лихорадки», охватывавшей столицу во время думских выборов. Авторы обращают внимание на преобладание в коллекции изданий партии народной свободы, что, казалось бы, неожиданно, учитывая консер-

вативные пристрастия Лихачева. Однако позиции партии кадетов в Петербурге всегда были достаточно сильны и, очевидно, они держали первенство по количеству и разнообразию агитационных материалов. «Лихачевская коллекция», по нашему мнению, демонстрирует, как профессиональный ученый способен абстрагироваться от своих политических воззрений во имя создания по возможности полной картины событий, происходивших на его глазах.

Темы статей сборника чрезвычайно разнообразны. Порой они заставляют по-новому взглянуть на, казалось бы, хрестоматийные исторические события. Так, Г.Ю. Афанасьев, основываясь на многочисленных источниках, убедительно доказывает, что одной из причин трагической неудачи знаменитой экспедиции Г.Я. Седова стало политиканство думских националистов [1, с. 212–220]. Они использовали это выдающееся научное предприятие в интересах своей предвыборной кампании 1912 г. Печальный итог известен. Сиюминутная политическая выгода одержала верх над профессионализмом, и мартиролог полярных исследователей пополнился еще одной мрачной датой.

В некоторых статьях сборника проанализировано формирование образа Государственной думы в западном общественном мнении. Отметим статью Е.С. Гавроевой, касающуюся упоминаний о IV Государственной думе в дебатах британской палаты общин [4, с. 158–164]. Из статьи явствует в целом сочувственное отношение парламентариев к своим российским коллегам. Безусловно, важным обстоятельством, определявшим такую позицию лондонских политиков, стало активное участие России в Антанте и в «Великой войне». Нам представляется, что не менее важно осветить и другую сторону медали – образ английского парламента в думских дебатах, анализируя сходство и различие в позициях ораторов различных фракций. Ведь для правых депутатов, враждебно относившихся и к внешней политике Великобритании, и к ее парламентскому устройству, часто высказывавшихся до 1914 г. с германофильских позиций, начало войны стало серьезным испытанием. Предполагавшийся союзник стал врагом, а наиболее вероятный противник – мощным союзником. Интересно проследить эволюцию риторики по отношению к английскому парламенту со стороны думских правых и националистов-балашовцев, не говоря уже об умеренном крыле Прогрессивного блока – фракций центра и прогрессивных националистов.

Особое место в сборнике занимает вопрос о судьбе IV Государственной думы. А.В. Костылев убедительно показал масштабность целенаправленного вмешательства властей в ход избирательной кампании 1912 г. [7, с. 193–206]. Хотя, как доказывает автор, на составе Думы сказалось общее полевание электорального корпуса,

особенно 1-й городской курии, усилия правительства не остались бесплодными, и довоенная Дума была, в своем большинстве, лояльна династии. Невозможно было предположить, что высший законодательный орган империи, сформированный согласно «бесстыжему» закону 3 июня 1907 г. и под мощным давлением сверху, с 1915 г. станет центром оппозиции, а в феврале 1917 г. – штабом антимонархической революции. Однако именно так и произошло. Редактор «Чтений», признанный специалист по истории «мартовских дней» 1917 г. [10], А.Б. Николаев, на основе скрупулезного анализа источников доказывает, что даже в апреле 1917 г. возможность возобновления заседаний Государственной думы, как законодательного органа, была вполне реальной [9, с. 252–293].

Можно было бы еще долго анализировать статьи сборника, ибо все они выполнены на высоком научном уровне и сочетают тщательный анализ источников со стремлением к историческому синтезу, но уже из всего вышесказанного понятна важность и ценность работы авторов «Таврических чтений». На наш взгляд, история отечественного парламентаризма начинается не с 1905 г., а гораздо раньше. Неслучайно дореволюционные земства порой именовались «нижним этажом конституционного здания», а будущее всероссийское выборное представительство обозначалось в прессе второй половины XIX в. как «центральное земство» [3, с. 19–26]. Традиции русского местного самоуправления отнюдь не моложе английского self-government и ничуть не уступают ему по укорененности в национальной ментальности. Думается, что эта тема может занять достойное место в следующих выпусках сборника.

В настоящее время, когда слово «дилетант» уже перестает восприниматься массовым сознанием как негативная характеристика, отрадно видеть научное издание, чуждое какого-либо намека на поверхностность и конъюнктуру. Пожелаем же «Таврическим чтениям» долгой и полнокровной жизни. Статьи, помещенные в рецензируемом сборнике далеки от идеологической предвзятости, черно-белого упрощенчества. А ведь как показывает прошлое и настоящее, именно «исторический дальтонизм» и примитивное мифотворчество могут стать и становятся причиной многих трагедий. «Таврические чтения», борясь с такими тенденциями, делают благородное дело.

Список литературы

1. Афанасьев Г.Ю. Государственная дума и организация экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу в 1912–1914 гг. – пример парламентского политиканства в реализации общественной инициативы // Таврические чт. 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 19 окт. 2012 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2013. – Ч. 1.

2. Базарова Т.А., Лукоянов И.В. Выборы в Государственную думу 100 лет назад: По материалам из коллекции Н.П. Лихачева // Таврические чт. 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 19 окт. 2012 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2013. – Ч. 2.

3. Веретенко В.А. Выборы в представительный орган России (вторая половина XIX – начало XX в.): идеи и реализация // История выборов в России: сб. материалов междунар. науч. конф., 16–17 сент. 2011 г. / под общ. ред. В.П. Журавлева, В.Н. Скворцова. – СПб., 2011.

4. Гавроева Е.С. IV Государственная дума по материалам английских парламентских дебатов // Таврические чт. 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 19 окт. 2012 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2013. – Ч. 2.

5. Гордеев П.Н. Ф.П. Купчинский – уполномоченный Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по делам бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Гаража его величества // Таврические чт. 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 19 окт. 2012 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2013. – Ч. 2.

6. Иванов А.А. «Он силен волею и темпераментом...»: Правый депутат Н.Е. Марков глазами современников // Таврические чт. 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 19 окт. 2012 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2013. – Ч. 2.

7. Костылев А.В. Выборы в IV Государственную думу Российской империи (сентябрь – октябрь 1912 г.) // Таврические чт. 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 19 окт. 2012 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2013. – Ч. 1.

8. Куликов С.В. К истории создания законодательной Государственной думы. Николай II, У.Т. Стэд и Манифест 17 октября 1905 г. // Таврические чт. 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 19 окт. 2012 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2013. – Ч. 1.

9. Николаев А.Б. Вопрос о судьбе Государственной думы в марте – апреле 1917 года // Таврические чт. 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 19 окт. 2012 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2013. – Ч. 1.

10. Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. – СПб., 2005.

11. Николаев А.Б., Поливанов О.А. Российский парламентаризм в 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. – СПб., 1993. – Вып. 1.

12. Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 19 окт. 2012 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2013. Ч. 1, 2.

13. Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века: науч.-практ. семинар, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 11 дек. 2007 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2008.

Сведения об авторах

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: dino10@yandex.ru

Бобков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского; e-mail: vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

Вересова Елена Александровна – магистр истории, соискатель кафедры архивоведения, историографии и документоведения, Тверской государственный университет; e-mail: veresova.elena@yandex.ru

Волков Вячеслав Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-морского флота «Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»; e-mail: agnee@yandex.ru

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП); e-mail: blummer@mail.ru

Емельянов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: sergeje@mail.ru

Заельская Светлана Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: sv_a_z@mail.ru

Иванова Ольга Александровна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: bigimotic...filya@mail.ru

Конкин Андрей Алексеевич – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: aspid8889@rambler.ru

Конохова Анастасия Сергеевна – аспирант, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: konohova@bk.ru

Куприн Леонид Юрьевич – аспирант кафедры всеобщей истории и методики преподавания, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, e-mail: gertzogLK@yandex.ru

Лаврова Евгения Михайловна – соискатель кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: kurufin@mail.ru

Монин Вадим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Астраханский государственный университет, консультант мэра города Астрахани; e-mail: vadimmoni@mail.ru

Надсадный Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: naddim@yandex.ru

Петровичева Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Педагогический институт Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, e-mail: helenp94@mail.ru

Разумов Сергей Александрович – кафедра Новейшей истории России, Московский государственный областной университет; e-mail: sergiy1989@gmail.com

Твердюкова Елена Дмитриевна – доктор исторических наук, доцент, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: tvelena@bk.ru

Тряхов Илья Сергеевич – аспирант кафедры истории России, Педагогический институт Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, e-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

Циглер Максим Владимирович – аспирант кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: czigler@yandex.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;

- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 1
Том 4. История**

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.03.2015. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Agial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11. Тираж 500 экз. Заказ № 1115

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а